

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**ГУМАНИТАРНЫЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ**

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ISSN 2409-1030

**ВЫПУСК № 1
2015**

ВЫХОДИТ 4 РАЗА В ГОД

Ставрополь
2015

Учредитель

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Северо-Кавказский федеральный университет»

Главный редактор

Крючков И. В. – доктор исторических наук, профессор

Заместитель главного редактора

Смирнов Д. А. – доктор юридических наук, профессор

Редакционный совет

А. А. Левитская – ректор СКФУ (председатель); **Д. А. Сумской** – д-р юрид. наук, профессор, первый проректор СКФУ (зам. председателя); **В. Ш. Авидзба** – канд. филол. наук, директор Абхазского института гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа Академии наук Абхазии; **А. В. Гладышев** – д-р истор. наук, профессор; **С. В. Гусаренко** – д-р филол. наук, профессор; **А. М. Ерохин** – д-р соц. наук, канд. филос. наук, профессор; **В. И. Карасик** – д-р филол. наук, профессор; **Т. Крюссман** – д-р юрид. наук, профессор (Австрия); **И. В. Крючков** – д-р истор. наук, профессор; **В. В. Мамонов** – д-р юрид. наук, профессор; **А. А. Мелконян** – д-р истор. наук, член-корр. НАН Республики Армения; **Л. П. Репина** – д-р истор. наук, член-корреспондент РАН; **Ф. Саваи** – д-р истор. наук, профессор, ректор Капошварского университета (Венгрия); **Д. А. Смирнов** – д-р юрид. наук, профессор; **Ю. Н. Стариков** – д-р юрид. наук, профессор; **О. И. Федотов** – д-р филол. наук, профессор; **Д. Д. Фролов** – д-р соц.-полит. наук, науч. сотр. Национального Архива Финляндии.

Редакционная коллегия

И. В. Крючков – д-р истор. наук, профессор (председатель); **В. Ю. Апрыщенко** – д-р истор. наук, профессор; **К. Р. Амбарцумян** – канд. истор. наук (отв. секретарь); **В. В. Василенко** – д-р истор. наук, доцент; **Л. Н. Величко** – канд. истор. наук, доцент, (отв. секретарь); **Е. В. Галкина** – д-р полит. наук, профессор; **С. В. Гусаренко** – д-р филол. наук, профессор; **Е. Н. Ежова** – д-р филол. наук, профессор; **А. Г. Кибальник** – д-р юрид. наук, профессор; **И. Н. Клюковская** – д-р юрид. наук, профессор; **М. Е. Колесникова** – д-р истор. наук, профессор; **С. И. Маловичко** – д-р истор. наук, профессор; **О. И. Лепилкина** – д-р филол. наук, профессор; **Т. Н. Ломтева** – д-р пед. наук, профессор; **Н. Л. Московская** – д-р пед. наук, профессор; **И. В. Мухачёв** – д-р юрид. наук, профессор; **Э. С. Навасардова** – д-р юрид. наук, профессор; **А. А. Серебряков** – д-р филол. наук, профессор; **С. В. Серебрякова** – д-р филол. наук, профессор; **Д. А. Смирнов** – д-р юрид. наук, профессор; **В. П. Ходус** – д-р филол. наук, профессор; **Т. А. Шебзухова** – д-р истор. наук, профессор; **О. С. Шибкова** – д-р филол. наук, профессор.

Научный журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации

ПИ № ФС 77-59452 от 22 сентября 2014 г.

Адрес: 355009, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1
Телефон: (8652) 75-28-64

© ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет», 2015
ISSN 2409-1030

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

Булыгина Т. А. Из интеллектуальной жизни советского общества. Статья третья. Советская социально-гуманитарная наука и власть в послевоенные годы	7
Дудайти А. К. Кувейтский кризис в ближневосточной политике стран-членов ЕЭС начала 90-х гг. XXв.....	15
Зверева Л. А. Районирование Ставропольской губернии 1924 года: необходимость проведения и последствия	21
Ивонин Ю. Е. Совещания курфюрстов и рейхстаги Священной Римской империи накануне и во время Тридцатилетней войны.....	27
Ивонина Л. И. Франция и последние баталии Тридцатилетней войны	33
Ким И. К. Парламентские выборы 1930 года в Польше в зеркале «Газеты польской».....	39
Кукоба Л. И. Праздник Делии на Делосе (V – IVвв. до н.э.).....	45
Лохова И. В. Положение рабочих в Германии в последней трети XIX – начале XX вв. и отношение политической элиты страны к решению рабочего вопроса.....	49
Магомедов М. М. Эволюция суфийских общин на Северо-Восточном Кавказе в XIXв	57
Муртазин М. Ф. Табари и его сочинение «Свод изъяснения об истолковании аятов Корана»	62
Пантюхина Т. В. Интеграция болгарских иммигрантов в американское общество в XIX – XXвв	68
Рокина Г. В. Иностранные пленные Первой мировой войны в Марийском крае	72
Стрелец М. В., Билевич О. И. Общественно-политическая и культурная деятельность белорусской эмиграции в 1918 – 1939гг	77
Стыкалин А. С. Из истории подготовки московских совещаний компартий (ноябрь 1957г.). Миссия Ю.В. Андропова и Б.Н. Пономарева в Белград.....	81

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Галачиева М. М. Уголовно-правовой анализ терроризма в современной России	91
Койбаев Б. Г., Золоева З. Т. Правовые аспекты информатизации в республике Корея.....	96
Польская С. А. Теория и практика французского средневекового судопроизводства: изъятие из общего правила.....	101

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Ежова Е. Н. Космогонические мифы в организации рекламного пространства.....	105
Луговая Е. А. Ономастикон виртуального пространства жанра «fantasy» в аспекте неологии	113

Попова Е. П., Бондаренко О. В. Приемы и средства связей с общественностью: соотношение вербального и невербального компонента.....	116
Штайн К. Э., Петренко Д. И. Русский язык в полиэтническом регионе (на материале сочинений Я.М. Неверова, директора Ставропольской губернской гимназии 1850 – 1860 годов)	121

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Авдеев Е. А. Глобализация в современном теоретическом дискурсе: от плюрализма к междисциплинарности	129
Бурчикова Е. О. Виртуализация как тенденция развития информационного общества ...	134
Мищенко Е. Ю. СМИ как механизм репрезентации реальности общества потребления: взгляд Ж. Бодрийяра.....	138
Попов М. Е. Конфликты идентичностей versus социокультурная интеграция: российская специфика.....	141

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Нелина Л. П. Внешнеполитические проекции альтерглобализма в Латинской Америке ...	146
Сведения об авторах	151

CONTENTS

HISTORY AND ARCHAEOLOGY

Bulygina T. A. Intellectual life of Soviet society. Article 3. Soviet social studies and humanities and power in the post-war years.....	7
Dudayti A. K. The Kuwait crisis in the Middle East policy of the EEC member states in the early 1990-s.....	15
Zvereva L. A. Division of Stavropol province into districts in 1924: reasons and consequences	21
Ivonin Y. E. Meetings of Prince-Electors and Reichstags of Holy Roman Empire on the eve and during the Thirty Years' War	27
Ivonina L. I. France and the last battles of the Thirty Years' War.....	33
Kim I. K. Parliamentary elections in Poland in 1930 in reflection of «Gazeta Polska»	39
Kukoba L. I. The festival of Delia in Delos (V – IV b. c.).....	45
Lokhova I. V. The conditions of workers in Germany in the late XIX – early XX centuries and the attitude of the country's political elite towards workers' question.....	49
Magomedov M. M. The evolution of Sufi communities in the North-East Caucasus in XIX century.....	57
Murtazin M. F. Tabari and his commentary on Coran	62
Pantyukhina T. V. Integration of Bulgarian immigrants into American society in the XIX – XX centuries.....	68
Rokina G. V. The foreign war prisoners of World War I in Mari region	72
Strelez M. V., Bilevich O. I. Social, political and cultural activities of Belarusian immigration in 1918 – 1939	77
Stykalin A. S. On the history of the preparation of the Moscow communist conferences (November, 1957). Y.V. Andropov and B.N. Ponomarev's mission to Belgrad	81

LEGAL SCIENCES

Galachieva M. M. Criminal - legal analysis of terrorism in Russia.....	91
Koybaev B. G., Zoloeva Z. T. Legal aspects of informatization in the Republic of Korea.....	96
Polskaya S. A. Theory and practice of medieval French legal proceedings: exceptions to the general rules of procedure	101

HIOLOGICAL SCIENCES

Ezhova E. N. Cosmogonic myths in the organization of the advertising space.....	105
Lugovaya E. A. The proper names' system in the virtual space of «fantasy» genre in the aspect of neology	113

Popova H. P., Bondarenko O.V. Receptions and means of public relations: ratio of a verbal and nonverbal component	116
Stain K. E., Petrenko D. I. Russian in the multiethnic region (on material of compositions by Ya.M. Neverov, director of Stavropol provincial gymnasium (1850 – 1860) ...	121

PHILOSOPHICAL SCIENCES

Avdeev E. A. Globalization in the modern theoretical discourse: from pluralism to interdisciplinarity	129
Burchikova E. O. Virtualization as a tendency of the information society	134
Mishchenko E. Y. Mass media as a mechanism for the representation of reality of «the consumer society»: a view of Jean Baudrillard	138
Popov M. E. Identity-based conflicts versus social and cultural integration: Russian specificity	141

POLITICAL SCIENCES

Nelina L. P. The foreign political projections of alter globalization in Latin America	146
Information about the authors	153

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

УДК 94(47).084.8

Т. А. Булыгина

ИЗ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ЖИЗНИ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА. СТАТЬЯ ТРЕТЬЯ.
СОВЕТСКАЯ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНАЯ НАУКА И ВЛАСТЬ
В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

Автор обращается к проблеме общественных наук в интеллектуальном пространстве послевоенного СССР. В статье анализируются сложности развития исторической, правовой, философской и экономической наук в русле общих идеологических кампаний.

Ключевые слова: идеология, общественные науки, «борьба с космополитами», идеологический диктат, гуманитарная наука, антисемитизм, марксизм-ленинизм, оппортунизм, политический режим, общественное сознание.

Т. А. Bulygina

INTELLECTUAL LIFE OF SOVIET SOCIETY. ARTICLE 3.
SOVIET SOCIAL STUDIES AND HUMANITIES AND POWER IN THE POSTWAR YEARS

The author addresses the problem of Social Studies in the postwar intellectual space of the USSR. The paper analyzes difficulties of historical, legal, philosophical and economic sciences in the context of ideological campaigns.

Key words: ideology, Social Studies, anti-cosmopolitan campaign, ideological dictate, the Humanities, anti-Semitism, Marxism-Leninism, opportunism, political regime, social consciousness.

Вместо ожидаемой «оттепели» в конце 1940-х гг. многие гуманитарии оказались объектами общей антисемитской истерии, именуемой борьбой с космополитизмом. В то же время именно в это время идеологические вожди возродили наступление на представителей русской «либерально-буржуазной науки». В феврале 1949 г. на сессии институтов истории и философии АН СССР при обсуждении путей развития исторической науки, в продолжение идеологические нападки 1947 и 1948 гг. развенчивали Н. А. Рубинштейна, в результате его учебник был запрещен. В антипатриотизме был обвинен руководитель авторского коллектива «Истории университетского учебника

по истории СССР И. И. Минц, ранее освобожденный от заведования кафедрой истории СССР в МГУ, а также его «покровитель», заведующий этой кафедрой Е. Н. Городецкий [6, с. 44–145].

Тяжелым ударом по «безродным космополитам», включая и историка И. М. Разгона, стало партийное собрание исторического факультета МГУ в марте 1949 г., а также общее партийное собрание в Академии общественных наук, на котором заместитель заведующего Отделом пропаганды и агитации ЦК ВКП (б) Ф. М. Головенченко¹ прочитал доклад с недвусмысленным названием

¹ Бывший ставропольский учитель, руководитель Агитпропа в Ставропольской губернии после 1920 г., автор книг о революции и Гражданской войне на Ставрополье.

«О задачах борьбы против космополитизма на идеологическом фронте». В результате из АОН и Высшей партийной школы при ЦК партии были изгнаны историки И. И. Минц, Л. И. Зубок, И. С. Зававич [12, с. 237–277].

В качестве компромата против И. И. Минца было наличие в секретариате редакции книги «История гражданской войны» 14 евреев из 28 человек. Против И. С. Зававича было выдвинуто обвинение в снисходительном отношении к английскому лейборизму, являющемуся «агентурой черчиллевского империализма». Формальным криминалом в деятельности профессора Л. И. Зубока стали его симпатии к личности Ф. Рузвельта, которые были выражены в монографии 1947 г. «Империалистическая политика США в странах Карибского бассейна» [26, с. 141, 143].

В отношении критикуемых ученых действовала сталинская схема: единожды обвиненный должен всю жизнь ощущать репрессивное давление. Например, впервые прозвучавшая в 1944 г. критика в адрес Н. Л. Рубинштейна не закончилась запретом его книги в 1948 г. В 1949 г. он был освобожден от должности руководителя Государственного Исторического музея и выведен из состава Ученого Совета исторического факультета МГУ. Более того, партийная организация этого факультета исключила его из рядов ВКП (б), что было равноценно потере работы, нищенству и угрозе ареста. Лишь в марте 1950 г. партийная комиссия при ЦК ВКП (б) отменила это решение, ограничившись выговором [6, с. 145, 148, 159]. Очевидна игра в «злого» и «доброе» следователей.

Был организован погром «приспешников» космополитов, «поклонников буржуазной науки», «монополистов» от науки. Складывается впечатление, что ни один сколько-нибудь значимый ученый-обществовед в течение 1947–1953 гг. не избежал опасности идеологических репрессий. Таким образом, власть рассчитывала держать обществоведов в состоянии постоянного страха и неуверенности, чтобы полностью подчинить их своей воле и манипулировать ими в своих интересах. У видных медиевистов Е. Косминского и

Н. Машкина, у специалиста по новой истории академика Б. Веселовского нашли антимарксистские извращения, проявлявшиеся в восхвалении буржуазных русских историков и отождествлении последних с советскими учеными [22, с. 2].

В этих же грехах обвинили также ранее репрессированного С. В. Бахрушина и К. В. Базилевича. Против последнего в газете «Культура и жизнь» за 1950 г. было напечатано письмо, в котором лекцию Базилевича для Общества по распространению политических и научных знаний назвали немарксистской, упрекая автора лекции в идеализации внешней политики царизма. Немногим более чем через месяц, 3 марта 1950 г., 58-летний ученый ушел из жизни, а 8 марта того же года умер его учитель, 68-летний Бахрушин. [6, с. 157, 158]. После партийных проработок слег с инфарктом Е. Косминский. В возрасте 71 лет умер крупный историк России Б. Д. Греков, а М. М. Тихомиров, которому в 1953 г. исполнилось 60 лет, был морально надломлен [6, с. 150, 152]. Тяжелый след в судьбе и на здоровье профессора МГУ С. С. Дмитриева оставили огульные обвинения его в объективизме и следовании либеральным традициям. По этой причине ученый едва не лишился работы [7].

Исправление «идеологических вывихов», как уже отмечалось, было всеохватывающим процессом и затронуло все области общественной мысли. Беспощадной чистке от космополитов подверглись правоведа. В конце 1948 г. начался тотальный погром Института права АН СССР. В феврале 1948 г. его директор профессор И. П. Трайнин был снят со своего поста за «космополитизм в англо-американской области». 15 научных сотрудников были уволены как троцкисты, сионисты, бундовцы. Несмотря на репрессии и угрозы, десятых «разоблаченных» космополитов оставили в институте, как и самого Трайнина. Дело в том, что в юриспруденции ощущался острый недостаток высококвалифицированных кадров, а опальные сотрудники были серьезными учеными, авторами основных учебников по основным правовым отраслям [21, с. 46, 49, 53–55].

Новое партийное и административное руководство института вербовалось из бездарных людей вроде секретаря партбюро института А. А. Карпа, который возглавил дальнейшую травлю неугодных, засыпая ЦК своими доносами. Летом 1949г. И. П. Трайнин, крупнейший специалист по государственному праву, умер, не выдержав травли. Свою зловещую роль в этом сыграли решения партийного собрания института по вопросам борьбы с космополитизмом в юридической науке [21, с. 57,63]. Полная научная непригодность Карпа и его «компании», а также практические потребности юриспруденции в квалифицированных научных разработках заставили ЦК партии заменить руководство Института права менее одиозными фигурами [21, с. 77].

В области экономической науки для наведения идеологического порядка был использован прием дискуссии. Следует иметь в виду, что практические нужды хозяйственной жизни страны требовали решения тех или иных прагматических задач, поэтому можно говорить об определенных достижениях конкретных экономических наук в СССР. Ряд ученых были признанными международными авторитетами. Другое дело – экономическая теория. В этой сфере царили идеологическая схема, заданная «Кратким курсом», и примитивное комментаторство взглядов Карла Маркса. Признанными классиками в экономических вопросах для обществоведов были изредка В. И. Ленин, чаще – И. В. Сталин. Любое высказывание вождя рассматривалось как великий вклад в политическую экономию. Еще незадолго до спланированной «хозяйном» экономической дискуссии в «Вопросах экономики» вышла программная статья ведущего экономиста-теоретика К. В. Островитянова «Значение трудов И. В. Сталина по вопросам языкознания для развития экономической науки» [4, с. 3–14]. Этот абсурд был ничем иным, как попыткой защититься от возможных «разоблачений».

В то же время надо отметить два новых обстоятельства, повлиявших на положение в экономической науке начала 50-х годов.

Во-первых, политика государственной стабилизации требовала нового экономического обоснования, которое должно было строиться на позитивном начале, а не только на отрицании капитализма. Известно, что вплоть до рассматриваемого периода отсутствовала политическая экономия социализма, а это противоречило главному утверждению сталинской пропаганды о победившем социализме в СССР: не мог же социализм строиться без его экономической теории. Проблема изобретения политэкономии социализма стала важной политической задачей обществоведов, о чем прямо заявил А. А. Жданов в своей речи на философской дискуссии [2, с. 269]. Во-вторых, в послевоенное время все очевиднее становились социально-экономические противоречия в структуре государственного социализма в результате постепенного истощения источников экстенсивного роста экономической системы в СССР. Поэтому в пределы экономической дискуссии были включены актуальные вопросы развития СССР. Правда, решение этих вопросов было заранее ограничено исключительно командно-административными средствами.

Партийная критика в адрес экономической науки велась по нескольким направлениям. Ученых-экономистов обвиняли в отрыве от практики социалистического строительства. В то же время любая научная инициатива получала клеймо антимарксизма. В октябре 1947 г. под предлогом практической неэффективности и с целью преодоления «реформистских ошибок» два самостоятельных научных учреждения – Институт Экономики и Институт мирового хозяйства и мировой политики – были слиты в один Институт экономики Академии наук СССР [23, с. 68]. Уже вскоре новый институт под руководством К. В. Островитянова подвергся жесточайшей критике. Одно из обвинений – непартийность исследований сотрудников, их политические ошибки. Причина, по мнению чиновников из ЦК, состояла в «засоренности» кадров. Из 83 старших научных сотрудников 11 человек были беспартийными, некоторые члены ВКП (б) были выходцами

из других партий, у 21 коммуниста были партийные взыскания, среди них было 34 еврея и лишь 44 русских [23, с. 75].

Особенно неудовлетворительным, по оценке высших инстанций, был состав академиков и профессоров института. Среди 34 самых квалифицированных ученых евреев было 20 человек, а русских – лишь 12. Вообще, судя по статистике и показателям, характеризующим качество научных кадров, партийным ученым приходилось даже тяжелее, чем беспартийным. Именно среди первых высчитывали проценты «наказанных» и «выходцев». Так, среди 27 докторов и академиков института – членов ВКП (б) 15 человек попадали под подозрение как имевшие партвзыскания или как выходцы из других партий [23, с. 75]. Специальное решение Оргбюро ЦК партии о работе Института экономики было принято 25 августа 1949 г., где особое внимание было обращено на необходимость «чистки» кадрового состава. В частности, как недостаток работы руководства института с кадрами был отмечен факт слабого представительства русской национальности среди ученых [23, с. 97–98].

Не приветствовалось стремление исследователей к новым научным методам, всячески пресекались попытки объективного анализа, если выводы противоречили устоявшейся схеме марксизма-ленинизма. Например, широкому осуждению была подвергнута работа известного ученого, директора Института мировой экономики и мировой политики Е. С. Варги, которого один западный публицист назвал «советским экономистом, развращенным американской статистикой» [21, с. 12].

В книге «Изменения в экономике капитализма в итоге II мировой войны» Варга настаивал (и совершенно аргументированно) на том, что в годы войны в экономике капиталистических стран активно использовалось плановое начало. Такое утверждение расценивалось как грубая ошибка, как отражение влияния буржуазного реформизма на советские экономические исследования. Оно якобы противоречило базисному тезису советской идеологии о плановости

экономики Советского Союза как преимуществе социализма. В докладной записке сектора науки ЦК (Ю. А. Жданов) секретарю ЦК партии Г. М. Маленкову в октябре 1948 г. в адрес Варги было брошено опасное политическое обвинение. По мнению автора записки, ученый оправдывал империалистический план Маршала [21, с. 4]. В марте 1949 г. В. М. Молотов спрашивал у Сталина разрешения опубликовать в журнале «Вопросы экономики» статью Варги с саморазоблачением «Об ошибках реформистского направления в наших работах по империализму». Молотов считал такую критику «собственными руками» весьма полезной [23, с. 1–2].

Следует отметить, что, хотя наступление на обществоведение велось в русле общих идеологических кампаний, каждой науке предъявлялись также свои специфические обвинения. Экономическая наука, как и все общество в целом, попала под каток искоренения антипатриотизма и космополитизма. В декабре 1949 г. чиновники из ЦК отклонили просьбу К. В. Островитянова о приеме на работу заведующего сектором экономической статистики Института АН СССР крупного специалиста в этой области Т. В. Рябушкина (последний был соавтором учебника «Курс статистики»). Этот труд в 1947 г. подвергся критике за «серьезные политические ошибки буржуазно-космополитического характера» [23, с. 99]. Надо сказать, что статистике в этом отношении вообще не повезло. Экономическая статистика как серьезная научная отрасль была признана «антимарксистской», в отличие от официальной статистики, декретированной властью. Об этом можно судить по обзорам выпускаемого с 1949 г. журнала «Вестник статистики» [10]. Практически целое направление в статистике было объявлено противоречащим марксистско-ленинской методологии. В этот разряд попали труды П. Маслова, В. Немчинова, Б. Урланиса [15, с. 25]. Историкам вменялось в вину принижение прогрессивных тенденций в русской истории и роли русских исторических деятелей, как это случилось, к примеру, с Е. Тарле

[9]. О принижении славы русской армии в работах академика о Наполеоне говорили на Ученом совете исторического факультета, ЛГУ в октябре 1951г. [1, с. 147–151].

Экономической науке предъявлялись обвинения в реформизме, особенно тем ученым, кто занимался экономикой Запада. Помимо Варги, в реформизме обвиняли всех авторов книги «Военное хозяйство капиталистических стран и переход к мирной экономике», а также все исследования целого научного комплекса – бывшего Института мирового хозяйства [21, с. 41]. Поводом к экономической дискуссии, равно как и в случае с философской дискуссией, стало обсуждение проекта учебника. Макет учебника по политической экономии был подготовлен еще в 1938–1940 гг. в нескольких вариантах. В январе 1941 г. на совещании в ЦК ВКП (б) он подвергался полному разгрому за попытку признать наличие закона стоимости при социализме, хотя и в качественно ином виде, чем при капитализме [15, с. 256].

Новое обсуждение по личной воле Сталина было организовано в 1951 г. в виде закрытой академической дискуссии, в которой приняли участие 260 человек из Москвы и других городов и республик страны (105) [13, с. 151]. Ответственным от Политбюро был назначен Г. М. Маленков. Практическим итогом дискуссии была доработка и издание учебника. Однако не ради этого была развёрнута научная «проработка» под эгидой высшей партийной власти. Это было удобным случаем продемонстрировать гениальность Сталина-экономиста и закрыть всякие «реформаторские» споры в духе экономического конструктивизма. Его идеи содержали попытку разрешить противоречия между жестким государственным диктатом в экономической сфере и декларацией о главной экономической цели социализма: всё более полном удовлетворении потребностей трудящихся путём смягчения планово-административного управления и приспособлении некоторых элементов товарно-денежных отношений к плановой экономике.

В 1952 г. вышла предсмертная работа И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР», сразу ставшая «последним словом» экономической науки. Статья была формальным ответом на мысли экономиста Л. Д. Ярошенко, высказанные последним в ходе дискуссии. Л. Д. Ярошенко поплатился за своё непосредственно-наивное выступление в духе конструктивизма ссылкой в Сибирь и запретом на ведение научной деятельности. Сталин, подчёркивая непримиримое противостояние СССР мировому империализму [27, с. 36–37], выступал против всяких послаблений для рыночного механизма в советской экономике, т. к. видел в рынке агента капитализма. По его представлению, приближение к коммунизму есть освобождение от остатков товарно-денежных отношений. Таким образом, утверждалась линия укрепления жесткого планового начала и административно-приказного руководства народно-хозяйственным комплексом. Обществоведы должны были закрепить это в сознании общества.

Кампании по идеологической «чистке» ученых-гуманитариев проводились во внешне демократической форме дискуссий. Однако, в отличие от подлинно научных дискуссий, стимулируемых остротой нерешенных исследовательских проблем или насущной потребностью социальной практики, дискуссии 40-х гг. были предопределены партийными директивами, когда предмет обсуждения назначался «сверху», а все социально-экономические науки получали свою порцию обвинений в политических и теоретических ошибках строго по норме, отведенной самим «хозяином». Сталин, по существу, лично определял задачи и вопросы дискуссий. Так было с философской дискуссией 1947 г.

Первым шагом к дискуссии стали замечания вождя в декабре 1946 г. к учебному пособию, подготовленному Г. Ф. Александровым, «История западноевропейской философии». Вполне очевидно то, почему именно эта работа стала объектом внимания Сталина. Как и в случае с историками, под

огонь критики попал вполне ангажированный, благонадежный автор, занимавший до этого пост начальника Управления агитации и пропаганды (Агитпроп), а его книга была отмечена Сталинской премией. По указанию ЦК ВКП (б), дискуссия была проведена в январе 1947 г., но, видимо, философы недооценили идейно-политического значение мероприятия и увлеклись поисками научных истин. Сталин выразил недовольство слабой остротой критики, и дискуссию организовали вторично 16–25 июня 1947 г. [28]. Состав совещания строго регламентировался специальными списками по регионам и должностям. К дискуссии, так или иначе, было привлечено до 350 участников [17, с. 9–27, 28]. Анализ их состава свидетельствует о том, что в конце 1940-х – начале 1950-х гг. была распространена практика совмещения педагогической работы с освобожденными партийными должностями, что не могло способствовать хорошему качеству учебной и научной работы. Например, историк русской философии, заведующий сектором философии Академии наук Белоруссии М. Т. Иовчук был секретарем ЦК КПБ (б). Штатными преподавателями вуза были заместитель заведующего отделом пропаганды Ленинградского обкома и заместитель начальника Управления пропаганды ЦК КПБ (б) Украины. Заведующий кафедрой Свердловского университета Д. И. Чесноков был одновременно секретарем Свердловского горкома партии [17, с. 12, 13, 17]. Центром обсуждения стал доклад А. А. Жданова. Главным мотивом выступающих было обвинение авторов пособия в отсутствии классового подхода. В частности, не всегда указывались классовые истоки той или иной философской системы. Книга стала удобной мишенью и предлогом для борьбы с низкопоклонством перед Западом. Составители хвалебных рецензий и одобрительных статей в адрес обсуждаемой книги усиленно каялись и «саморазоблачались». Чтобы реабилитироваться, многие особо усердствовали в разоблачениях, требуя серьезных выводов в отношении Г. Ф. Александрова. После покаянной речи самого автора, начальник Совинформбюро,

А. Лозовский (с его ареста в 1949 г. начнется открытая кампания против космополитизма), обвинил Александрова в том, что он пытается распространить свою вину на всех философов. «Если философы виноваты, – писал Лозовский, – то партия не может взять на себя эту вину» [18, с. 52–53]. Вся предшествующая марксизму философия должна была оцениваться негативно, независимо от реального вклада в развитие науки, ибо философы прошлого как немарксисты не могли способствовать развитию естествознания [28, с. 259].

В результате изучение классической философии, прежде всего немецкой, обречалось на десятилетия забвения и фальсификации. В конечном счете, исследования по истории философии были свернуты, хотя в 1940–1943 гг. вышли три тома семитомной «Истории философии». Третий том и сегодня делает честь его авторам по широте охвата и серьезности научного анализа. В главном теоретическом органе ВКП (б), журнале «Большевик», в 1944 г. именно этот том подвергся уничтожающей критике. Издание было прекращено, а том изъят из пользования [14]. Немецкая идеалистическая философия вместе с Гегелем расценивалась исключительно как служанка германского империализма.

В то же время инстинкт самосохранения требовал от власти респектабельного образа советской науки, особенно гуманитарной. Для этого, к примеру, в 1947 г. по решению ЦК начал выходить журнал «Вопросы философии» с периодичностью 4 номера в год. Главным редактором назначили известного философа Б. М. Кедрова [19, с. 18, 23, 38], при котором для творчества была создана благоприятная научная атмосфера [8, с. 25]. Б. М. Кедров вскоре стал одним из первых «страдательных объектов» в борьбе с космополитизмом. Его книга «Энгельс и естествознание» была разгромлена партийными критиками, а сам он был отстранен от руководства журналом [3]. Были уличены в космополитизме такие маститые ученые, как заведующий философской редакцией Большой Советской энциклопедии Б. Э. Бы-

ховский, заместитель директора Института философии, психолог С. А. Рубинштейн, подающие надежды молодые исследователи, такие, как З. А. Каменский. Итогом было не только отстранение их от работы, но «назначение» во «враги народа» [24, с. 46].

Новые люди в идеологической сфере высших партийных инстанций понимали неблагополучие не столько в самой науке, сколько в преподавании общественных наук. Кроме того, они улавливали в обществе новые настроения, мысли и идеи. Для систематизации проблем и перспектив обществоведения идеологи ЦК вынуждены были еще до смерти Сталина вести аналитическую работу. В августе 1951 г. вышло соответствующее постановление ЦК ВКП (б). В нем говорилось о слабости критики буржуазных теорий, начетничество и талмудизм, которые инициировались самой партией, но ответственность была передана на плечи обществоведов. Их обвиняли в слабой аргументации преимуществ социалистического строя, в отсутствии интереса студенчества к изучению этих дисциплин. [11, с. 245–246]. Это был «джентльменский набор» претензий к общественному знанию, который в последствии продолжал кочевать из документа в документ.

Впервые был затронут вопрос о крайне слабой информированности преподавателей о проблемах внутренней и внешней политики, о положении обществоведов на местах [11, с. 247–248]. Симптоматично, что «Исторический журнал» был переименован в «Вопросы истории». Такое название, по мнению партийных начальников, более точно отражало содержание научного, а не популярного издания. В феврале 1953 г. специальное постановление ЦК КПСС рассмотрело работу журнала «Советское государство и право» и также обратило внимание на необходимость улучшения теоретического качества этого печатного общественно-научного органа [10, с. 550].

В октябре 1948 г. был поставлен вопрос о создании 40-томной Всемирной истории: первый её вариант рассматривался в 1941 г. и был признан неудовлетворительным. Одновременно историки приступили к созданию

макета 12-томной истории СССР [24, с. 45, 80]. В эти годы был опубликован целый ряд философских текстов Вольтера, Монтеня, Гегеля, [20, с. 1, 6]. При всей идеологической ангажированности и соответствующей реакции эти работы начинали выводить обществоведов за пределы догм «Краткого курса».

Надо отметить ещё один признак будущих перемен в недрах послевоенного десятилетия. Велись поиски новой структуры официально признанных общественных наук. Это стимулировалось решениями XIX съезда КПСС, принявшего новый партийный устав и сменившего наименование партии. Философия в общественно-научных учебных курсах приобретала автономию как марксистско-ленинская философия, и в некоторых вузах создавались её самостоятельные кафедры. Взамен основ марксизма-ленинизма приобретал права гражданства курс истории КПСС. В сентябре 1952 г. ЦК КПСС санкционировал создание в МГУ кафедры истории КПСС под руководством доцента А. П. Косульникова, пришедшего в вуз из аппарата ЦК [10, с. 269].

В начале 50-х годов на фоне «закручивания гаек» по всем направлениям, в атмосфере нарастания идеологической нетерпимости на всех уровнях в самом верху пирамиды партийной власти неожиданно обнаружилось едва уловимое движение к изменению догм. Люди в нашей стране незаметно, но безвозвратно изменились, и все эти обстоятельства рождали много вопросов, на которые обществоведы пытались отвечать по-новому.

В сентябре 1951 г. секретарь ЦК М. А. Суслов изучил обзор спорных теоретических вопросов, поступающих в редакцию журнала «Большевик» и в Отдел пропаганды и агитации ЦК [17]. Руководители отдела цинично заявили (так как сами же и ограничивали подобную тематику), что центральная печать отстаёт в освещении этих проблем. Одним из самых острых был вопрос о классовой борьбе: существует ли она в СССР или в настоящий момент её нет? Выступавшие перед слушателями ВПШ обществоведы предлагали различные точки зрения.

Н. Чернов признавал неизменность сталинского тезиса об обострении классовой борьбы по мере движения к социализму и к коммунизму, а профессор Марков отрицал этот тезис в связи с тем, что социализм – это общество без эксплуататорских классов, Чесноков же признавал наличие в современном советском обществе элементов классовой борьбы [25, с. 53–54]. Среди других спорных проблем наиболее распространенными были вопрос о характере воссоединения Украины, Белоруссии, Прибалтики с СССР, а также о природе советского государства и целесообразности диктатуры пролетариата в условиях побе-

дившего социализма. Вызывал вопросы и тезис об «окончательной победе социализма в СССР» и о закономерности развития партии и о ленинском стиле руководства. Людей волновала проблема сущности революций в России и особенности революций в Центральной и Юго-Восточной Европе, специфика их политического строя. Вставал вопрос и возможности мирного перехода от капитализма к социализму [25, с. 56–61].

Как покажут последующие годы, новые ответы оказались востребованными в хрущевскую эпоху. Новая их постановка станет актуальной в конце 1950-х гг. в контексте хрущёвского «реформизма».

Литература

1. Вестник ЛГУ. 1951. № 12.
2. Вопросы философии. 1947. № 1.
3. Вопросы философии. 1997. № 11.
4. Вопросы экономики. 1950. № 7.
5. Вопросы экономики. 1951. № 10.
6. Дмитриев С. С. Из дневников // Отечественная история. 1999. № 3.
7. Дмитриев С. С. Из дневников // Отечественная история. 1999. № 5.
8. Интервью с И. Т. Фроловым // Вопросы философии. 1997. № 6.
9. Кожухов С. К. К вопросу об оценке роли М. И. Кутузова в Отечественной войне 1812 г. // Большевик. 1951. № 15.
10. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 9-е. Т. 7. М.: Политиздат, 1985.
11. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 9-е. Т. 8. М.: Политиздат, 1985.
12. Костырченко Г. В. В плену у красного фараона. М.: Международные отношения, 1995.
13. Ольсевич Ю. Послевоенная эволюция политэкономии социализма: вариант объяснения // Вопросы экономики. 1997. № 1.
14. О недостатках и ошибках в освещении истории немецкой философии конца XVIII и начала XIX века // Большевик. 1944. № 7–8.
15. Очерки идеологической деятельности КПСС. 1938–1961. М., 1986.
16. Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 5. Оп. 17. Р. 5714. Д. 167.
17. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф.17. Оп. 125. Д. 479.
18. РГАСПИ. Ф.17. Оп. 125. Д. 491.
19. РГАСПИ. Ф.17. Оп. 125. Д. 492.
20. РГАСПИ. Ф.17. Оп. 132. Д. 32.
21. РГАСПИ. Ф.17. Оп. 132. Д. 33.
22. РГАСПИ. Ф.17. Оп. 132. Д. 157.
23. РГАСПИ. Ф.17. Оп. 132. Д. 158.
24. РГАСПИ. Ф.17. Оп. 132. Д. 160.
25. РГАСПИ. Ф.17. Оп. 132. Д. 452.
26. Советское общество: Возникновение и развитие, исторический финал. М.: Изд-во РГГУ, 1997.
27. Сталин и экономические проблемы социализма в СССР. М.: Госполитиздат, 1952.
28. Стенограмма совещания работников научного – философского фронта, посвященного дискуссии по кн. Г. Ф. Александрова. «История Западноевропейской философии» // Вопросы философии. 1947. № 1.

УДК 94(5)„19”

А. К. Дудайти

**КУВЕЙТСКИЙ КРИЗИС В БЛИЖНЕВОСТОЧНОЙ ПОЛИТИКЕ
СТРАН-ЧЛЕНОВ ЕЭС НАЧАЛА 90-х гг. XX в.**

В статье анализируется сложная обстановка в зоне Персидского залива из-за агрессии Ирака против Кувейта летом 1990 г. Выявлена противоречивая позиция стран-членов ЕЭС в кувейтском вопросе, приведшая к их участию в совместной с США военной кампании против Ирака. Доказано, что эта акция способствовала

усилению американского присутствия на Ближнем Востоке и одновременно ослаблению западноевропейских позиций в этом регионе.

Ключевые слова: иракская агрессия, кувейтский кризис, страны-члены ЕЭС, непоследовательность, многонациональные силы, военная кампания.

А. К. Dudayti

**THE KUWAIT CRISIS IN THE MIDDLE EAST POLICY
OF THE EEC MEMBER STATES IN THE EARLY 1990-s**

The deals with the complex situation in the Persian Gulf caused by Iraq's aggression against Kuwait in the summer of 1990. The author has revealed the contradictory position of the EEC member states in the Kuwait question, which led to their participation in the joint U.S. military campaign against Iraq. It has

been proved that this action contributed to the strengthening of the American presence in the Middle East and, at the same time, the weakening of Western Europe's position.

Key words: Iraqi aggression, the Kuwait crisis, the EEC member states, inconsistency, multinational forces, the military campaign.

Изменения, произошедшие в конце 80-х гг. XX столетия в мировой политике и международных отношениях, характеризующиеся формированием так называемого нового миропорядка, не обошли стороной и регион Ближнего Востока. В это время значительно активизировались усилия мирового сообщества по ближневосточному урегулированию. Новая политическая линия, озвученная руководством ООП на XIX сессии Национального совета Палестины в Алжире и подтвержденная затем на сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Женеве, сделали возможным начало диалога между США и Исполкомом ООП. Но этот процесс был приостановлен по ряду причин. Среди них важное место заняла иракская агрессия против Кувейта, которая была предпринята в начале августа 1990 г. Формальным поводом для ее начала послужило обвинение кувейтских нефтяников в «воровстве» нефти

из приграничных месторождений Ирака и участие в «международном антииракском заговоре». В результате быстро проведенной военной операции кувейтская армия была разгромлена, а территория страны взята под контроль Ирака. Такой итог вел к созданию напряженной ситуации на Ближнем Востоке.

Исходя из этого, Совет Безопасности ООН в срочном порядке принял резолюцию № 660, резко осуждающую агрессию Ирака против Кувейта и требующую немедленного вывода иракских войск с кувейтской территории. Но Багдад и не собирался выполнять данное требование: напротив, он вел себя откровенно вызывающе. Так, после оккупации Кувейта было объявлено о создании «Свободного временного правительства», которое обратилось к Саддаму Хусейну с «просьбой» вернуть Кувейт «в лоно своей исторической родины – ве-

лийский Ирак». Она была удовлетворена, и Кувейт на правах 19-ой провинции вошел в состав Ирака. В этих условиях Совет Безопасности ООН принял новую резолюцию – № 661, в соответствии с которой в отношении Ирака вводились международные санкции.

В дни иракской агрессии заметно активизировалась ближневосточная политика США: в частности, администрация Дж. Буша выступила с резким осуждением режима С. Хусейна и начала принимать меры, направленные против Ирака. Прежде всего были заморожены его финансовые активы в американских банках; одновременно начались военные приготовления. При этом было объявлено, что США готовы применить военную силу, чтобы не допустить ущемления своих интересов на Ближнем Востоке. Вскоре войска США стали прибывать в Саудовскую Аравию. Власти Египта разрешили американским ВВС пролет через свою территорию, а авианосной ударной группой из 6 военных кораблей во главе с атомным авианосцем «Эйзенхауэр» – пройти через Суэцкий канал. В свою очередь, правительства Испании и Италии согласились предоставить свои базы американскими военными.

В этих условиях руководство СССР внесло предложение провести под эгидой ООН международную конференцию по мирному разрешению конфликтов на Ближнем Востоке, но оно было проигнорировано администрацией Белого дома. Тогда советский представитель в ООН, следуя явно необдуманному и поспешному указанию из Москвы, проголосовал за резолюцию № 678 (хотя потом уточнил, что СССР не примет участие в войне против Ирака). Такое решение свидетельствовало об осторожном подходе советского руководства к урегулированию конфликта между этими двумя арабскими государствами, с которыми СССР сложилась своя система отношений. В конечном счете, поддаваясь нажиму Вашингтона, оно занялось уговорами С. Хусейна сдаться и разрешить кризис мирным путем, а главное – были подвергнуты пересмотру все договорные обязательства по военным поставкам в Ирак [4]. В своем

выступлении на сессии Генеральной Ассамблеи ООН 25 сентября 1990 г., глава МИД СССР Э. А. Шеварднадзе посчитал нужным напомнить, что Устав ООН предусматривает в случае необходимости «применение силы для отпора агрессии». Эти слова получили гораздо больше аплодисментов, чем выступление президента Франции Ф. Миттерана, в котором предлагался мирный выход из кризиса.

Между тем, военные приготовления США в зоне Персидского залива с одобрением были встречены руководством Израиля, потребовавшего вывода иракских войск из Кувейта. В ответ на это требование С. Хусейн пригрозил нанесением ракетного удара по израильской территории Израиля. Он заявил, что иракские войска уйдут из Кувейта при условии если сирийский военный контингент оставит территорию Ливана, а Израиль выведет свои войска со всех оккупированных арабских земель [8, с. 504]. В поддержку иракского диктатора выступил король Иордании Хусейн. По его мнению, иракским войскам необходимо был покинуть территорию Кувейта, но при этом там надо было сохранить власть «временного правительства». Аналогичной позиции придерживалось руководство ООП. Я. Арафат, ошибочно полагая, что США не вмешаются в кувейтский кризис, сразу после иракского вторжения направил С. Хусейну поздравительную телеграмму по поводу его успехов в Кувейте. Он надеялся, что сильный в военном отношении Ирак поможет в будущем вернуть земли, отторгнутые Израилем. Но палестинский лидер допустил крупную ошибку: он не учитывал, что политическая погода в арабском мире в значительной степени определялась не в Багдаде и Аммане, а в Каире, Дамаске, Эр-Рияде. В результате, от руководства ООП отвернулись руководители большинства арабских стран; палестинская община в Кувейте осталась без работы из-за экономического паралича, наступившего вследствие агрессии Ирака против этой страны. Палестинцы лишились финансовой помощи со стороны богатых нефтяных монархий. Выступление пале-

стинского руководства на стороне режима С. Хусейна нанесло ущерб планам проведения мирных переговоров по ближневосточному урегулированию. Ставка на военную силу Ирака могла только обострить арабо-израильский конфликт, что было чревато тяжелыми последствиями не только для палестинцев, но и всего мирного процесса на Ближнем Востоке.

Обстановка в зоне Персидского залива накалялась с каждым днем. Сознывая, что оккупация Кувейта не закончится добром, С. Хусейн вынужден был маневрировать, стремясь добиться выгодного для себя решения вопроса с Кувейтом. Так, он увязал проблему вывода иракских войск из территории Кувейта со следующими требованиями: Израиль должен немедленно вывести войска с оккупированных земель в Ливане, Сирии и Палестине; войска США в Саудовской Аравии следует заменить военным контингентом стран-членов ЛАГ (за исключением Египта); необходимо снять экономические санкции в отношении Ирака. Но администрация США отвергла эти предложения. Тогда в ответ на ужесточение санкций власти Ирака объявили, что работающие в стране иностранные граждане в количестве 13 тыс. человек (в основном из стран Западной Европы) являются заложниками. Акция была проведена с целью политического манипулирования этими людьми и использования их в качестве «гуманитарного щита».

29 ноября 1990 г., после провала многочисленных попыток склонить Ирак к мирному урегулированию кризиса, Совет Безопасности ООН принял резолюцию № 678, предусматривающую применение военной силы в случае отказа вывести иракские войска из Кувейта. Был определен конечный срок вывода войск – 15 января 1991 г. Фактически, это был ультиматум Ираку: в случае неисполнения своего требования ООН предоставляла Соединенным Штатам во главе многонациональных сил право начать операцию по освобождению Кувейта. Это решение было поддержано правительством Великобритании во главе

с М. Тэтчер – «железной леди», жестким и решительным политиком, с самого начала кризиса выразившим готовность прибегнуть к решительным мерам ради защиты интересов Великобритании в зоне Персидского залива. Вторжение иракских войск в Кувейт создало угрозу подрыва британских позиций в зоне Персидского Залива (тем более что они и так были ослаблены здесь после Второй мировой войны). Поэтому правительство М. Тэтчер было сторонником применения силы против Ирака. В Лондоне без колебаний дали согласие выделить военный контингент для участия в антииракской коалиции. В заявлении британского премьера подчеркивалось, что иракское вторжение в Кувейт «бросает вызов каждому принципу ООН, и ... ни одна маленькая страна не будет более чувствовать себя в безопасности, поскольку воцарится закон джунглей» [4]. Следует отметить, что население Великобритании в целом положительно отнеслась к решению направить в Персидский залив британских военных, о чем свидетельствовали исследования общественного мнения, проведенные в стране [3, с. 260–276].

В этих условиях, не отрицая в целом возможности применения военной силы против Ирака, партнеры Великобритании по Европейскому Сообществу старались найти мирный выход из кувейтского кризиса. Особую активность проявляла в этом направлении Франция, выдвинувшая дипломатию в качестве альтернативы назревающей войне. В Париже были убеждены, что натовскому альянсу следует проявлять сдержанность в вопросе силового решения кризиса в Персидском заливе. Взаимоотношения Франции с НАТО в то время не были свободны от некоторых спорных моментов, касающихся деятельности военного альянса в разных регионах мира (в том числе, на Ближнем Востоке). Это вызывало нескрываемое раздражение Вашингтона, порождало сомнения относительно того, что французы лояльно относятся к НАТО. Тем не менее, президент страны Ф. Миттеран прилагал усилия, чтобы направить внешнепо-

литическую деятельность Франции в русло политики держав с мировой ответственностью. В этом смысле иракское вторжение в Кувейт стало первым серьезным испытанием французских амбиций после окончания «холодной войны». Действия режима С. Хусейна поставили дипломатию Франции в весьма сложное положение. Постоянное членство в Совете Безопасности ООН, а также атлантическая солидарность диктовали ей необходимость поддержать США в намерении применить военную силу против Ирака. Но присоединение к антииракской коалиции во главе с Соединенными Штатами было чревато подчинением ближневосточной политики Франции интересам заокеанского союзника, чего опасались в Париже. В сложившейся ситуации власти Ирака не теряли надежду, что французы не пойдут на поводу у США и предпочтут занять самостоятельную позицию в вопросе урегулирования кувейтского кризиса. Основанием для этого служило то, что связи между Францией и Ираком поддерживались на высоком уровне. Две страны весьма плодотворно сотрудничали в торгово-экономической, финансовой, военно-технической области (постепенно их связи стали распространяться и на ядерную сферу). В отдельные периоды показатели экспорта французского оружия и военной техники в Ирак даже превосходили военные поставки в эту страну из СССР. В своей арабской политике правительство Ф. Миттерана основывалась на традициях франко-арабской дружбы, что с удовлетворением отмечали в Багдаде. Стремясь стимулировать самостоятельное поведение Франции в кувейтском кризисе, они освободили всех французских граждан, находящихся в заложниках (300 человек). В этих условиях Ф. Миттеран прилагал усилия, чтобы не допустить войны с Ираком. В своем выступлении на 45 сессии Генеральной Ассамблеи ООН (25 сентября 1990 г.), он убеждал С. Хусейна вывести свои войска из Кувейта, чтобы избежать войны. Французский руководитель предложил план мирного разрешения конфликта, суть которого сводилась к следующему:

- иракские войска должны быть выведены из Кувейта, всех заложников в Ираке следует освободить;
- из зоны Персидского залива необходимо вывести все иностранные войска;
- должна быть восстановлена в полном объеме независимость, суверенитет и территориальная целостность Кувейта;
- необходимо созвать международную конференцию, чтобы разрешить все сложные проблемы Ближнего и Среднего Востока, в их числе арабо-израильский конфликт.

Этот план был поддержан СССР, однако США и Великобритания отвергли его. Тем не менее, продолжая выступать против военной операции против Ирака, Ф. Миттеран отправил своих эмиссаров в ряд арабских стран с предложением объединить усилия, направленные на созыв международной конференции по мирному урегулированию арабо-израильского конфликта. Однако старания французов только раздражали администрацию Белого дома. Стремясь к единоличному лидерству на Ближнем Востоке, США расценила эту инициативу как попытку отвлечь внимание мирового сообщества от агрессивных действий Ирака, объединив арабо-израильский и иракский вопросы. Таким образом, «право силы», которым обладали США, перечеркнуло все усилия Ф. Миттерана по мирному разрешению кувейтского кризиса. Французы были «отодвинуты», им не дали возможности использовать свой миротворческий потенциал на Ближнем Востоке. В результате стали наблюдаться изменения в подходе Франции к разрешению кувейтского кризиса. В частности, стали звучать заявления Ф. Миттерана о том, что Франция не может поступиться принципами международного права и может пойти на применение военной силы против Ирака. Однако не все члены французского правительства были согласны с такой постановкой вопроса. Противником присоединения страны к формируемой США антииракской коалиции выступил глава министерства обороны Ж.-П.

Шевенман. Он был основателем Общества франко-арабской дружбы и являлся сторонником поддержания на высоком уровне отношений Франции со всеми странами арабского мира. После начала военных действий в Персидском заливе этот политический деятель в знак протеста участия в антииракской коалиции французского контингента войск подал в отставку. Между тем Ф. Миттеран свое решение об участии французских военных в операции объяснял тем, что в противном случае Франция в будущем могла остаться в стороне от разрешения кризисных ситуаций на Ближнем Востоке. Однако участие в войне не принесло Франции дивидендов – наоборот, ее возможности в регионе сузились еще больше. Франция не сумела обеспечить себе достойной роли в урегулировании арабо-израильского конфликта.

Эту участь разделила также Италия, чья позиция в кувейтском кризисе формировалась под влиянием требований США и учитывала их интересы. Итальянское правительство осудило агрессию Ирака и потребовало, чтобы он вывел свои войска из Кувейта. В Риме поддержали резолюцию Совета Безопасности ООН в отношении мандата, предоставленного воздушным и морским силам, направляемым в Персидский залив для наложения на Ирак эмбарго. Одновременно была признана роль США как лидера в составе коалиции многонациональных сил, призванного силой заставить иракцев оставить захваченную территорию Кувейта. Практически все политические силы Италии были едины во мнении, что отпор иракской агрессии нужен для утверждения принципа законности в международных отношениях и что «необходимо принять все меры для того, чтобы заставить уважать решения Совета Безопасности ООН» [7, с. 264].

Тревожные события в зоне Персидского залива, совпавшие по времени с важным моментом в германской истории – периодом объединения страны, поставили в весьма сложное положение правительство Г. Коля. Более того, оно пребы-

вало в замешательстве, ожидая, что США потребуют направить немецкий воинский контингент для участия в операции против Ирака. В сложившихся для ФРГ новых политических условиях решиться на такое было невозможно, поэтому федеральное правительство всячески стремилось дистанцироваться от участия в военных приготовлениях союзников. В то же время оно осудило режим С. Хусейна за ракетные обстрелы территории Израиля, а затем прибывший в Тель-Авив глава МИД Г.-Д. Геншер сообщил, что правительство ФРГ решило оказать Израилю гуманитарную помощь. Она включала средства защиты от химического оружия, медицинские препараты и др. на сумму 250 млн. марок [1, с. 268]. После начала военной операции по освобождению Кувейта газеты опубликовали заявление канцлера Г. Коля, в котором выражалась поддержка странам-членам антииракской коалиции [5, с.162]. В это же время в район Восточного средиземноморья было направлено подразделение минных тральщиков, которое затем участвовало в операциях по разминированию в Персидском заливе. Во время военных действий ВВС США использовали базы на территории ФРГ, одновременно бундесвером были переданы «государствам фронта» – Турции, Иордании и Египту, некоторые виды вооружений. Общественность ФРГ была недовольна этим, равно как отправкой немецких военных кораблей в Персидский Залив. В то же время, она в целом положительно отнеслась к финансовой поддержке антииракской коалиции со стороны ФРГ, считая, что это позволит укрепить позиции германского государства на международной арене [2, с. 30].

В целом, ведущие страны Западной Европы внесли существенный вклад в создание антииракской коалиции. Важным этапом на этом пути стала чрезвычайная сессия Западноевропейского союза (ЗЕС) на уровне министров иностранных дел и министров обороны (Париж, 21 августа 1990 г.). На ней страны, входящие в эту военно-политическую структуру, хотя и выступили за мирное урегулирование Кувейт-

ского кризиса, однако поддержали санкции международного сообщества против Ирака, а в район Персидского залива отправили свои ВМС. С другой стороны, страны-члены ЕЭС не выдвинули мирной инициативы, способной наложить хоть какой-нибудь отпечаток на западноевропейскую позицию в иракском вопросе; не поступило также с их стороны заявлений, способствующих политическому решению кризиса в зоне Персидского залива и предотвращению здесь военных действий.

16 января 1991 г. США и их союзники по НАТО начали военную операцию против Ирака (операция «Буря в пустыне»). На следующий день Израиль подвергся ракетной атаке со стороны Ирака. Были выпущены первые 8 ракет «Аль-Хусейн» (модификация советского «Скада» иракского производства) по Тель-Авиву и Хайфе. К счастью, ракеты не были снабжены химическими боеголовками и не причинили особого ущерба Израилю. Тем не менее, дело стало приобретать опасный оборот: военное командование Израиля привело в состояние повышенной боевой готовности армию, включая ядерные силы. Был получен приказ подготовиться к началу операции возмездия по заранее разработанному плану. Это обстоятельство отрезвляюще подействовало на иракский режим, и ракетные обстрелы были прекращены. В свою очередь, администрация США с большим трудом уговорила израильтян воздержаться от начала военной операции. Дело дошло до того, что президент Буш лично позвонил премьеру Шамиру и объяснил ему, что израильские действия могут привести к развалу антииракской коалиции, в которой участвовали в том числе и арабские страны. В конечном счете, «секретное оружие» Ирака стало пустой угрозой, хотя, с политической и психологической точки зрения, Израиль получил ощутимую травму. В то же время режим С. Хусейна стал больше подвергаться критике со стороны стран мира, а Израиль благодаря своей сдержанности обрел симпатии и солидарность.

К концу февраля 1991 г. территория Кувейта была освобождена, армия Ирака разбита. Тем не менее, в Израиле войну не считали завершенной, ибо враждебный ему режим С. Хусейна продолжал исправно функционировать. Кроме того, это война обнаружила реально существующую опасность для Израиля, его уязвимость, неэффективность территориальных «буферов», как средства обеспечения безопасности. И это в условиях, когда напряженность сохранялась, а Кувейт, поддерживаемый Саудовской Аравией, а также некоторыми другими членами Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ), не считал возможным развивать отношения с режимом С. Хусейна, ответственного за совершение агрессии.

Опыт неучастия в войне и невозможность нанесения ответного удара по Ираку оказались весьма болезненными для Израиля. В результате успеха многонациональной коалиции возросло давление США на израильтян, чтобы склонить их к участию в международной мирной конференции по Ближнему Востоку. При этом администрация Белого дома настаивала на палестинском представительстве в ее работе (в составе иорданской делегации) наряду со всеми делегатами от оккупированных арабских земель. Руководство СССР высказало намерение поддержать США в их усилиях, направленных на политическое решение проблем Персидского залива и Ближнего Востока и на созыв международной конференции. Между тем ее подготовка оказалось сложным делом: правительство Шамира противилось этому, создавались всяческие преграды, чтобы отдалить созыв конференции. Оно не только не желало видеть в делегацию представителей Палестины, связанной с ООП, но и было против участия в ней представителей Восточного Иерусалима. Что касается строительства поселений, то оно, по замыслу израильских лидеров, должно было быть продолжено. Но от Израиля уже не зависела возросшая решимость США, опиравшихся на укрепление своего авторитета после победы в войне

в Персидском заливе и намеревавшихся на этот раз придержать кредиты, в которых нуждался Израиль в связи с абсорбцией сотен тысяч иммигрантов, прибывающих из Советского Союза, где в перестроечный период произошла существенная либерализация эмиграционного законодательства.

На этом фоне страны-члены ЕЭС продолжали проявлять инертность в подходе к решению проблемы ближневосточного урегулирования. На своем заседании в Люксембурге 28–29 июня 1991г., Европейский совет выступил с заявлением, где содер-

жался призыв к конфликтующим сторонам «преодолеть последние трудности на пути к достижению мира», напоминалось о праве палестинцев на самоопределение, и называлась незаконной израильская практика строительства поселений, «несовместимая с волей к достижению мира» [7, с. 290]. Понятно, что такими «дежурными» заявлениями страны-члены ЕЭС не могли рассчитывать на внесение реального вклада в мирное урегулирование конфликта на Ближнем Востоке, и дальнейший ход развития событий в регионе наглядно это показал.

Литература

1. Colschen L.C. *Deutsche Aussenpolitik*. Köln: Böhlau Verlag, 2010.
2. Storz S. *Schöner neuer Krieg* // *Der Spiegel*. 1990. № 38.
3. Wybrow R. J. *The Gulf Crisis: A British Perspective* // *International Journal of Public Opinion Research*. 1991. № 3.
4. Белоногов А. МИД, Кремль, Кувейтский кризис. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001.
5. Павлов Н. В. *Внешняя политика ФРГ в постбиполярном мире: монография*. М.: Наука, 2005.
6. *Правда*. 1990. 3 августа.
7. Рубби А. *Палестинский марафон. 30 лет борьбы за мир на Ближнем Востоке: монография / пер. с итал. М.: Международные отношения, 2001.*
8. Штереншис М. *Израиль. История государства*. Герцлия: ISRADON, 2009.

УДК 94(47).084.5(470.63)

Л. А. Зверева

РАЙОНИРОВАНИЕ СТАВРОПОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ 1924 ГОДА: НЕОБХОДИМОСТЬ ПРОВЕДЕНИЯ И ПОСЛЕДСТВИЯ

Автором сделан анализ работы советских органов власти на Ставрополье до и после проведения районирования Ставропольской губернии 1924 года.

Ключевые слова: советские служащие, советские органы власти, районирование, окружной съезд, районный съезд.

L. A. Zvereva

DIVISION OF STAVROPOL PROVINCE INTO DISTRICTS IN 1924: REASONS AND CONSEQUENCES

The author made analysis of work of the Soviet authorities in Stavropol Territory before and after division of Stavropol province into districts in 1924.

Key words: Soviet employees, Soviet authorities, division into districts, district congress, regional congress.

Как известно, до 1914 года Ставропольская губерния являлась одним из богатейших районов страны. В результате гражданской войны и первых лет функционирования

советских органов экономическое положение губернии стало плачевным, Ставрополье стало нищим и разоренным. Необходимость восстановления хозяйственной мощи губер-

нии, а также острая необходимость структурных изменений во властных органах, заставила губернский центр проанализировать дееспособность аппарата управления. За первые же годы существования советской власти на Ставрополье образовался достаточно громоздкий и дорогостоящий властный аппарат. Вопрос упрощения аппарата губисполкома неоднократно обсуждался на заседании президиума ГИКа, на пленумах и сессиях. Но все начинания на практике в этой области сводились к уменьшению количества сотрудников учреждений, а не к упрощению структуры всего аппарата. Ставропольская губерния к 1924 году нуждалась в удешевлении советского аппарата, так как на содержание 16 отделов губисполкома уходил весь бюджет [1, л. 38]. Часто как в уездах, так и в волостях не было разграничения в полномочиях между председателем исполкома и заведующими отделами. Это влекло за собой путаницу и неразбериху в работе органов власти [11].

В большинстве советских учреждений Ставропольской губернии наблюдалась огромная канцелярская волокита. В целях устранения этого зла, тормозившего правильную работу государственных органов, совет народных комиссаров распорядился, чтобы постановления центральной и местных властей исполнялись подчиненными органами без промедления, быстро с заменой переписки – переговорами по телефону, деловых бумаг – телеграммами и т. д.

ВЦИК обязал все ведомства издать инструкции, определяющие правила подписания документов, справок, а также установить формы обязательного делопроизводства. Однако, несмотря на целый ряд принятых законодательных актов, практического применения они очень часто не получали. Так, например, в приказе № 9 Ставропольского губисполкома 22 марта 1924 года отмечалось: «В некоторых отделениях и учреждениях, подчиненных ГИК, канцелярская волокита продолжает гнездиться и по сей день, выражаясь, между прочим, в том, что вместо предписанного упрощенного делопроизводства, губисполком завалива-

ет письменными запросами по самым ничтожным поводам. Движение бумаг, исходящих от отделов и учреждений происходит крайне медленно, а сама медлительность объясняется, главным образом, тем, что бумаги, переходя от стола к столу, подписываются целым рядом должностных лиц – в числе даже 4» [2, л.10].

Очень часто в работе государственных учреждений наблюдалось дублирование, иногда доходящее до абсурда. Так, например, экономическое совещание, состоящее из руководителей хозяйственных учреждений во главе с председателем ГИКа, решало вопросы экономического характера. В свою очередь руководители земельных, финансовых и продовольственных учреждений входили в состав президиума ГИКа. Когда же на экономическом совещании принимали решение «просить президиум ГИК об утверждении», получалось, что члены президиума ГИК рассматривают на заседании президиума ГИК постановление экономического совещания с просьбой к самим себе об утверждении того или иного решения [3, л. 39]. Приведенный пример свидетельствует о том, что ГЭС являлся лишним институтом в государственной системе, так как президиум ГИКа всегда мог обсуждать вопросы хозяйственного характера с приглашением заинтересованных сторон.

Итак, для многих стало очевидно, что громоздкая, дорогостоящая, сопровождающаяся огромной канцелярской волокитой и дублированностью в работе, доходящая иногда до абсурда, советская государственная система на Ставрополье должна была подвергнуться структурным изменениям. Решение всех этих возникших проблем в государственном аппарате хотели достигнуть, проводя районирование Ставропольской губернии. Следует отметить, что в условиях отсутствия удобных путей сообщений, а также значительном расстоянии губернского центра от уездов, и уездного центра от волостей и сельсоветов, создавалась оторванность советского аппарата власти от населения. Например, почта из Ставрополя в Петровское приходила через 4 дня, а из Петровского до

Благодарного доставлялась через 2–3 дня. Бывали случаи, когда в район почта поступала один раз в неделю [8, л. 3].

Постановлением пленума губисполкома от 15 января 1923 года была организована губернская административная комиссия по районированию Ставропольской губернии. Комиссия в течение двух месяцев разработала три варианта районирования губернии:

- 1) на 18 районов;
- 2) на 12 районов;
- 3) на 10 районов.

Первый вариант был составлен по данным заведующих уездными отделами управления, второй вариант – по инициативе административной комиссии и третий – по заданию ГИКа. Одновременно разрабатывались проекты структуры и штатов райисполкомов, сельсоветов и структура окружного исполкома. Штат райисполкома был разработан в трех вариантах:

- 1) 34 человека,
- 2) 41 человек,
- 3) 54 человека.

Структура же райисполкома со всеми тремя вариантами проектировалась в виде канцелярии с подразделением на делопроизводства по функциям:

- 1) административно-организационной и военной;
- 2) земельной;
- 3) финансово-налоговой;
- 4) хозяйственной;
- 5) культурной.

Штат сельсоветов был запроектирован от 2 до 8 человек, в зависимости от количества населения, обслуживаемого сельсоветом. Структура окружного исполкома была спроектирована в составе следующих отделов:

- 1) торгово-промышленного;
- 2) земельного;
- 3) административного;
- 4) финансово-налогового;
- 5) культурного;
- 6) окружного военкомата;
- 7) статбюро;
- 8) местного хозяйства [12, с. 5].

Специальная комиссия, выделенная из состава президиума ГИК и губисполкома, для согласования материалов районирования рассмотрела вышеуказанные проекты с участием представителей отделов губисполкома, утвердила третий вариант штата райисполкомов, хотя были внесены и некоторые поправки в структуре. Проект же построения окружного исполкома был передан административной комиссией в губплан на согласование и проработку.

Пленум губернского исполкома, работавший 18–19 апреля 1923 г., утвердил структуру и штат сельсоветов и райисполкомов и поручил президиуму ходатайствовать перед краевым экономическим советом и ВЦИК о проведении районирования и реконструкции советского аппарата в Ставропольской губернии. К 29 апреля 1923 года административная комиссия разработала по заданию апрельского пленума ГИК положение о сельсоветах и райисполкомах, и вместе с проектом районирования все материалы были отосланы с председателем комиссии т. Белобоком в крайэконсов и ВЦИК. Во второй половине июля 1923 года материалы по районированию были рассмотрены, одобрены и признаны типовыми [12, с. 7]. Вопрос же о практическом переходе на районную систему оставался открытым. Административная комиссия после отправки материалов продолжала разрабатывать детали проекта районирования, в частности проекта окружного исполкома.

На заседании губплана 30–31 августа 1924 г. проект структуры Окружного исполкома был рассмотрен и здесь же было внесено предложение слить отделы местного хозяйства и культуры. Таким образом, структура окружного исполкома была представлена следующим образом:

- 1) отдел торговли и промышленности;
- 2) земельный отдел;
- 3) административный отдел;
- 4) финансово-налоговый отдел;
- 5) губернское статистическое бюро;
- 6) военный комиссариат;
- 7) отдел местного хозяйства и культуры.

План практического перехода был подготовлен к VII губернскому съезду советов, в частности были пересмотрены штат сельсоветов, штат и структура райисполкомов, группировка районов по количеству населения и др.

В результате районирования общая площадь Ставропольского округа Северо-Кавказского края сократилась на 4 683 кв. версты и составила 26 300 кв. верст. На территории округа было образовано 10 районов (Александровский, Курсавский, Ставропольский, Московский, Благодарненский, Петровский, Дивинский, Виноделенский, Медвеженский, Туркменский) и 133 сельсовета [13, с. 29]. После районирования высшим органом законодательной власти на территории Ставропольского округа стал Окружной съезд советов. Он выбирался из представителей сельских советов и советов городов, фабрично-заводских поселков по следующему расчету: от сельских советов один депутат на 5 000 жителей, а от советов городов, фабрично-заводских поселков – один депутат на 500 избирателей [4, л. 67].

Не могли избирать и быть избранными в Советы лица, благонадежность которых к новой власти была сомнительной. Лишались избирательных прав лица, прибегавшие к наемному труду с целью получения прибыли, монахи, духовные служители церквей и религиозных культов, служащие и агенты бывшей полиции, корпуса – жандармов и охранных отделений. Следовательно, наблюдалась политическая дискриминация целых классов и социальных слоев. Это означало отказ большевиков от их изначального требования всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании.

Окружные съезды советов могли быть очередными и чрезвычайными. Очередные съезды советов должны были созываться один раз в год, чрезвычайные – по предложению областного исполнительного комитета, по постановлению окружного исполнительного комитета или по требованию районных исполнительных комитетов. Ставропольский исполнительный комитет

был избран из 25 человек. Очередные заседания окружного исполнительного комитета должны были проходить не реже одного раза в месяц. Для разрешения наиболее важных для округа вопросов должны были созываться не реже одного раза в два месяца расширенные (сессионные) заседания окружного исполнительного комитета. Для проведения в жизнь непосредственного руководства деятельностью всех подведомственных учреждений исполнительным комитетом избирался президиум из 7 человек. Президиум между заседаниями исполнительного комитета являлся высшим органом власти. Исполнительным комитетом избирался из числа членов президиума председатель, заместитель председателя и секретарь. При Ставропольском окружном исполнительном комитете были образованы следующие отделы:

- 1) общий;
- 2) финансовый;
- 3) земельный;
- 4) военный;
- 5) местного хозяйства;
- 6) административный.

Кроме того, при окружном исполнительном комитете образовались: а) орган государственного политического управления; б) камера инспекции труда; в) статистическое бюро; г) окружной суд и окружная прокуратура. Заведующие отделами избирались окружным исполнительным комитетом сроком на один год [5, л. 46].

Выборы районного съезда советов так же не были всеобщими, равными и прямыми. От сельских советов представлялся один депутат на 1 000 жителей, а от советов, входящих в район, поселков и городов один депутат на 100 избирателей. Районный исполнительный комитет состоял, как правило, из 3–5 человек. Для заслушивания и утверждения предложений, которые были важны для района, созывались расширенные (сессионные) заседания районного исполкома. Для регулирования работы РИКа избирался президиум, который в период между заседаниями исполкома пользовался всеми правами, предоставленными

ми исполкому. При районном исполкоме должны были быть образованы следующие отделы: 1) административный; 2) военный; 3) общий; 4) земельный; 5) финансово-налоговый. Во главе каждого отдела РИК ставился заведующий отделом, который мог и не быть членом исполкома.

Вся полнота власти на селе принадлежала сельсоветам. Постановления сельского совета могли быть отменены районным съездом советов, районным и вышестоящим исполнительным комитетом, и их президиумом. Сельские советы избирались на общих избирательных собраниях открытым голосованием. Выборы в них должны были производиться 1 раз в год. В селениях, где насчитывалось менее 400 жителей, отдельные сельские советы не образовывались. Жители таких селений должны были участвовать в выборах сельского совета ближайшего населенного пункта того же района, где имелся сельский совет, либо объединяться с соседними селениями, не имеющими своих сельсоветов для выбора общего для всех означенных селений сельского совета.

В населенных пунктах, имеющих не менее 400 жителей, сельский совет должен был избираться в составе 1 депутата на каждые 200 жителей, но общая численность не должна была превышать 25 человек [6, л. 198]. Окончательное утверждение сельсовета принадлежало областному исполкому. Исполнительным органом сельского совета в селениях с числом жителей менее 3 000 человек являлся председатель сельского совета, в селениях с числом жителей свыше 3 000 – исполнительный комитет, избираемый сельским советом в составе 2 человек, а свыше 10 000 жителей – 3 человек [7, л. 70]. Председатель совета или исполнительный комитет избирался сроком на 1 год. В работе сельских органов власти должна была наблюдаться строгая отчетность перед вышестоящими учреждениями. Так, например, председатель или исполнительный комитет сельского совета непосредственно были подчинены и ответственны в своих действиях перед сельсоветом, перед вышестоящими исполкомами и их президиумами. Отделы при сельском совете не образовывались.

Несмотря на то, что была проделана огромная работа по районированию, ощутимого положительного результата она не дала. Ожидаемого сокращения советского госаппарата не произошло, произошло лишь довольно значительное перемещение его из центра к периферии. Так, в объяснительной записке о бюджете Ставропольского округа говорилось, что по сравнению с 1923–1924 годами штаты округа на 1924–1925 годы сократились лишь на 192 штатные единицы. В 1923 – 24 годах было 5 731, а в 1924–1925 годах стало 5 549. Но вместе с тем произошло значительное увеличение районного и нижестоящего аппарата. Например, в 1923–1924 годах было 2 814 штатных единиц, а в 1924–1925 годах уже 3 581. Таким образом, аппарат на местах увеличился на 767 единиц (27 %). Особенно сильно увеличился в районах персонал ответственных работников. Так, судя по бюджету 1923–1924 годов, их число составляло 207 штатных единиц, а в 1924–1925 годах стало 578. Таким образом, произошло почти трехкратное увеличение [13, с. 30].

Не произошло изменений и в качественном отношении советских работников. Так, например, управляющий делами окрисполкома 19 ноября 1924 года отмечал: «За последнее время особенно часто наблюдаются случаи запаздывания служащих явкой на службу. Неоднократные мои замечания в порядке приказа и лично мною сделанные целому ряду сотрудников, наконец, чисто товарищеские разъяснения и убеждения о недопустимости столь халатного и бесцеремонного отношения к исполнению возложенных на них долгом службы обязанностей, все эти меры не дали должных результатов» [9, л. 98].

Анализируя сводку о состоянии работников окрисполкома от 1 октября 1924 г., можно сделать вывод относительно их образовательного уровня. Так, общее количество работников окрисполкома составило 64 человека, из них высшее образование

имели лишь 6 человек (9 %), законченное среднее – 11 человек (17 %), низшее – 32 человека (50 %). Были же служащие, которые имели домашнее образование, были малограмотны или неграмотны вообще. Как правило, на местах образовательный уровень был еще ниже [10, л. 6]. Таким образом, после районирования советский аппарат власти в Ставропольском округе в целом был увеличен за счет не всегда образованных, ответственных людей.

Итак, жизнь со всей очевидностью показала тщетность утверждений большевиков, что рабочие сами могут успешно управлять государством. Утопичной оказалась идея об отказе от чиновничества. Новые управленцы принадлежали к рабоче-крестьянскому социальному слою. Членство в РКП (б), особенно при наличии партийного стажа, открывало всем, независимо от образования, компетенции, нравственных качеств, путь на новые ступени государственной власти.

Литература

1. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). ФР. 163. ОП. 1. Д. 511.
2. ГАСК. ФР. 299. ОП. 1. Д. 35.
3. ГАСК. ФР. 163. ОП. 1. Д. 511.
4. ГАСК. ФР. 163. ОП. 1. Д. 821.
5. ГАСК. ФР. 299. ОП. 1. Д. 84.
6. ГАСК. ФР. 299. ОП. 1. Д. 10.
7. ГАСК. ФР. 163. ОП. 1. Д. 821.
8. ГАСК. ФР. 299. ОП. 1. Д. 134.
9. ГАСК. ФР. 299. ОП. 2. Д. 9.
10. ГАСК. ФР. 299. ОП. 1. Д. 208.
11. Зверева Л. А. Становление системы управления в 1920-е годы (на примере Ставрополя) // Гуманитарные и юридические исследования. 2014. № 4.
12. Отчет Ставропольской административной комиссии о работе по районированию и проведению районной системы в губернию // Районирование Ставропольской губернии: Ставрополь, 1924.
13. Северный Кавказ после районирования. Т. 2. Ростов на-Дону, 1925.

УДК94/430/03.05

Ю. Е. Ивонин

**СОВЕШАНИЯ КУРФЮРСТОВ И РЕЙХСТАГИ СВЯЩЕННОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ
НАКАНУНЕ И ВО ВРЕМЯ ТРИДЦАТИЛЕТНЕЙ ВОЙНЫ¹**

В статье рассматривается роль и место рейхстага и совещаний курфюрстов во время Тридцатилетней войны. Подчеркивается, что совещания курфюрстов способствовали укреплению их позиций в государствен-

но-политической структуре Священной Римской империи.

Ключевые слова: рейхстаг, курфюрсты, князья, Тридцатилетняя война, дуализм, ассоциация.

Y. E. Ivonin

**MEETINGS OF PRINCE-ELECTORS AND REICHSTAGS OF HOLY ROMAN EMPIRE
ON THE EVE AND DURING THE THIRTY YEARS' WAR**

The article considers the role and place of Reichstag and meetings of Prince Electors during the Thirty Years' War. The author underlines that Prince Electors' meetings promoted

the strengthening of their positions in state and political structure of the Holy Roman Empire.

Key words: imperial Diet, electors, princes, Thirty Years War, dualism, association.

Долгое время считалось, что рейхстаги и другие имперские сословные совещания накануне и во время Тридцатилетней войны 1618–1648 гг. действовали эпизодически и, видимо, не играли сколько-нибудь существенной роли в политической жизни Священной Римской империи. Между тем не стоит совсем сбрасывать со счетов их в каком-то смысле регулирующую функцию в отношениях между императорами и имперскими чинами как в политических, так и в конфессиональных проблемах.

В юридических произведениях конца XVI – начала XVII вв., посвященных проблеме рейхстага, как хорошо и подробно показал Ф. Шуберт, в духе монистической теории Жана Бодена о суверенитете отмечался дуализм императора и рейхстага и аристократический характер рейхстага и имперской конституции. Подчеркивалось также, что дуализм императора и Империи является проявлением «государственного интереса» при первоначальной самостоятельности власти императора, и что рейхстаг трансформировался из совета, который олицетворял только часть суверенитета, в институт, который только один его и стал воплощать [17,

р. 336, 356–359]. В начале XVII в. также распространяются идеи народного суверенитета, особенно среди протестантов, выразителем идей которых в германских землях Империи был Иоганн Альтшюц. Его подход к оценке рейхстага был во многом еще эмпирическим, поскольку он трактовал идею суверенитета рейхстага в сословно – курфюршеском духе [17, р. 408–421, 467; 15, 67, 220, 271; 11]. В то же время авторы работ о рейхстаге уже рассматривали имперские окружные совещания и имперские депутатские совещания как заменители рейхстага, а также политическую необходимость ввиду постоянной турецкой угрозы и оказания императору экстраординарной помощи. Крупные имперские публицисты, которые, как правило, были советниками князей, например, Доминик Арумей, пропагандировали идею о том, что чинам должно быть позволено играть роль участников «величества», т. е. быть наравне с властью монарха. Скорее, речь шла о смешанной форме правления при равном участии императора и чинов, что позволяло сохранить единство Империи. Оценивая Тайный Совет как альтернативу рейхстагу,

1 Статья написана при финансовой поддержке гранта РФФИ № 14-01-00270.

советники императора отмечали организационные трудности работы имперских властей с округами, но, как известно, Рудольф II (1576–1612) боялся нарушить имперскую конституцию и вызвать выступления против себя, так как полагал Империю единым целым. Здесь же следует отметить, что работа рейхстага вызывала интерес за пределами Старой империи. Р. фон Фридебург даже считал, что английские историки недооценили вдохновляющий пример рейхстага для сторонников усиления роли парламента накануне событий 1642 г., т. е. революции середины XVII в. Со стороны Франции, именно во время правления Генриха IV Бурбона, интерес и восприятие деятельности рейхстага определялись не только с точки зрения консолидации общества и государства, но и с точки зрения перемен в расстановке сил в европейской политике и формирования европейской системы государств, в которой продолжала оказывать влияние на всех основных игроков идея и практика «универсальной монархии» в условиях плюрализма конфессий, формирующихся политических коалиций, растущего осознания единой европейской системы государств и особенно турецкой опасности. Работы и выводы французских юристов и публицистов, прежде всего Жана Бодена и Жака-Огюста де Ту, формировались ввиду практических интересов политических элит французского двора во время религиозных войн. Их, безусловно, интересовали методы и правила решения политических и религиозных конфликтов в практике работы рейхстага. В любом случае, активность французского короля Генриха и его послов на рейхстагах была подготовкой к его союзу с германскими протестантами в 1610 г. [17, р. 514–527; 7, р. 424–459, 672; 14, р. 496–501, 516–517; 8, р. 439–451; 5, р. 497–521].

Удачная для императора Рудольфа II «Долгая война» с турками 1593–1606 гг., в результате которой Османская империя по договору в Ситватороке 1606 г. впервые признала его равноправной стороной, вдохновила Рудольфа II на идею созыва новых рейхстагов между 1608 и 1613 гг. Успе-

хи в войнах с турками делали императорскую власть более свободной от имперских чинов. Но в то же время Рудольф использовал свой авторитет при рекатолизации архиепископства Кельнского, городов Ахена и Донауверта, что встретило сопротивление протестантских чинов, хотя он делал ставку на компромисс между католиками и умеренными лютеранами. Брат императора Матиас и его советник кардинал Мельхиор Клезль еще больше стремились к политике сохранения мира в Империи при условии достигнутого к тому времени соотношения сил. Однако распри Рудольфа с Матиасом и непоследовательность его политики способствовали интернационализации внутриимперской политики, так как протестантские чины искали поддержки у Англии, Республики Соединенных провинций (иначе – Голландии), французских гугенотов, а католики видели свою опору в Испании. Рудольфу II пришлось в этой ситуации уступить Матиасу и 18 августа 1611 г. отречься от богемской (чешской) короны, тем самым значительно ослабив свои позиции. Высшая имперская аристократия требовала проведения реформ в Империи в выгодном для нее направлении и установления контроля имперского эрцканцлера над Придворным Советом [17, с. 306–307; 3, с. 129–131].

После смерти Рудольфа 20 января 1612 г. на императорский трон взошел Матиас (1612–1619), представлявший себе многие явления в политике слишком упрощенно. В юности он был склонен к лютеранству, и это, возможно, наложило отпечаток на его стремление поддерживать религиозный мир в Империи. Самоустранение старшего брата от дел управления Империей способствовало возникновению у Матиаса, часто представлявшего императора на имперских сословных совещаниях, амбициозных планов, в результате чего проявилась ненависть старшего брата к младшему, и как следствие стали возникать их частые столкновения. Но как император Матиас был еще более нерешительным, чем Рудольф. Клезль пытался маневрировать между католической и протестантской партиями

с целью заключения компромисса между ними и сохранения Аугсбургского религиозного мира, но зачастую безуспешно по причине пассивности Матиаса. Рейхстаги 1603, 1608 и особенно последний перед Тридцатилетней войной рейхстаг 1613 г. показали стремление католических чинов решить конфессиональную проблему в Империи в свою пользу с помощью голосования по принципу большинства (к тому времени они уже были в большинстве). Но по вполне понятной причине протестантские чины сопротивлялись, апеллируя к Аугсбургскому миру 1555г. [2, с. 135–139, 142–147; 16; 9, р. 17–21]. Могла ли спасти мир в Империи продуктивная работа имперских сословных совещаний – большой вопрос, поскольку в обстановке усилившейся конфессиональной конфронтации они практически бездействовали.

Глубоко религиозный истовый католик император Фердинанд II (1619–1637) поставил религиозную политику в тесную связь с государственной, имея в виду защиту интересов католической церкви и одновременно укрепление монархии, но не в рамках империи, где он не обладал достаточными силами и средствами, а в наследственных владениях Габсбургов с целью сохранения их единства. Естественно, что одним из важнейших средств этой политики он под влиянием своих советников-иезуитов считал католическую конфессионализацию своих владений и усиление позиций католицизма в Империи. Эта политика особенно проявилась в издании им эдикта о Реституции 1629 г., который, по его замыслу, должен был являться единственным легитимным толкованием Аугсбургского религиозного мира 1555 г. Недовольство протестантов было вызвано требованием возвращения под юрисдикцию католиков всех имперских церковных владений, оказавшихся под властью протестантов после 1555 г., а также церковных владений на землях имперских чинов после 1552 г. Разумеется, этот эдикт, изданный с нарушением имперской конституции, т. е. без решения рейхстага, был серьезной ошибкой Фердинанда II и

его советников, поскольку, во-первых, нарушал конфессиональное и политическое равновесие в Империи в пользу католиков. Во-вторых, это было покушение на право чинов не только протестантских, но и католических принимать законы на сословных совещаниях и на их суверенитет во внутренних делах. Сам император вообще-то не собирался активизировать деятельность имперских сословных совещаний во время войны, особенно рейхстага, хотя и не стремился к ликвидации имперской конституции. По существу, он периодически консультировался с курфюрстами, прежде всего католическими. Поэтому решения в имперской политике принимались не на рейхстагах, а на совещаниях курфюрстов. Если к тому же заметить, что титул курфюрста в 1623–1648гг. перешел от Пфальца к Баварии, то заметным было усиление позиций католических курфюрстов. [1, с. 148–151, 160–162; 13, р.112].

Фактически до 1645 г. не ставился вопрос о созыве всех трех имперских сословных совещаний, т.е. рейхстаг, окружных совещаний и депутатических совещаний. Лишь во время уже начавшихся переговоров о заключении мира новый император Фердинанд III (1637–1657), озабоченный будущим Империи и своего собственного положения после завершения переговоров, дал поручение своим дипломатам в Оснабрюке, где велись переговоры между Империей и Швецией, провести конференцию с представителями курфюрстов о возобновлении деятельности всех трех имперских сословных совещаний. Так или иначе, речь могла идти об исполнении нарушенного событиями Тридцатилетней войны принципов Аугсбургского религиозного мира 1555 г., то есть о свободах чинов и религиозных свободах в противовес монархическому принципу и религиозному единству, что утверждалось в это время в монархических государствах Западной Европы [14, р. 493; 10, р.107–109, 118]. При Фердинанде II проводилась такая политика, что он в своих предложениях о деятельности сословных совещаний настаивал, чтобы

возможность координации решений между куриями фактически без решения императора не могла осуществляться. В результате восстановление деятельности сословных совещаний, прежде всего рейхстага, не было для императора и его окружения необходимым. Возможность для протестантов стать большинством на рейхстагах была практически исключена. В принципе, восстановление деятельности рейхстага, как считает Шуберт, могло бы привести к самостоятельности рейхстага, императора и Империи по отношению друг к другу, причем рейхстаг становился бы высшим советом союза государств. Но во время Тридцатилетней войны такое было невозможным, так как вследствие политики императора происходило значительное сокращение функций управления, в которых рейхстаг ранее превосходил большинство европейских сословно-представительных учреждений. Рейхстаг собрался только в 1640–1641 гг. Депутационное совещание собралось в 1643 г. некоторые окружные совещания собирались время от времени. В этих условиях чаще всего собирались совещания курфюрстов, так или иначе усиливавших свою роль имперской аристократии (1611, 1619, 1627, 1630, 1636, 1640 гг.) [17, р. 308–311].

Совещание курфюрстов в Регенсбурге в июле – ноябре 1630 г. показательно в смысле усилившегося сопротивления князей обеих партий конфессиональной политике императора. Протестантские курфюрсты настаивали на том, что Реституционный эдикт вообще не может быть предметом для переговоров, заявляя, что он находится в противоречии с равноправием в религиозном мире. После письма саксонского курфюрста Иоганна Георга I (1611–1656) императору от 3 сентября 1630 г., в котором тот писал о конvente всех протестантских чинов с выражением протеста против этого эдикта, католики вскоре после высадки на севере Германии шведской армии короля Густава II Адольфа (1611–1632) были вынуждены пойти на переговоры, опасаясь объединения германских протестантов с шведами. Тогда же курфюрсты отказали

Фердинанду II в предоставлении помощи для войны за мантуанское наследство и буквально настояли на том, чтобы он начал мирные переговоры с Францией. Примечательно также, что император обещал не начинать новые войны без совета и согласия курфюрстов. Заключенный 30 мая 1635 г. Пражский мир можно расценивать, с одной стороны, как отказ императора от эдикта 1629 г., с другой стороны, как мнимый успех конституционного плана, ибо отказ чинов от сепаратных союзов и т.д. не был реализован, а сам император не смог установить монархическую форму правления в Империи [1, с. 162–163, 168–169; 9, р.150–151, 176, 180–182].

Первый и единственный рейхстаг во время Тридцатилетней войны состоялся, как выше уже отмечалось, в 1640–1641 гг. в Регенсбурге при императоре Фердинанде III. Приходясь сыном Фердинанду II, этот император во многом унаследовал модель правления своего отца, в основе которой лежала проблема «христианского монарха» в стиле гуманистов того времени, т. е. акцентирование внимания на связи государя с Богом и защита им католической церкви. Но положение дел для Империи на рубеже 30–40-х гг. складывалось не лучшим образом в результате вступления в войну Франции, активных действий Швеции и финансового банкротства Испании, которая к тому же вследствие восстания в Каталонии и отделения Португалии в 1640 г. резко ослабла и в политическом отношении и не могла оказывать военную помощь императору. Казалось бы, Пражский мир давал новому императору надежду на мобилизацию ресурсов Империи и помощь со стороны чинов, но без помощи со стороны Испании эта надежда становилась иллюзорной [4, с. 170–176, 180–185].

На Регенсбургском совещании курфюрстов 1636–1637 гг. Фердинанд II обеспечил их одобрение идеи избрания своего старшего сына Фердинанда римским королем. Но курфюрсты все равно сопротивлялись монархическим устремлениям императора, опираясь при этом на свою военную

самостоятельность и зависимость Фердинанда II в вопросе об избрании его сына римским королем и впоследствии императором. Сам факт созыва совещаний курфюрстов во время Тридцатилетней войны говорит о влиятельности курфюрстов, в отличие от других имперских чинов. Курфюрсты умело использовали «Золотую Буллу» и как представители имперских чинов защищали сословные свободы против габсбургско-династической политики императора. Ввиду угрожающей ситуации, когда даже Максимилиан Баварский вынашивал идею созыва не зависимо от императора совещания имперских чинов, Фердинанд III по рекомендации своих советников и Тайного Совета решился в марте 1640 г. направить курфюрсту Майнцскому как эрцканцлеру Империи и другим курфюрстам предложение через шесть месяцев созвать рейхстаг в Регенсбурге. Этот рейхстаг подробно изучен немецкой исследовательницей К. Биртер, поэтому мы будем опираться на ее выводы. Судя по повестке дня, регенсбургский рейхстаг 1640–1641 гг. был продолжением совещания курфюрстов в Нюрнберге 1640 г., но уже в присутствии представителей других имперских чинов. Император и курфюрсты ни в коем случае не представляли собой единую группу, противопоставлявшую себя другим чинам. Мало того, между императором и курфюрстами так же, как и между отдельными курфюрстами, прежде всего между тремя католическими архиепископами-курфюрстами (Майнц, Трир, Кельн) и протестантскими курфюрстами Саксонии и Бранденбурга, существовали значительные противоречия. В заседаниях курии князей участвовали 150 представителей, а в курии городов – представители 52 городов, в большинстве протестантских имперских городов. Дебаты развернулись по первому же пункту о восстановлении имперского мира, в котором был поставлен вопрос об амнистии всех чинов и восстановлении рейхстага. Для императора же один из самых сложных вопросов заключался в том, чтобы добиться согласия рейхстага на подписание сепаратного мира со Швецией и

продолжение войны с Францией. Максимилиан Баварский, в свою очередь, акцентировал внимание на переговорах с Францией, надеясь на решение своих династических интересов, а курфюрст Саксонский опасался нового внутреннего конфликта между католиками и протестантами в Империи [6, р. 4–5, 36, 43, 50–51, 63, 68, 75, 89, 121].

Главной внутриимперской проблемой была, конечно, проблема имперского мира. Ее длительное обсуждение привело к тому, что имперские чины одобрили предложение герцогов Брауншвейг-Люнебургских начать мирные переговоры. Следует отметить единодушие чинов с императором как в вопросе об установлении имперского мира, так и в вопросе продолжения войны против Франции и Швеции до полного завершения мирных переговоров и заключения мира с использованием военного давления на противников с целью улучшения собственных позиций на переговорах. Но в то же время имперские чины не хотели осуществления территориально-государственных и династических интересов императора. На этом основании они отказали в его просьбе оказать военную помощь Испании, послав нанятые за их счет войска на нидерландский участок войны для того, чтобы оказать поддержку испанской армии. В общем, многие ожидания императора натолкнулись на сопротивление, его инициативы были встречены с недоверием [6, р.135, 325–327; 12, р.134–135].

Результаты переговоров и обсуждений на этом рейхстаге, конечно, сказались на дальнейших перипетиях в деятельности имперских сословных совещаний и отношениях чинов с императором. В мае 1648 г. во время Вестфальского конгресса курфюрст Майнцкий перехватил у делегации императора право дипломатической инициативы по внутренним делам Империи. В сущности, это было настоящей конституционной революцией, поскольку имперские чины буквально принудили императора подписать мир. Уменьшение авторитета императора и Империи фактически совпало с окончанием Тридцатилетней войны.

Но позиции их все же восстановились довольно быстро, Империя сохранилась как аристократическая ассоциация имперских чинов, основанная на ленном праве и верховенстве императора в системе имперской юстиции. Имперская политика теперь регулировалась правовыми средствами при сохранении традиционного характера Империи как оборонительного союза государств [4, с. 196, 199].

Х. Нойхауз подчеркивает, что в конце XVI в. узаконенные имперскими округами и рейхстагами комитеты олигархического типа отнюдь не доминировали, но господствовала освященная старыми традициями форма имперского сословного представительства, т. е. рейхстаг. Эта форма представительства в первой половине XVII в. была неоспоримой даже в ухудшившейся политической и конфессиональной ситуации, когда само существование рейхстага стояло под вопросом. По существу, совещания князей и курфюрстов, как бы то ни было, не могли заменить рейхстаг, потому что все

три формы представительства, а именно: рейхстаг, имперское окружное совещание и имперское депутатское совещание – представляли имперских чинов. Необходимость для императорской власти в их существовании усилилась к 40 гг. XVII в., что выразилось в созыве рейхстага в 1640–1641 гг. и созыве имперского депутатского совещания во Франкфурте-на-Майне в 1642–1645 гг. Окончательный успех идеи рейхстага в решениях Вестфальского мира 1648 г. демонстрировал превращение его в конституционный сословный орган Империи. Последующие рейхстаги становились шагами на пути становления постоянного Регенсбургского рейхстага 1663 г., ставшего «съездом послов», но решавшего вместе с тем в будущем общеимперские вопросы на основе ранее выработанных принципов имперской конституции. Рейхстаг вернулся в политическую жизнь Империи [14, с. 519–525], чтобы принять новую форму существования при сохранении представительства всех чинов Империи.

Литература

1. Шиндлинг А., Циглер В. Альбрехт Д. Фердинанд II (1619–1637) // Кайзеры. Священная Римская империя, Австрия, Германия. Ростов-на-Дону: Феникс, 1997.
2. Пресс Ф. Матиас (1612–1619) // Кайзеры. Священная Римская империя, Австрия, Германия. Ростов-на-Дону: Феникс, 1997.
3. Пресс Ф. Рудольф II (1576–1612) // Кайзеры. Священная Римская империя, Австрия, Германия. Ростов-на-Дону: Феникс, 1997.
4. Репген К. Фердинанд III (1637–1657) // Кайзеры. Священная Римская империя, Австрия, Германия. Ростов-на-Дону: Феникс, 1997.
5. Beiderbeck F. Die Wahrnehmung des Reichstages in der Reichspolitik König Heinrichs IV von Frankreichs // Der Reichstag 1486–1613. Kommunikation-Wahrnehmung-Öffentlichkeit / Hrsg. von M. Lanzinner und A. Strohmeyer. Göttingen. 2006.
6. Bierther K. Der Regensburger Reichstag von 1640–1641. Kallmünz. 1971.
7. Dominici Arumaei Commentarius juridico-historico-politicus de Comitibus Romano-germanici Imperii. Jenae. 1630.
8. Friedeburg R. von. Reich und Parlament in der englischen Diskussionen des späten 16. und frühen 17. Jahrhundert // Der Reichstag 1486–1613. Kommunikation-Wahrnehmung-Öffentlichkeit / Hrsg. von M. Lanzinner und A. Strohmeyer. Göttingen. 2006.
9. Frisch M. Das Restitutionsedikt Ferdinands II von 6 März 1629. Eine rechtsgeschichtliche Untersuchung. Tübingen. 1993.
10. Heckel M. Krise der Religionsverfassung des Reiches // Religion und Politik. Europäische Probleme und Perspektiven / Hrsg. von K. Repgen. München. 1988.
11. Jurisprudenz, Politische Theorie und Politische Theologie / Hrsg. von F. Carney, H. Schilling und D. Wydukel. Berlin. 2004.
12. Kampmann Chr. Europa und das Reich im Dreißigjährigen Krieg. Geschichte eines europäischen Konflikts. Stuttgart. 2008.

13. Kohler A. *Kontinuität oder Diskontinuität in frühneuzeitlichen Kaisertum – Ferdinand II // Reichständische Libertät und Habsburgisches Kaisertum / Hrsrg. von H. Duchhardt und M. Schnettger. Mainz. 1999.*
14. Neuhaus H. *Reichständische Repräsentationsformen in 16. Jahrhundert. Reichstag-Reichskreistag-Reichsdeputationstag. Berlin. 1982.*
15. *Politice Methodice Digesta of Johannes Altusius. Cambridge (Mass.). 1932.*
16. Rill B. *Kaiser Matthias. Bruderzwist und Glaubenskampf. Graz; Wien; Köln. 1999.*
17. Schubert F. *Die deutschen Reichstage in der Staatslehre der Frühen Neuzeit. Göttingen. 1966.*

УДК 63.3

А. И. Ивонина

ФРАНЦИЯ И ПОСЛЕДНИЕ БАТАЛИИ ТРИДЦАТИЛЕТНЕЙ ВОЙНЫ¹

Статья посвящена анализу последней кампании и последней крупной битвы Тридцатилетней войны, участником которых являлась Франция. В ней также обращено внимание на взаимодействие военных со-

бытий и внутренней ситуации во французском королевстве.

Ключевые слова: Тридцатилетняя война, полководец, кампания, сражение, Фронда.

L. I. Ivonina

FRANCE AND THE LAST BATTLES OF THE THIRTY YEARS' WAR

The article analyzes the last campaign and the last major battle of the Thirty Years' War, the participant of which was France. It also addresses the interaction of military

events and the internal situation in the French kingdom.

Key words: the Thirty Years' War, commander, campaign, battle, the Fronde.

Огромную роль в становлении сильной в военном отношении, централизованной французской монархии и ее гегемонии на континенте сыграли события Тридцатилетней войны (1618–1648). Решающее воздействие на управление этими событиями имели два политика-кардинала – Ришелье и Мазарини, два полководца – Тюренн и Конде.

Современные историки, хотя полностью и не отвергают, все меньше считают политические, и даже социальные трансформации продуктом индивидуальной воли. Они обращают преимущественное внимание на современников политических и военных лидеров, их мотивации и интересы, проблемы и требования, составляющие ре-

альную картину повседневной жизни конкретного отрезка времени [12, р.3]. Тем не менее, выдающийся лидер как раз основывает и развивает свои долгоиграющие планы и проекты на этой самой картине, иначе они не были бы реализованы. Это доказывают и военные баталии последних двух лет Тридцатилетней войны, освещенные в историографии много меньше, чем дипломатические дискуссии накануне заключения Вестфальского мира.

Зимой 1647–1648 гг. значительное ухудшение военно-политической ситуации потребовало от первого министра Франции Джулио Мазарини вновь увеличить расходы на войну. Во время переговоров о мире в

¹ Статья написана при поддержке гранта РГНФ № 14-01-00270.

Вест-фальских городах Мюнстере и Оснабрюке французский представитель де Лонгвиль, собравшись подписать прелиминарный мир с испанским послом Пеньярадой под свою ответственность, запросил прославленного в ряде решающих битв принца Луи де Конде, защитит ли тот его от обвинений в самовольстве. Собиравшийся и дальше воевать принц ответил ему отказом. Камнем преткновения между Францией и Испанией были поддерживаемое Францией антииспанское восстание в Неаполе и дела Лотарингии. Париж был готов возвратить герцогу Лотарингии его владения, но при срыве укреплений Нанси и других крепостей. Эти условия первого министра поддержал и Конде. Напрасно посредники убеждали Париж отказаться от них: Мазарини и Конде резко их обрывали, упустив реальный шанс заключить почетный мир и избежать назревавшей внутренней смуты, где им предстояло стать непримиримыми противниками. Скоро и в неаполитанской эпопее произошел перелом в пользу Испании. Встревоженные монархическими замашками посланного им на помощь герцога де Гиза, стоявшие за республику неаполитанцы завязали тайные сношения с испанцами. 6 апреля 1647 г. Гиза хитростью выманили из города, схватили и бросили в испанскую темницу. Всем стало ясно, что сейчас мира не будет [3, p.226; 1, c.165–167].

И Мазарини в очередной раз отправил другого знаменитого воина – виконта Анри де Тюренна – в германские земли объединиться со шведским командующим Врангелем и, как отмечено в письме кардинала полководцу, дипломатично сотрудничать со шведом, ибо на дополнительные контингенты средств нет. В кампании 1648 г. Тюренн располагал 4000 пехоты и столько же конницы; артиллерия насчитывала всего 20 орудий. Армия Врангеля насчитывала 12000–14000 (4000–5000 пехотинцев, 8000–9000 кавалеристов) и 20–30 орудий. Общие силы союзников составляли 20000–22000 солдат (30000 по Гетри) и 40–50 пушек. В январе виконт перешел Рейн и расположился в гессен-дар-

мштадских владениях. Шведы запаздывали, и он был вынужден отойти к Страсбургу. 18 марта французы, наконец, встретились со шведами у Динкельсбюля во Франконии. Однако на совете в Нордлингене 26 марта 1648 г. Врангель предложил идти в Верхний Пфальц, тогда как Тюренн не желал удаляться далеко от Швабии, откуда можно было получать продовольствие, а не из разоренного Пфальца.

Узнав об этом, Мазарини был раздосадован, о чем и написал виконту [8, p.9, 64–65]. Тем не менее, вскоре Врангель признал правоту Тюренна, и 17 апреля их армии вновь объединились (по одним сведениям возле Ротенбурга-на-Таубере, по другим возле того же Динкельсбюля, впрочем, городки находятся рядом), и 27-го пошли к Вюртембергу. 20-тысячная имперско-баварская армия фельдмаршала Петера Меландера графа Хольцгапфеля отступила к Дунаю и расположилась в хорошо укрепленном лагере в районе Цусмарх-узена (15–20 км от Дуная в направлении Аугсбурга).

Только через три недели французы и шведы получили расплывчатые представления о местонахождении Хольцгапфеля. В результате рекогносцировки местности 3000 всадников была выявлена беспечность противника на правом берегу Дуная, не выставившего постов охраны и не выславшего разъездов для ведения разведки. И Тюренн с Врангелем решили внезапно атаковать. Но разведка крупными силами себя не оправдала и сорвала замысел внезапного нападения. 17 мая в 2 часа утра союзники подошли к лагерю противника, но тот уже горел, а имперцы и баварцы отступали. Хольцгапфель решил не вступать в бой с более многочисленной армией. Ночью из лагеря в направлении Аугсбурга ушло около 30 эскадронов авангарда конницы. За ними двигались главные силы, затем обозы и арьергард (1500–1600 всадников, 800 мушкетеров и 4 пушки) под командованием генерал-лейтенанта графа Раймондо Монтекукколи, будущего прославленного имперского полководца. Отступали по леси-

сто-болотистой местности, где обозы двигались очень медленно и задерживали отступление войск.

В 7 часов утра авангард из 3000 французских и шведских кавалеристов атаковал арьергард Монтекуколи. Завязался упорный бой. Монтекуколи защищался упорно и искусно, но сильный напор превосходящих сил привел его конницу в расстройство и бегство. На поддержку арьергарду Хольцгапфель выслал 500 мушкетеров, 400 всадников и 2 орудия. Однако они не спасли положение. Конница Тюренна вела фронтальную атаку, а всадники Врангеля осуществили двухсторонний охват арьергарда, окружили его и уничтожили. Оказать действенную помощь Монтекуколи оказалось невозможным из-за обоза, следовавшего позади войск, а леса и болота не позволяли его обойти. Союзники потеряли 2000 человек, а имперцы – 1300 мушкетеров, 900 кавалеристов, 6 орудий, а также значительный обоз. Хольцгапфель был убит, а Монтекуколи чудом избежал плена и пробился к своей армии.

Тем временем имперско-баварская армия сменившего Хольцгапфеля фельдмаршала Максимилиана фон Гронсфельда заняла позицию за речкой Шмуттер и отразила попытки союзников ее форсировать. Тюренн и Врангель до вечера ожидали подхода своей артиллерии, но и пушечный огонь ситуацию не изменил. Союзники решили возобновить атаки утром 18 мая. Ночью противник под прикрытием артиллерии отошел за Лех и сжег мост. Теперь защита Баварии зависела от укрепленных линий на этой реке. 19 мая французы и шведы двинулись на север и заняли позиции у Оберндорфа на западном берегу Леха и в миле от Рейна. Главные силы Гронсфельда дислоцировались в Обер-Пайхинге. Фактически к 25 мая противники оказались на позициях у Леха, которые занимали Густав Адольф и имперский полководец Тилли в 1632 г. При этом Врангель желал повторить триумф своего покойного короля Густава II Адольфа, а Гронсфельд – избежать ошибок имперского командующего Тилли. Союзная армия насчитывала 9000 пеших и 14000

конных солдат, а противник – 7000 кавалерии и 7500 пехоты. В свое время Тилли держал оборону близ берега, Гронсфельд, напротив, решил свои главные силы отвести подальше, а на берегу оставить конный патруль и солдат, обеспечивавших земельные работы. Когда союзники приблизились, он с частью сил предпринял контратаку, но не обеспечил ее пушечным огнем, и поэтому его план (заставить франко-шведские войска отойти) провалился.

26 мая Врангель готовился к переходу: поставил 12 тяжелых орудий для бомбардировки баварской защиты и строил мост через реку. Но использовать пушки ему не пришлось: силы Гронсфельда были далеко, и берег был «чист» для перехода. Врангель послал небольшую часть всадников на разведку на другую сторону, которые в 5 вечера наткнулись на патруль Гронсфельда. Последний сообщил своему командующему, что шведы уже переходят реку, и Гронсфельд, поняв, что защита бессмысленна, оставил Лех свободным и отошел к Ингольштадту. Разочарованный отходом противника, Врангель 27 мая начал операцию, предварительно выслав эскадрон обезопасить берег. Те обнаружили отступавших баварцев, а Гронсфельд, приняв их за целую армию, превратил отступление почти в бегство, в ходе которого потерял 8 пушек и несколько кавалеристов.

Внезапно рейнский гарнизон стал угрожать переходящим Лех силам Врангеля. Вся операция могла быть поставлена под сомнение, но солдаты Тюренна ликвидировали это препятствие, обеспечив надежную защиту Рейна. Вторжение в Баварию началось. «2-я битва на Лехе» имела катастрофические последствия для Баварии, которую заняли франко-шведские войска и подвергли ее разорению и ограблению. То была нехарактерная ранее для Тюренна жестокость, вызванная поведением шведов, зависимостью от союза с ними и отсутствием средств для обеспечения армии. Она расходилась с дипломатией мира, проводимой кардиналом Мазарини. 3 июня Гронсфельда лишили командования и арестовали, его карьера была закончена.

Но и союзникам не пришлось наслаждаться достигнутым. Имперский полководец Эней Сильвио Пикколомини и генералы Гунодштейн и Энкефорт собрали немалую армию (9000–10000 пехоты, 15000 конницы), перешли через Дунай и двинулись по левой стороне реки Изар. Французы и шведы не получили помощи от своих переговаривавшихся в Вестфалии государств (к тому же еще в мае от Врангеля отделился с 3000 солдат генерал Кенигсмарк, вторгшийся в Богемию и осадивший Прагу). Это их вынуждало, меняя позиции, находиться то в состоянии обороны, то в бесплодных атаках и частом бездействии между Изаром и Инном до сентября, а затем отступить за Лех. За ними на этот рубеж вышла имперско-баварская армия. Только 3 ноября 1648 г. Врангель и Тюренн получили известие о заключении Вестфальского мира. Тюренн ушел в Швабию, Врангель в Нюрнберг, а Кенигсмарк снял осаду Праги [6, р. 243–246, 251–252; 2, с. 432–434]. Так закончилась последняя кампания Тридцатилетней войны.

В этой кампании из-за вынужденного грабежа населения силы виконта Тюренна были более подвижны, менее зависимы от складов продовольствия, но сильно зависимы от общего командования Врангеля. К тому же из-за враждебного окружения французам и шведам пришлось отсиживаться в укрепленном лагере, выжидая изменения обстановки в благоприятную сторону. Это стало одним из средств маневра, заключавшегося в том, что, разорив территорию полностью, армия переходила в новое место, где снова устраивала укрепленный лагерь. «В этом походе Тюренн, – писал Наполеон, – прошел через Германию во всех направлениях с такой быстротой и отвагой, которые были противоположны обычному ведению войны в то время. Это было следствием его искусства и хороших основ военной школы» [11, с. 55]. Но важно отметить, что в 1644–1648 гг. определилась стратегия маршала, основанная на мобильной армии, способной делать быстрые маневры и заставить противника сесть за

стол переговоров, навязав ему свои условия, что и случилось с курфюрстом Максимилианом Баварским и императором Священной Римской империи Фердинандом III.

Сам же Анри де Тюренн был недоволен кампанией 1648 г. из-за вынужденного жесточеского способа ее ведения и зависимости от шведов. Возможно, и это обстоятельство способствовало его проявившейся во время парламентской Фронды (1648–1649) неприязни к Мазарини и правительству, явно больше благоволившему к его коллеге – принцу Конде.

Военные события в Германии происходили в обстановке, когда Парижский парламент и другие верховные суды блокировали финансовую политику французского правительства. Кризис кредитной системы сказался даже на особо опекаемой Парижем армии в Нидерландах, командование которой в 1648 г. принял Луи де Конде. Принц прислал 10 курьеров, требуя оплатить очередное жалованье его солдатам хотя бы в половинном размере и возмущаясь, что до сих пор не удается найти даже трети нужной суммы [8, р. 145–146].

А 13 мая 1648г. члены Парижского парламента приняли «акт единства», в котором призывали все суверенные суды Парижа – Счетную палату, Палату косвенных сборов и Большой Совет – направить делегации для проведения совместных заседаний во Дворце правосудия. Для спасения королевства предполагалось провести общую государственную реформу. Так началась Фронда – гражданская смута, продолжавшаяся целых пять лет. Французский историк XIX в. Жюль Мишле описал ее как «войну бурлеска», войну, «комичную по происхождению, событиям, принципам», но он бы мог еще добавить, что она была исключительно трагичной из-за пролития крови, которая сопровождала ее. Впрочем, и некоторые современные работы перекликаются с этим мнением [9, р. 127; 13, р. 1]. Первый ее этап назывался парламентской Фрондой, когда Парижский парламент благодаря своим лозунгам (борьба с хозяйничаньем финансистов, упразднение интендантов и

наведение порядка в управлении страной) имел популярность у измученных войной и налогами подданных малолетнего короля Людовика XIV.

Кардинала Мазарини поддерживали члены Узкого совета, интенданты и финансисты. Тогда многие желали прекращения войны и полагали, что Мазарини ее специально затягивает. Успехи французского оружия приписывались исключительно доблести командующих – Конде и Тюренна, а поражения объясняли бездарным общим руководством. Первому министру надо было привлечь в свой лагерь и военные силы.

В глубине души обиженный на Мазарини за отказ аннулировать его неудачный брак Луи Конде на людях обвинял его в том, что через год после удачной осады Дюнкерка (1646 г.) он, чтобы очернить его славу, отправил его в Каталонию и коварно втянул в осаду Лериды, заставив армию нуждаться во всем необходимом. Ссориться с принцем крови в преддверии битвы с парламентом первый министр не хотел, да и регентша Анна Австрийская симпатизировала принцу. Поэтому 30 июня 1648 г. он по просьбе королевы отправил срочный запрос в армию Конде: как, по его мнению, следует вести себя правительству? 2 июля полководец ответил, что королева должна «пока есть возможность, вести себя мягко и пытаться всеми средствами вернуть на истинный путь тех, кто с него сошли», а к крайним методам прибегнуть как можно позже, но при этом не поступаться своей властью [7, р. 602]. Здесь принц проявил себя как тонкий политик, что случалось с ним не всегда. Да и кардинал подавал надежды честолубцу, обещая ему жезл маршала Франции в случае удачного окончания кампании 1648 г.

На поддержку Конде рассчитывали и парламентские лидеры. Но принц, как аристократ самых высоких кровей, свысока смотрел на «новых дворян» – чиновников-выскочек. Он еще не допускал мысли о союзе с ними и рассчитывал перехитрить как парламент, так и первого министра, заняв затем ведущую роль при короле. В то же время Анна Австрийская симулировала

недовольство кардиналом и жаловалась в присутствии принца на его чрезмерное миролюбие. Надо было внушить принцу, что защита трона не означает защиты первого министра, ведь политическим кредо Конде было изречение: «Я зовусь Луи де Бурбон и устои трона подрывать не могу» [5, р. 275].

Между тем Мазарини очень рассчитывал на благоприятный исход для Франции Тридцатилетней войны. 20 августа 1648 г. близ города Ланса во Фландрии произошло ее последнее крупное сражение. Город был захвачен французами еще в 1647 г. Когда же во Франции началась Фронда, Испания предприняла попытку отвоевать Ланс. С этой целью восстановившаяся испанская армия под командованием брата императора Священной Римской империи эрцгерцога Леопольда Вильгельма наступала во Фландрию. Ввиду внутренних беспорядков и военных неудач в Каталонии Франция казалась уязвимой. Конде, предпринявший бросок из Каталонии во Фландрию и набравший армию в Шампани, Лотарингии и Париже, с 14000–16000 солдат устремился на выручку городу. Более половины его армии составляла кавалерия, он располагал также 18 орудиями. Испанская армия, насчитывавшая 18000 человек (более половины также составляла кавалерия) и 38 пушек, заняла позицию на возвышенности в надежде на то, что Конде будет их атаковать так же, как в битве при Аллерхайме в 1645 г. Но чтобы выманить противника за его укрепленные линии, принц сделал вид, что отступает. Леопольд Вильгельм попался на эту хитрость и двинулся за французами, а те совершили неожиданный маневр и обрушились на противника, который оказался вне укреплений.

Поначалу еще сохранившиеся ветеранские испанские «терции» подавили французскую гвардию, захватив ее знамена, что явилось мстью за сокрушительное поражение в битве при Рокруа в 1643 г. Тем не менее, кавалерия Конде подтвердила свое превосходство и заставила отступить испанскую конницу, оставившую основную массу своей пехоты изолированной на поле сра-

жения, что привело к ее сдаче. Так принц нанес сокрушительное поражение испанцам, энергично и умело распорядившись на поле боя собственными войсками. Потери Леопольда Вильгельма оказались огромными: 4000 убитыми и 6000 пленными. В ходе бегства он потерял всю артиллерию и весь обоз. К тому же в сражении при Лансе были уничтожены остатки испанской пехоты, находившиеся на территории испанских Нидерландов. Луи Конде гордился собой и не сомневался в усилении своего влияния на короля [5, р. 298–300; 10, р. 207–208].

Именно после этой победы Анна Австрийская напомнила Мазарини его слова о том, что решительный удар по фрондерам лучше всего нанести после крупного военного успеха. И 25 августа того же года Узкий совет решил арестовать парламентских лидеров во главе с неугомонным оппозиционером старцем Брусселем. А 26 августа состоялся большой благодарственный молебен в честь победы Конде.

Только в октябре 1648 г. был заключен Вестфальский мир, венчавший окончание Тридцатилетней войны. Франция получила епископства Мец, Туль и Верден, ранее принадлежавшие герцогу Лотарингии, и свободные города Эльзаса. Однако на этих территориях империя сохраняла за собой Страсбург, Страсбургское епископство и Мюльхаузен [4, р. 450–461; 3, р. 226]. Этот мир сразу не принес ожидаемого покоя ни Франции, ни покрытым славой полководцам. Во-первых, не был подписан мирный договор с непринявшей требования Парижа Испанией; во-вторых, внутренняя смута продолжалась еще до 1653 г.

Тем не менее, благоприятные условия соглашений с Империей и германскими князьями, ставшие возможными благодаря дипломатии кардинала Мазарини и победам Анри де Тюренна и Луи де Конде, обеспечили Франции исключительные международные позиции и гегемонию в Европе в ближайшем будущем.

Литература

1. Малов В. Н. Парламентская Фронда. М.: Наука, 2009.
2. Разин Е. А. История военного искусства XVI–XVII вв. СПб.: ООО «Издательство Полигон», 1999.
3. *Acta Pacis Westphalicae. Serie III C. Band IV. Diarium Lambergi 1645 – 1649 / Bearb. von F. Bosbach. Münster, 1986.*
4. *Corps universelle diplomatique du droit des gens / Par J. du Mont. Amsterdam, 1728. T. VI. pt. I.*
5. *Correspondance inedite du Grand Conde // Louis Joseph de Bourbon Conde (prince de), Charles Louis de Sevelinges. Mémoires pour servir à l'Histoire de la Maison Condé/Par L.-G. Michaud. T. I. P., 1820.*
6. Guthrie W.P. *The later Thirty Years War. From the battle of Wittstok to the Treaty of Westphalia. Westport (Connecticut), London, 2003.*
7. *Henri d'Orléans, Duc d'Aumale. Histoire des princes de Condé pendant les XVI et XVII siècle. Vol. 5. P., 1889.*
8. *Lettres du cardinal Masarin pendant son ministere / Par M. A. Cheruel et G. Avenel. T. III. P., 1877.*
9. Longueville T. Marshall Turenne. L., N.Y., Bombay, Calcutta, 1907.
10. Lynn J.A. *Giant of the Grand Siecle. The French Army 1610–1715. Cambridge, 1997.*
11. *Napoleon I. Darstellung der Kriege Caesars, Turennes, Friedrichs des Grossen. Berlin, 1938.*
12. Parrot D. *War, Government and Society in France, 1624–1642. Cambridge, 2006.*
13. Wilson W. *A tragic farce: the Fronde (1648–1653). Exeter, 1998.*

УДК 94(438).081

И. К. Ким

ПАРЛАМЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ 1930 ГОДА В ПОЛЬШЕ
В ЗЕРКАЛЕ «ГАЗЕТЫ ПОЛЬСКОЙ»

Статья посвящена представлению в проправительственной «Газете польской» хода и итогов выборов в Сейм и Сенат 1930 года в Польше, которые стали переломны-

ми в истории межвоенной Польши и её парламентаризма.

Ключевые слова: Польша, парламентские выборы, режим санации, «Газета польска».

I. K. Kim

PARLIAMENTARY ELECTIONS IN POLAND IN 1930
IN REFLECTION OF "GAZETA POLSKA"

The article is devoted to the presentation by pro-government «Gazeta Polska» progress and results of the elections to the Sejm and the Senate in Poland in 1930, which became

a turning point in the interwar history of Poland and its parliamentarism.

Key words: Poland, parliamentary elections, sanation regime, «Gazeta Polska».

Парламентские выборы 1930 года стали переломными в истории межвоенной Польши. Возглавляемый Ю. Пилсудским лагерь санации, установив после майского переворота 1926 года контроль над исполнительной властью, на выборах 1928 года получил относительное большинство в парламенте. Именно парламент в 1928–1930 годах стал главной ареной противоборства санации и оппозицией. Первую представлял, прежде всего, Беспартийный блок сотрудничества с правительством (ББВР), вторую – правонационалистический лагерь национальной демократии (эндеции) во главе со Стронництвом народным (СН), центристские Польское стронничество христианской демократии (ПСХД), Национальная рабочая партия (НПР) и людовский (крестьянский) «Пяст», левые людовские «Вызволене» и Стронничество хлопске (СХ), а также Польская социалистическая партия (ППС). Шесть последних партий объединились в коалицию Центролев, вступившую летом 1930 года в жёсткую конфронтацию с правящим лагерем, лично Пилсудским и его диктатурой. Инициировав досрочный роспуск парламента и назначив новые выборы на 16 и 23 ноября 1930 года, Пилсудский стремился устранить преобладание оппозиционных партий в парламенте, тем

самым установив контроль над законодательной властью. Главным соперником правящего лагеря на выборах стал Центролев, в начале выборов преобразованный в предвыборный блок в составе пяти партий (кроме ПСХД).

Каждый зарегистрированный список кандидатов различных сил получал единый номер на выборах в Сейм и Сенат, в частности: ББВР – № 1, пилсудчиковская ППС бывшая Революционная фракция (ППСДФР) – № 2, эндеция, основой которого было СН, – № 4, Центролев – № 7, сионисты – № 17, еврейский экономический блок – № 18, Католический народный блок, главной силой которого была ПСХД, – № 19, коммунисты – № 22. Нередко при обозначении партий в ходе выборов использовался присвоенный ей в списке номер.

Ход выборов широко освещался неофициальным центральным органом ББВР «Газетой польской», из которой можно выявить отношение правящего лагеря к парламентским выборам через специфику подачи материала, нюансы политической борьбы и трактовку их результатов. Представляет интерес и описания эмоционального вовлечения граждан в процесс голосования. В статье были использованы сообщения газеты с 17 ноября – со следующего дня по-

сле выборов в Сейм – и до конца ноября. Основными типами сообщений «Газеты польской» были официальная информация властей и избирательных институтов, статистические данные о результатах выборов, репортажи с улиц и избирательных участков Варшавы, сообщения корреспондентов из провинции.

Репортёры и корреспонденты газеты описали атмосферу в день выборов в Сейм 16 ноября в Варшаве и провинции. Отмечалась спокойная обстановка, указывалось на специфику отношения отдельных групп населения к выборам. В центре внимания материалов газеты выборов была Варшава. В рабочих районах уже с утра «многочисленные хороводы прохожих спешили в направлении избирательных участков. В целом люди шли голосовать целыми семьями. Празднично одетые рабочие и их жёны, с детьми на руках шли, разговаривая на тему дня. Удивлял довольно значительный процент женщин, участвующих в голосовании». Еврейский район «уже с раннего утра полон толпами. В тесных грязных улочках господствует не встречающееся в центре оживление. ... На углах улиц создаются малые группки, живо жестикулирующие...». В то же время центр города «пробуждается поздно, и лишь около одиннадцати прибывают большие группы избирателей. Создаются большие «хвосты», которые нередко насчитывают двести и более человек. Полиция следит за порядком».

По закону агитация в день выборов была запрещена рядом с местами волеизъявления, поэтому в Варшаве дворники «срывают все агитационные плакаты, развешанные вблизи избирательных участков». Репортёры газеты описывали формы агитации в день выборов: устная с помощью агитаторов, разбрасывание или раздача листовок и номерков, обозначающих партии, а также использование в агитационных целях транспортных средств. Основное внимание в репортаже из Варшавы уделялось агитации проправительственного лагеря и её успехам: «Всё чаще встречаются спонтанные, стихийные уличные манифестации.

Публика приветствует агитационные автомобили списка № 1 возгласами энтузиазма». Во всех рабочих районах «на стенах, улице, в воздухе раздаётся лозунг: «Единица! Да здравствует Маршал Юзеф Пилсудский!». Этот лозунг раздаётся из грузовиков, заполненных рабочей молодёжью. Также двойка... довольно многочисленно представлена». В Старом городе перед фасадом кафедрального собора «на входящие и выходящие из костёла толпы охотятся агитаторы разных направлений, раздавая номера своих списков. Самый большой спрос, однако, имеет единица». С умилением репортёр рассказывал, что в агитационной кампании бескорыстно и живо участвовали дети: они «мчатся за автомобилями и хватают листовки, чтобы потом раздавать прохожим. При этом они ориентируются хорошо, часто лучше старших, в значении номеров избирательных списков. «Я раздаю единицы, палочки Дедушки [Пилсудского – И. К.]», – приводились слова одного из детей.

Агитация иных политических сил в Варшаве освещалась по-другому: «Оппозиция притаилась; лишь в сумерках появляется несколько автомобилей с распространителями, которые разбрасывают агитационные листовки и номерки. Их возгласы, однако, попадают в пустоту. Публика безразлично минует эндецкие машины, не реагируя на призывы. ... В окрестностях церковных приделов кое-где встречаются распространители четвёрки. Семёрка очень несмело и очень немногочисленно предпринимает усилия кокетничать с прохожими». Из Познаньского и Поморского воеводств сообщалось «о сильной кампании клера за список 4. В нескольких десятках костёлов призывали голосовать за этот список с амвона, а после богослужения – перед костёлами». В правобережной части Варшавы Праге репортёр отметил: «Центро-левый агитатор, чтобы объединить с собой прохожих и вообще «на всякий случай» (настрой враждебный!) держал в руке листочек с единицей. Привлекая единицей, агитатор в последний момент с невероятной ловкостью лез в карман, из которого вытаскивал

смятый листик и по-тихому совал его прохожему. Листик был обозначен цифрой 7». Упоминается газетой коммунистическая агитация в Варшаве: «В закоулках появляются пугливые, закон-спирированные раздатчики номера 22. Эти, однако, часто подвергают себя неприятностям в виде немедленной реакции со стороны прохожих» или «Через улицу Лешно на сумасшедшей скорости промчался украшенный плакатами с н[оме]ром 22 мотоцикл с прицепом. Это коммунисты». В еврейском же районе Варшавы борются «между собой четыре еврейских списка... На углах улиц создаются малые группки, живо жестикулирующие... Среди различных призывов слышны декламации хором: «Алле ойф зибциг! Алле ойф ахциг!» («Все на 17-й, все на 18-й»).

«Газета польска» настойчиво подчёркивала, что наиболее благосклонно избиратели Варшавы воспринимали агитацию ББВР: «В целом город можно разделить на зоны меньшего или большего влияния разных политических направлений. Исключение составляет лишь единица, влияние и интенсивность пропаганды которой были равномерны во всех районах и в предместьях». В центральной части Варшавы в очередях перед участками «господствует «конспиративное» молчание. Каждый избиратель и избирательница зажимают свой номерок глубоко в кармане, и недоверчивым взглядом проникает в соседа: враг или друг?». Но атмосфера в центре Варшавы определялась другими настроениями, там звучали здравицы в честь Пилсудского: «На Краковском Предместье перед Университетом возгласы: «Да здравствует Вождь Нации, да здравствует Маршал!». Это проводит манифестации студенческая молодёжь. Среди публики раздаются возгласы в адрес студентов: «Браво, браво, молодёжь!». Всё чаще встречаются спонтанные, стихийные уличные манифестации. Публика приветствует агитационные автомобили списка № 1 возгласами энтузиазма». В правобережной части Варшавы, совсем незлитарной Праге также не отмечались симпатии к оппозиции: там, на перекрёстке, три человека

«стояли беспомощно, держа в руках пачки четвёрок. Стояли, наверное, для фасона и поддержания национальной чести пражан. Четвёрками своими даже не спешили, однако, потчевать прохожих, не желая, наверное, разделить судьбу своих коллег слева, коммунистов, несколько которых за один возглас «Да здравствует 22» были прохожими сильно помяты».

Эта картина дополнялась подслушанными диалогами на варшавских улицах. В центре города какой-то пожилой пан сообщал прибывшей к избирательному участку знакомой: «Мы, прошу вас, единичники». Дворник у каменного дома в окрестностях политехнического института говорил: «...то, что хочет единица, все мы можем согласиться». На Праге ответ на заявление о больших деньгах, потраченных на изготовление агитационных листовок с единицами, разбрасываемых из проезжавшего грузовика, следует ответ: «Лучше выдать гроши на листки с единицей, чем тысячи в карман сеймовой партийности».

Сторонники же оппозиции в репортажах принижались и высмеивались. В подваршавском Гродзиске-Мазовецком описывалась сценка: «В грязи топчется полная некто. Сжимает в руке тайно номерок и спрашивает: «Здесь ли голосуют за семерку?». И на это отзываются многочисленные голоса из очереди: «За семерку позже, в конце, сейчас все за единицу». Эта пани крутит головой с недоверием. «Видите ли, пани, что тут люди за единицу, где там ещё семерка. Ха-ха-ха. У пани есть куча времени, лучше пойти сейчас домой на чай, поскольку пани замёрзнет, а и поспать не помешает, это время быстрее пролетит...». И в воздухе мелькают листочки с единицей».

Ход выборов в сообщениях корреспондентов был представлен как в Варшаве, так и в провинции. В самой столице на некоторых участках были выявлены недостатки в организации выборов. Например, «в одном здании размещались сразу три избирательных участка, ко входу в которые вела только одна дверь. Дезориентированная публика не знала, в которой очереди должна стоять.

Отсюда трагикомические ситуации, как, например, после часового ожидания в очереди оказывалось, что это была не та, что нужна, и неосторожный гражданин должен ещё посвятить не менее часа времени, чтобы добраться уже до соответствующей урны». «Без очереди впускались на избирательные участки старики, слепые, инвалиды и больные», если называющий себя больным имел справку от врача, тогда полицейский пускал его без очереди, в противном случае – разворот и марш в конец очереди.

Из провинции корреспонденты «Газеты польской» сообщали о спокойном ходе выборов при достаточно высокой явке избирателей. В Познани «движение на улицах с самого утра очень оживлённое. Улицы засыпаны листовками. ... Среди населения господствует значительно более сильное возбуждение избирательной кампанией...». А в Гродно выборы прошли «в атмосфере спокойствия, сосредоточенности и достоинства. ... Нигде на проезжей части и тротуарах улиц не видно разбросанных листовок, воззваний и номерков». Из Катовиц сообщалось, что чиновники «голосовали группами открыто», а в отдельных повятах Новогрудского воеводства «голосующие прибыли демонстрацией и голосовали открыто за список № 1», в одной же местности этого воеводства «голосующие прибыли на выборы демонстрацией с оркестром и голосовали открыто за список № 1». В Быгдоши «сторонники списка № 1 привозили к избирательным урнам даже тяжелобольных».

«Органы безопасности столицы, – утверждала газета, – во время выборов продемонстрировали далеко идущую чёткость, где только возникали драки и мелкие стычки, немедленно полиция восстанавливала спокойствие, так что количество случаев в течение дня не превышало нормы в другие дни, и даже можно сказать, что была значительно ниже». Тем не менее, эксцессов избежать не удалось. В Познани, например, группа «сагитированных подростков вызвала скандал» на улицах города и лишь благодаря усилиям полиции, арестовавшей более 30 человек, до более серьёзных событий не

дошло, «несмотря на явные провокации». В Виленском воеводстве в помещение участковой комиссии «был произведён с далёкого расстояния неизвестным выстрел из двустволки», в результате чего в окнах «выбиты два стекла», под Катовицами «неизвестные бросили петарду в дом кс[ёндза] Брандыса, одного из лидеров силезской Христ[ианской] Демократии».

Как правило, газета помещала информацию о противоправных действиях именно оппозиции. В Львовском воеводстве были арестованы «за ведение агитации на избирательном участке 7 человек, в частности, кандидат в депутаты из списка № 7 Владислав Тарнавский, который силой вырывал у голосующих бюллетени, всовывая им бюллетени с 7». Кроме того, в Варшаве на улицах, где проживало еврейское население, «возникали в течение дня драки между сторонниками списков 17 и 18». Имелись в газете сообщения о насилии сторонников оппозиции против представителей проправительственного лагеря. В Варшаве до серьёзных столкновений дошло дело в еврейском районе между сторонниками ППСдФР и коммунистами, причём в одном случае «была развязана стрельба, во время которой четыре человека пострадали». В Лодзи в течение ночи «боевая группа ППС напала на членов ББВР», в результате чего было ранено восемь человек, а в предместье Лодзи вспыхнула стрельба между сторонниками поправительственной НПР-левицы и ППС, «в результате 1 человек убит и 19 человек ранены». В ночь перед выборами в Бялой «дошло до ссоры между сторонниками списков Центролева и списка № 1», во время которой был ранен сторонник проправительственного списка, а затем «нападавшие из Центролева произвели несколько выстрелов из револьвера в направлении сторонников ББВР».

Часть сообщений «Газеты польской» была посвящена противоправной деятельности коммунистов в день выборов. Из Седльце сообщалось, что «коммунисты предприняли усилия вызвать скандал», и было задержано 11 человек. Коммунисти-

ческие агитаторы в Виленском воеводстве «предприняли усилия перенести годовщину октябрьской революции на день выборов в Сейм, и устроить демонстративное выступление, однако им это не удалось», только «в самом Вильно на периферии города разбросаны коммунистические листовки». В Катовице в день выборов «власти конфисковали на территории Катовицкого повята около 100 кг агитационных предвыборных коммунистических воззваний, переправленных контрабандой из Германии».

В день выборов имели место несчастные случаи, связанные с ними. В Варшаве в этот день ««скорую» вызывали почти в 60 случаях», в том числе, когда «агитационный автомобиль переехал в Жолибоже мальчика, фамилия которого неизвестна». Трагический случай произошёл в Познани: когда доверенное лицо списка № 1 на выборах Л. Щублевский исполнял обязанности, «его жена пошла голосовать, оставив без присмотра 5-летнего сына, который забрался на окно и упал на улицу, умерев на месте»; проинформированный об этом отец «выдержал на позиции вплоть до прибытия его заместителя и лишь тогда отправился в больницу, куда были перевезены останки его ребёнка» [1].

Меньше внимания, по сравнению с выборами в Сейм, уделила «Газета польска» выборам в Сенат 23 ноября, в которых могли участвовать граждане, достигшие 30 лет. Характеристика этих выборов выглядела следующим образом: «Вчерашние выборы в Сенат во всей стране прошли совершенно спокойно. Нигде не нарушен общественный порядок. Интерес к выборам был намного меньший, чем в прошлую неделю. Явка голосовавших также была меньшей. Главная причина этого – непогода – сильный дождь и буря. Вследствие плохого состояния дорог у сельского населения были затруднения в голосовании. ... Кроме мелких инцидентов, которые немедленно ликвидировались, везде господствовал примерный порядок».

Публиковался также не слишком серьёзный репортаж о посещении избирательных участков на сенатских выборах

в Варшаве. На вопрос о причинах невысокой явки избирателей председатель одной из комиссий пояснил, что «повинны в этом выборы в Сейм, когда с утра при бюро создавались бесконечные «хвосты». Из-за этого сегодня все отложили голосование на после полудня. Разница та, что «хвосты» будут именно после полудня». На вопрос об участии в выборах женщин был получен ответ: «Да, голосуют, но исключительно почти такие, в отношении которых ни у кого не может быть сомнений, что им уже давно исполнилось 30 лет. Те, кто по собственным убеждениям могут ещё скрыть тридцатилетие, почти не обращаются...». Сторонники и противники санации представлялись по-разному: «Единичники голосуют весело, с размахом, с удовольствием, что достойно исполнили свою гражданскую обязанность, а те отдают голоса с такой миной, с какой злобный человек разыгрывает перед кем-то обидную шутку. Это, вероятно, не Единичники, это совершенно другой сорт избирателей». «Тогда чувствовалась борьба, сейчас острота её сократилась до минимума», – сравнивала газета выборы в Сейм и Сенат. Об агитации в день выборов репортёр упомянул лишь однажды: «По дороге минуя грузовик нагруженный, а скорее перегруженный агитаторами меньшинства [еврейского – И. К.], выкрикивающих что-то на жаргоне в честь номера семнадцать» [4].

На следующий день после выборов в Сейм, 17 ноября, газета сообщила предварительные результаты в части избирательных участков в Варшаве и провинции. В столице первыми в окружную избирательную комиссию поступили в 22.10 результаты из участковой комиссии № 272, а через два часа начали массово поступать подсчёты из других участков. Окружная комиссия начала работу в 0.15 17 ноября, и первые официальные подсчёты были сделаны около 2 часов ночи. Эти данные голосования по отдельным участкам в Варшаве так же, как и предварительные данные из части округов в провинции, которые начали поступать после 1.00 17 ноября, позволили «Газете польской» сделать вывод:

«Из имеющихся к настоящему времени итогов голосования во всей стране очевидна великая победа списка ББВР, во главе которой стоит Маршал Пилсудский. Результаты голосования уже в этот момент позволяют предвидеть, что Беспартийный Блок увеличит своё присутствие в новом Сейме очень значительно. Во многих округах, где ранее список № 1 не получил ни одного мандата, ныне одержана полная победа над оппозицией. Идея Маршала, которая руководила нынешней предвыборной кампанией, сокрушила противников. Эндецкий список потерпел полное поражение, центролев идёт его следами» [1].

«Полная победа списка Маршала Пилсудского. Полная катастрофа оппозиции» – под таким заголовком «Газета польска» сообщила о предварительном распределении мандатов в новом Сейме: ББВР должен иметь 248 депутатов, СН – 62, ППС – 24, СХ – 18, Пяст и Вызволене – по 15, ПСХД – 14, НПР – 8, коммунисты – 5 и т. д. «Пять партий Центролева будут располагать в новом Сейме всего 80 мандатами», – с удовлетворением подытоживала газета. Приводился список избранных депутатов ББВР и Центролева. Относительно кандидатов последнего подчёркивалось, что в новый Сейм «не войдут очень много лидеров оппозиции, которые как кандидаты в округах или из государственного списка проиграли выборы». Назывались имена наиболее известных непрошедших в Сейм деятелей оппозиции. Помещалась также сравнительная таблица о мандатах, полученных главными списками на выборах 1928 и 1930 годов. Сообщалось также, что итоги выборов в Сейм были представлены Пилсудскому [2]. Публиковались официальные извещения об избранных кандидатах в Варшаве [3] и о распределении мандатов в Сейме [6].

«Полная победа. Триумф списка Маршала Пилсудского во всей Польше» – под таким заголовком сообщались газетой предварительные итоги выборов в Сенат с предположительным распределением мандатов. Как особо примечательный успех приводились результаты выборов в двух гминах Краковского воеводства, где ББВР получил 100 % голосов [4]. На следующий день «Газета польска» опубликовала предварительные итоги выборов в Сенат, согласно которым ББВР получил 76 мандатов, СН – 12, Центролев – 14, ПСХД – 2 и т. д. В информации о распределении мандатов партий Центролева в Сенате сообщалось о потерях этих партий по сравнению с предыдущими выборами: от ППС было избрано 5 сенаторов (вместо 10), от Вызволене – 5 (вместо 7), Пяст – 2 (вместо 3), НПР – 2 (вместо 3), а от СХ никто из кандидатов не прошёл (вместо 3). Публиковалось официальное извещение об итогах выборов в Сенат в Варшаве, а также список выбранных сенаторов в воеводских округах и сравнительная таблица полученных на выборах 1928 и 1930 гг. в Сенат мандатов [5]. После окончательного подсчёта голосов ББВР получил ещё один мандат в Варшаве, увеличив число своих мандатов до 77 [6].

Тем самым, ход выборов 1930 года изображался «Газетой польской» в целом как спокойный, несмотря на некоторые эксцессы, подчёркивались симпатии населения к санации и незначительность влияния оппозиции, осуждались её действия, выходящие за рамки права. Получение санацией большинства мандатов в парламенте позволило газете утверждать о победе лагеря Маршала Пилсудского. По официальным данным санация получила 46,7 % действительных голосов в выборах в Сейм и 54,6 % – в Сенат (подсчитано по [7]).

Литература

1. *Gazeta Polska*. 1930. 17 ноября.
2. *Gazeta Polska*. 1930. 18 ноября.
3. *Gazeta Polska*. 1930. 20 ноября.
4. *Gazeta Polska*. 1930. 24 ноября.
5. *Gazeta Polska*. 1930. 25 ноября.
6. *Gazeta Polska*. 1930. 29 ноября.
7. *Mały Rocznik Statystyczny*. 1931. Warszawa, 1931.

УДК 94 (391)

А. И. Кукоба

ПРАЗДНИК ДЕЛИИ НА ДЕЛОСЕ (V–IV ВВ. ДО Н. Э.)

Статья посвящена Делиям – одному из афинских праздников на Делосе. Анализируются политический и религиозный контексты его возникновения и бытования. Значительное внимание уделяется роли праздника в формировании и утверждении

гегемонии Афин в Эгейде в V–IV вв. до н. э., а также способам осуществления и поддержания установленной гегемонии.

Ключевые слова: Афины, Делос, амфикистия, Делии, амфикистии, святилище Аполлона, ионийцы.

L. I. Kukoba

THE FESTIVAL OF DELIA IN DELOS (V–IV B. C.)

The article is devoted to Delia, one of the Athenian festivals in Delos. The author analyses political and religious context of its origins and ways of celebration. Special emphasis is made on the role of this festival in formation and strengthening of Athenian he-

gemony in Aegean in V – IV B. C. The methods of implementation and maintenance of this hegemony are considered.

Key words: Athens, Delos, amphictyony, Delia, amphictyons, sanctuary of Apollo, Ionians.

В развитии античного Делоса важную роль играли его отношения с Афинами, которым удалось закрепиться на острове после создания Делосской симмахии и учреждения в храме Аполлона союзнической казны. Это событие обусловило возникновение делосско-аттической амфикистии, ведущая роль в которой отводилась Афинам. После перенесения казны из Делоса в Афины остров на некоторое время потерял свое значение для союза. Но Афины не желали упускать возможность в дальнейшем подчинении святилища своему контролю, который осуществлялся с помощью специальных магистратов – амфикистиев (*ἀμφικτίονες*). Они контролировали все доходы и расходы храма, издавали денежные ссуды отдельным лицам и целым городам из казны храма, а также предоставляли в аренду землю и недвижимое имущество бога Аполлона. Кроме того, амфикистии вели учёт храмовых должников.

Помимо учреждения коллегии амфикистиев на Делосе, афиняне провели несколько мероприятий, что должно было способствовать их дальнейшему закреплению

на острове, среди них учреждение Делий (*Δηλία*) – нового праздника в честь бога Аполлона. Основание этого праздника стало еще одним шагом афинян к подчинению своему влиянию острова и Киклад в целом. Таким образом, цель этой статьи – исследование самого праздника Делий и его значения для афинян и самих делосцев. Для достижения поставленной цели будут рассмотрены предпосылки и процесс основания праздника, воссозданы в общих чертах подготовка Делий и само их проведение; и, наконец, определено место этого праздника в политике Афин.

Основной тенденцией в историографии проблемы стало трактование праздника Делии либо в контексте исследования общей истории Делоса (В. Шеффер [14, 15], У. Лейдлоу [13]), либо как одного из аспектов делосско-аттической амфикистии (Т. Омольт [11], В. Фергюсон [9], Л. Вибли [16], В. Чанковски [7]). Местным праздникам на острове, в том числе и Делиям, была посвящена статья И. Арнольд [5]. Не обошел своим вниманием этот праздник и Ф. Брюно [6] в фундаментальном исследо-

вании культов Делоса; следует заметить, однако, что основное внимание в этом труде уделяется Делиям эллинистического периода.

Предпосылки утверждения Афин на острове нужно искать гораздо раньше. Первый шаг к подчинению делосского святилища Афинам сделал тиран Писистрат в 540 г. до н. э., производя очищение острова (Hdt. I. 64). Для этого у него имелись определенные основания исторического характера. Так, согласно античной традиции (Hom. Hymn to Delian Apollo. II, 146–161; Thuc. III. 104; Strab. X. V. 2), на Делосе еще с архаических времен проводились собрания ионийцев; ионийцы же основали на Делосе и праздник в честь Аполлона. Кроме того, Писистрат происходил из пилосского рода Нелеидов, возглавившего переселение ионийцев в Ионию. Все эти основания – как и хорошие отношения с храмом бога Аполлона на Делосе – способствовали распространению верховенства Афин в Эгейде, особенно в среде ионийских полисов [12, 13]. Отметим также, что в исторической науке существует и мнение, согласно которому Писистрат искал покровительства Аполлона Делосского из политических резонов, потому что «у него были довольно напряженные отношения с Дельфийским святилищем, которое, по-видимому, уже тогда благоволило Алкмеонидам» [1, р. 78]. Но все же, какими бы соображениями ни руководствовался Писистрат, его деятельность в Эгейде – и особенно очищение Делоса – указывает на то направление, в котором Афинам суждено было двигаться в V в. до н. э. [2, с. 505].

Имелись исторические предпосылки к созданию делосско-аттической амфикитии. Некое объединение островов вокруг святилища бога Аполлона сложилось еще во времена архаики. Страбон (Strab. X. V. 3) сообщает, что в это объединение входило 12 кикладских островов: Кеос, Кифнос, Серифос, Мелос, Сифнос, Кимолос, Парос, Наксос, Сирос, Миконос, Тенос и Андрос. Выше уже отмечалось, что античная традиция (Hom. Hymn to Delian Apollo. II, 146–161; Thuc. III. 104; Strab. X. V. 2) сообщает

о проводимых на Делосе собраниях ионийцев и жителей соседних островов. Страбон же (Strab. X. V. 2) наполняет эти сообщения религиозным содержанием. У него мы узнаем, что кикладские острова отправляли на остров посольства, которые должны были устраивать жертвоприношения, организовывать хоры девушек, всенародные празднования и т. п.

Следовательно, Делос уже в период архаики был влиятельным религиозным центром ионийцев, и не исключено, что имела место некая договоренность между соседними островами о защите делосского святилища, об амфикитии. Так, Л. Вибли [16, р. 395] утверждает, что термин *Ἀμφικτιόνος* унаследован делосско-аттической амфикицией от более ранних времен. К. Константакопулу, в свою очередь, предполагает, что «используя термин «амфикиионы», афинские должностные лица присвоили себе роль представителей всех участников, которые создали в предыдущий период религиозную сеть вокруг Делоса, и теперь стали официальными союзниками Афин. Афины, как самостоятельное государство, хотели привлечь сеть участников к культу, демонстрируя при этом свою власть над престижным религиозным центром» [8, р. 70]. В противовес этой точки зрения, В. Чанковски [7, р. 20–28] утверждает, что не было никакой архаической амфикитии на Делосе. Исследовательница согласна, что Делос был важным религиозным центром в архаический период, но никаких официальных институций, как позже в Дельфийской амфикитии, не существовало. Она предлагает рассматривать образование новой амфикитии и учреждение должности амфикионов как желание Афин наследовать практику Дельфийской амфикитии. Из этого следует, что организация делосско-аттической амфикитии – это новшество Афин, которое никак не основывалось на более ранней амфикитии в Эгейде.

С нашей же точки зрения необходимо учитывать в первую очередь тот факт, что афиняне позиционировали себя как предводители ионян. Как уже отмечалось, со

времен Писистрата проводилась широкая ионийская пропаганда, целью которой было представить Афины как метрополию всей Ионии [8, р. 64]. Особенно подчеркивались длительные отношения между Афинами, с одной стороны, и Делосом вместе с Кикладами, с другой, а само упоминание об амфикистии уже соотносилось с этой целью.

Итак, можно сделать вывод, что начало морской политики Писистрата, основание Делосской симмахии и новой делосско-аттической амфикистии, учреждение коллегии амфикистиев – все это создало необходимые предпосылки для основания Делий. Кроме того, афиняне, как и жители других островов, отправляли каждый год теории (θεωροί) на священном корабле (Plato. Phaed. 58 a. 10, с. 9) для чествования Аполлона в благодарность за возвращение Тесея с Крита.

Продолжая политику Писистрата, афиняне в 426/5 гг. до н. э. осуществили второе очищение острова. Фукидид (Thuc. III. 104. 2) сообщает, что после этого очищения афиняне впервые стали проводить каждые четыре года Делосские игры, на которые приезжали смотреть ионийцы и жители соседних островов (вместе с женами и детьми – отмечает Фукидид). Здесь происходили мусические и гимнастические состязания и устраивались полисами хороводные пляски с пением. Дальше Фукидид там же объясняет, что состязания эти существовали еще с гомеровских времен, но вышли из употребления из-за покорения Ионии персами. Афиняне же снова ввели четырехгодичные состязания вместе с конными ристаниями, которых прежде не было.

Первый праздник проводился в 425 г. до н. э. и, вероятно, был поводом для великолепной теории Никия [16, р. 396], которую описал Плутарх (Plut. Nic. 3.4.1–3.6.2). В Афинах ἀρχιθεωρία была литургией богатых граждан [3, с. 297]. Для лучшего представления о празднике приведем его описание у Плутарха: «Повествуют, что поступки его [Никия] на Делосе равно блистательны и богам приличны. Посылаемые на остров из разных городов хоры для пения в честь

Аполлона приставали к берегу безо всякого порядка; народ встречал их у корабля и заставлял их начинать пение; хоры в одно и то же время спешили выйти из кораблей без всякого порядка, украшали себя венками, облекали в приличные одежды. Когда же Никию надлежало вести на Делос священное посольство, то он высадив как хор, так и жертвы с утварью на Ренею, а ночью навел мост, сделанный им в Афинах по размеру, украшенный позолотой, разными цветами, венками и коврами, и соединил им Ренею с Делосом. Пространство, отделяющее два острова, невелико. С наступлением дня он сам торжественно привез на Делос через мост хор, великолепно убранный и поющий песни. По окончании жертв, игр и пиршества он поставил в храм медную пальму как приношение богу, которому посвятил и место, купленное им за десять тысяч драхм. Из получаемых от него доходов делосцы должны были приносить жертвы Аполлону, учреждать пиршества и молить богов об излиянии на Никию всех благ» (Plut. Nic. 3.4.1–3.6.2). Как видим, Делии сопровождалась выступлениями хоров, приношением жертв, пиршеством, играми. Обязательным было приношение Аполлону золотой короны [10, р. 125].

Надписи «Сендвичского Мрамора», датированные 377–374 гг. до н. э. (IG II² 1635), содержат полную запись отчетов афинской администрации на Делосе в IV в. до н. э. В них находим расходы на празднества 374 г. до н. э., в число которых включалось: приношение венка богу и оплата мастеру за него (στέφανος ἀριστεῖον τῷ θεῷ, καὶ τῷ ἐργασμένῳ μισθός); треножники как призы для хоров, оплата мастерам (τρίποδες νικητήρια τοῖς χοροῖς, καὶ τῷ ἐργασμένῳ μισθός); оплата предводителям теории; доставка участников теории и хоров (ἀρχεθεωροῖς εἰς κομιδὴν τῶν θεωρῶν καὶ τῶν χορῶν); быки для праздника и цена на них; золотой листок на рога быков и оплата позолотчику (πέταλ[α χρυσοῦ] καὶ χρυσωτέϊ μισθός); предварительные жертвоприношения (τὰ προθύματα). Также упоминается перевозка треножников и быков, 2 % экспортной по-

шлины и корм для быков, дерево для моста. Эти отчеты показывают, что праздник на самом острове готовили именно афинские магистраты – амфикионы, а не делосцы. Кроме этого, афиняне проводили этот праздник в месяце Таргелионе [7, р. 114]. Делосцы же праздник Аполлона отмечали в месяце Гиероне, когда, согласно легендам, и родился их бог-покровитель.

Как утверждает Л. Вибли: «Фестиваль был смоделирован с больших пан-элинских праздников и, несомненно, был открыт для государств Эгеиды и, возможно, для всех греков» [16, р. 396]. В. Чанковски [7, р. 189] называет Делии вторыми Панафинейми. Афинянам было важно, чтобы жители других полисов признавали их религиозными предводителями на Кикладах и в Эгеиде в целом. Делии же должны были играть в этом первостепенную роль.

С точки же зрения С. Хорнблоуэра, активность Афин на Делосе в это время можно объяснить еще и тем, что они «стремились восстановить своего рода делийский ионизм в то время, когда Олимпия с её сильной дорийской ассоциацией, проводя свои собрания, выражала неприязнь к Афинам. А Дельфы, как еще один центр культа Аполлона, имели вначале Пелопоннесской войны проспартанские симпатии» [12,

р. 521]. Проафинский праздник Делии, таким образом, должен был объединить как ионийские, так и другие острова вокруг Делоса, Аполлона и их афинских покровителей. Важно отметить, что в надписях Делоса периода «независимости» нет упоминания о празднике Делии: встречаются упоминания только о делосских Аполлониях, которые праздновались каждый год. Делии появляются снова только со времен возвращения Делоса Афинам в 167/6 гг. до н. э. и поселения на острове афинских клерухов, но это уже другие Делии, которые следует исследовать в дальнейшем.

Таким образом, Делии представляется возможным рассматривать как элемент афинской политики, целью которой служило религиозное, идеологическое обоснование своего владычества в Эгеиде. Сохраняя первенство в аттическо-делосской амфикионии, контролируя с помощью амфикионов многих финансовых должников храма Аполлона, Афины утвердили себя и в роли религиозных предводителей как ионийских, так и других островов Эгеиды. Осуществлению этих целей способствовало учреждение праздника Делий, которые исчезают после освобождения острова от афинского влияния в 314 г. до н. э., чтобы возродиться вновь уже в римско-эллинистическую эпоху.

Литература

1. Берве Г. *Тираны Греции*; пер. с нем. Рывкиной О. Е. Ростов-н/Д: Феникс, 1997.
2. *Кембриджская история древнего мира. Т. 3. Часть 3. Расширение греческого мира VIII–VI века до н. э.* / под ред. Дж. Бордмена и И. Дж. Хеммонда; пер. с англ. Л. В. Зайкова. М.: Ладомир, 2007.
3. Латышев В. В. *Очерк греческих древностей. Государственные и военные древности*. СПб.: Алетейя, 1997.
4. Лопухова О. Б. Священный остров древних греков // *Вопросы истории*. 1988. № 1.
5. Arnold I. R. *Local festivals at Delos* // *The Journal of Hellenic studies*. 1880. Vol. 1.
6. Bruneau P. *Recherches sur les cultes de Délos à l'époque hellénistique et à l'époque imperial*. Paris: E. de Boccard, 1970.
7. Chankowski V. *Athènes et Délos à l'époque classique. Recherches sur l'administration du sanctuaire d'Apollon délien*. Athens: École française d'Athènes, 2008.
8. Constantakopoulou C. *The Dance of the Islands: Insularity, Networks, the Athenian Empire, and the Aegean World*. Oxford/New York: Oxford University Press, 2007.
9. Ferguson W. S. *The Delian amphictyony* // *The Classical review*. 1901. № 15 (01).
10. Freely J. *The Cyclades: discovering the Greek islands of the Aegean*. London; New York, I. B. Tauris, 2006.
11. Homolle T. *Documents nouveaux sur l'amphictyonie attico-délienne* // *Bulletine de correspondance hellénique*. Vol. 8. 1884.

12. Hornblower S. A. *A commentary on Thucydides*. Oxford: Clarendon Press, 1991.
13. Laidlaw W. A. *A history of Delos*. Oxford: Blackwell, 1933.
14. Schoeffer V. de. *Die Deli Insulae Rebus*. Berlin: Verlag von S. Calvary & Co., 1889.
15. Schoeffer V. de Delos // *Paulys. Real-Encyclopedie der classischen Alter-tumswissenschaft. Neue Bearbeitung. Unter Mitwirkung Zahlreicher Fachgenossen. Herausgegeben von Georg Wissowa. Vierter Band: Corniscae – Demodoros*. Stuttgart, 1901.
16. Whibley L. *Amphictyony* // *Encyclopedia of religion and ethics*. Vol. 1. Part 2: *Algonquins*. Art. J. Hastings, 2001.

УДК 94(430).085:323.2

И. В. Лохова

ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧИХ В ГЕРМАНИИ В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ. И ОТНОШЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ СТРАНЫ К РЕШЕНИЮ РАБОЧЕГО ВОПРОСА

В статье отмечается, что индустриальное развитие Германии приводит к росту численности рабочего класса в стране и ухудшению условий жизни рабочих. Германская политическая элита, обеспокоенная

данним фактом, вырабатывает различные модели решения рабочего вопроса.

Ключевые слова: рабочий класс, промышленность, социальное страхование, Германия, заработная плата.

I. V. Lokhova

THE CONDITIONS OF WORKERS IN GERMANY IN THE LATE XIX – EARLY XX CENTURIES AND THE ATTITUDE OF THE COUNTRY'S POLITICAL ELITE TOWARDS WORKERS' QUESTION

The author points out that industrial development in Germany led to an increase in numbers of working class and brought about worsening of workers' living conditions. Germany's political elite, which was worried by

that fact, worked out various models of handling workers' question.

Key words: working class, industry, social insurance, Germany, wages.

Новая волна индустриализации в последней трети XIX в. полностью меняет экономический и социальный облик Германии, в том числе структуру общества. К 1900 г. 39 % самодеятельного населения Германии было занято в промышленности, почти сравнявшись с данным показателем в сельском хозяйстве (40 %). Для сравнения во Франции доля занятых в промышленности достигла 30 %, а в Великобритании 51 % [27]. В промышленных регионах Германии процент сельского населения был еще ниже. В Саксонии в 1895 г. в селе проживало всего около 17 % населения региона [14, с. 80].

Следовательно, бурное развитие промышленности в стране вело к увеличению численности рабочего класса в Германии.

С 1882 по 1895 гг. численность рабочих возросло с 10,7 млн чел. до 12,8 млн чел., в том числе занятых в промышленности и ремесле с 4,1 млн чел. до 6 млн чел. [3, с. 20]. В 1907 г. численность рабочих достигла 17,8 млн чел., в том числе 8,6 млн чел., занятых в промышленности. В отдельных секторах промышленного производства рост численности рабочих достиг впечатляющих масштабов. С 1882 по 1907 гг. численность рабочих, занятых в горнодобывающей промышленности, выросла с 441 тыс. чел. до 963 тыс. чел., в машиностроении с 285 тыс. чел. до 907 тыс. чел., в химической промышленности с 58 тыс. чел. до 159 тыс. чел., в металлообработке с 529 тыс. чел. до 1186 тыс. чел. [16, с. 45]. Важной

чертой промышленного развития Германии рубежа XIX – начала XX вв. становится концентрация значительного числа рабочих в рамках одной фирмы/предприятия. На предприятиях Ф. Круппа в конце XIX в. трудилось более 64 тыс. чел., на предприятиях Сименс и Гальске – около 42,9 тыс. чел., АЭГ – более 35,5 тыс. чел. и т. д.

Важным элементом индустриализации Германии в последней трети XIX в. являлся рост удельного количества женщин, занятых в промышленности: если в 1875 г. доля женщин в промышленном производстве достигла 16,3 %, то к 1907 г. данный показатель увеличился до 17,8 %. Наибольший процент женщин, занятых в промышленном производстве, достигал в текстильной промышленности и производстве одежды (50 % всех работающих в отрасли), производстве бумаги (32,6 %), пищевой промышленности (22,1 %) и химической промышленности (16,2 %) [15, с. 104–105]. В сфере услуг доля женщин к 1907 г. составила 38,1 %.

В то же время индустриализация в Германии не проходила равномерно. После пересечения Эльбы полностью менялся ландшафт страны. Если к западу от Эльбы росли промышленные предприятия, шахты, новые промышленные центры, то к востоку от реки начинались бесконечные сельскохозяйственные угодья, небольшие деревушки и имения юнкеров. Восточная Пруссия, Померания, Познань, часть Силезии попали в аграрный пояс страны, где доминировало юнкерское хозяйство. Перестройка хозяйства на товарный лад привела к разорению десятков тысяч крестьянских хозяйств. Этот процесс ускорил мировой аграрный кризис, механизацию производства и рост импорта в Германию дешевой аграрной продукции из России, США, Австро-Венгрии, Канады, Аргентины и других стран [9, с. 327]. В данных условиях в восточных районах Пруссии возникает переизбыток рабочих рук в сельском хозяйстве. В результате разорившиеся крестьяне покидали свои родные места и направлялись в города в поисках работы, тем самым обеспечивая германскую промышленность дешевой рабочей силой.

Даже в условиях экономического подъема во второй половине 90-х гг. уровень безработицы достигал 2,5–3,4 %.

Однако германская промышленность не была в состоянии поглотить высвободившиеся рабочие руки в селе. Выходом из сложившейся ситуации становится эмиграция немцев, прежде всего, в США. С 1866 по 1895 гг. из страны уехало около 2,9 млн чел. В то же время экономические успехи Германии вели к сокращению эмиграции из страны: если в 1881–1882 гг. ее покинуло около 400 тыс. чел., то в 1912 г. всего 18,5 тыс. чел. Более того, Германия становится привлекательной для сезонных и постоянных рабочих из других государств. В 1910 г. в Германии трудилось 1,2 млн иностранных рабочих, из них около 70 % приходилось на выходцев из России и Австро-Венгрии, часть из них шла работать в промышленность.

Рабочий класс Германии не был однороден по своему характеру. Он разделялся по региональному и отраслевому принципу, и нередко интересы разных отраслей и секторов не совпадали, а иногда и конкурировали. Рабочие делились в зависимости от доходов и социального статуса. Элитой считались высококвалифицированные рабочие. Они имели высокий уровень дохода и приличный уровень жизни, догоняя по этому показателю средний класс. Квалифицированный каменщик в 1907 г. в Берлине мог заработать 40 марок в неделю, а его помощник более 27 марок. Для сравнения оплата квартиры в столице Германии за год колебалась от 100 до 300 марок, обед в среднем – 2,5 марки, проезд поездом от Берлина до Потсдама – 1,5 марки [25, с. 308].

Затем следовали образованные рабочие. В 1907 г. численность данной категории рабочих составляла примерно 4,9 млн чел., их уровень доходов постоянно рос. Замыкали социальную лестницу рабочего класса трудящиеся, имевшие низкий уровень квалификации. В 1907 г. их численность достигла 3,5 млн чел. Эта была самая уязвимая часть пролетариата, имевшая низкий уровень доходов и соответственно низкий уро-

вень жизни. Разница уровня доходов между второй и третьей группой в зависимости от сектора промышленного производства составляла от 20 до 55 %. Самую мизерную заработную плату получали рабочие швейных фабрик – в размере 8,8 марок [25, s. 308]. При всей элитарности высококвалифицированных рабочих даже их положение было уязвимым. По достижении 40–45 лет им могли снизить заработную плату в связи с падением интенсивности труда, поскольку рабочий в 40–45 лет не мог уже на равных конкурировать в интенсивности труда со своими 20–30-летними коллегами.

Вся система организации труда на промышленном производстве основывалась на максимальном получении прибыли, в том числе с помощью эксплуатации труда рабочих. Рабочие в буквальном смысле слова трудились на износ. Избыток рабочей силы существенно удешевлял труд рабочих и делал их незащищенными, их можно было в любой момент уволить и нанять новых рабочих, готовых работать на любых условиях. Трудовое законодательство в Германии как таковое отсутствовало. Рабочий день превышал 12 часов в сутки, зачастую доходя до 18 часов [23, s. 217]. В случае гибели кормильца его семья бедствовала. Чтобы улучшить положение семьи, жены и дети рабочих вынуждены были трудиться, в том числе на тяжелом производстве [19, s. 156–157].

Рабочие активно включаются в процесс урбанизации страны, которая активно происходила в Германии. Если в 1800 г. городское население германских земель составило 10 %, то к 1910 г. данный показатель увеличивается до 49 % [15, p. 11]. В 1871 г. в городах, насчитывавших более 100 тыс. чел., проживало 4,8 % населения страны, в 1910 г. этот показатель вырос до 21,3 %.

Концентрация рабочих в городах особенно остро ставила жилищный вопрос, так как подавляющая часть рабочих в 60–80-е гг. XIX в. проживала в тяжелейших условиях [19, s. 151–153]. Жилищная проблема затронула и Рурскую область, куда устремились тысячи немцев из Восточной Пруссии и других восточных земель страны. Если в

1842 г. в Бохуме проживало 4200 жителей, то в 1907 г. их численность приблизилась к 120 тыс. чел., из них 78 % составляли рабочие [10, с. 184]. В Эссене в 1850 г. проживало всего 9 тыс. чел., в 1910 г. их численность достигла 295 тыс. чел. Большую часть жителей Эссена также составляли рабочие.

Рабочие жили в переполненных помещениях, в том числе сараях, подвалах. В 1871 г. в Берлине по данным городского инспектора в одном небольшом доме проживало 250 семей, скученность была ужасающей [20, s. 9]. По свидетельству очевидца, посетившего жилища рабочих Верхней Силезии в начале 70-х гг. XIX в., они напоминали убогие лачуги средневековых крестьян, где процветали мрак, сырость, теснота и зловонные запахи [24, s. 23].

Семьи рабочих стремились снять собственное жилье. Холостые рабочие пытались снять жилье с обедом часто у рабочих семей. В 1900 г. более 20 % семей рабочих сдавали «угол», получая за это дополнительные средства. В Берлине в 1880 г. 7,1 % домохозяев-рабочих сдавали комнату и 15,3 % кровать на ночь [20, s. 19]. Такая ситуация была присуща и другим развитым в индустриальном отношении регионам странам [21, p. 467–479]. Даже в начале XX в. в Рурской области чувствовался острый дефицит жилья: так, с 1890 по 1914 гг. на угольные шахты региона прибывало ежегодно в среднем 15 тыс. чел. [2, с. 165]. В 1914 г. только в горнодобывающей промышленности Германии более 80 тыс. горняков снимало жилье. Молодым рабочим, снимавшим кровать, удавалось существенно экономить на расходах. Администрация предприятий терпимо относилась к практике сдачи кровати или комнаты внаем в фабричном жилом фонде. С одной стороны, это позволяло привлечь дополнительную рабочую силу на производство, а с другой стороны, давало возможность повысить доходы рабочих и снизить социальную напряженность.

На многих промышленных предприятиях страны утверждается авторитарно-патерналистский стиль управления. Он символизировал традиционный патернализм,

который был присущ средневековому германскому обществу, его проповедовали юнкеры и ряд крупных промышленников, в том числе Крупп, фон Штумм и другие. На производстве выстраивалась жесткая иерархия, и любое неподчинение каралось самым строгим образом. Неслучайно, что многие промышленники сравнивали свое производство с иерархией, сложившейся в армии и на государственной службе. За преданность хозяину и хороший труд рабочие поощрялись надбавками к заработной плате и другими льготами, в том числе при обеспечении жилым фондом.

В случае возникновения забастовок и других актов неповиновения предприниматели использовали самые жесткие меры. Они прибегали к услугам полиции при разгоне демонстраций рабочих и зачистки предприятий от бастующих, массовому увольнению рабочих и привлечению штрейкбрехеров. Иногда крупные предприятия создавали собственные «наемные армии» для борьбы с рабочими.

Большие споры в германском обществе вызывали дискуссии о характере протекционистской политики, которые напрямую затрагивали интересы рабочих. Часть промышленной буржуазии и аграрии выступали за значительное увеличение таможенных тарифов для защиты национальной экономики, мотивируя это тем, что конкуренция с другими государствами разоряет германских производителей, ведет к падению доходов граждан и государства и способствует массовой безработице в стране [6, с. 371]. Сторонники свободной конкуренции отмечали опасность протекционизма, который, в конечном итоге, ведет к падению конкурентоспособности национальной экономики.

Более того, возник раскол между самими сторонниками протекционизма, между промышленниками и аграриями. Промышленники настаивали на увеличении пошлин на ввоз в Германию промышленных товаров, при минимальных ставках – на импорт сельскохозяйственной продукции. Они рассчитывали, что дешевое импортное сырье

и продовольствие помогут им увеличить прибыль, в том числе при сохранении минимальных ставок заработной платы рабочим. Аграрии требовали максимального увеличения протекционистских пошлин на аграрный импорт, рассчитывая, таким образом, на рост цен на продовольствие внутри Германии и на увеличение своих доходов.

Таможенные законы 1885 и 1887 гг., существенно увеличивавшие таможенные тарифы на ввоз продовольствия и сырья для промышленного производства, означали победу юнкеров и аграриев в целом. В результате этой политики цены на зерно внутри страны выросли в 5 раз, рост цен был зафиксирован на большинство продовольственных товаров, хотя в результате мирового аграрного кризиса за пределами Германии цены на продовольствие падали. Дороговизна продовольствия самым негативным образом затронула интересы рабочих. Промышленникам пришлось пойти на повышение заработной платы с целью недопущения социального взрыва, но не всегда эта компенсация была равносильна росту цен.

Германия становится первым государством, где социальные реформы вводятся сверху, по инициативе правительства. В германских государствах еще в XVII–XVIII вв. распространяется идеология о решающей роли государства в конструировании всеобщего и индивидуального благосостояния граждан. В XIX в. самым известным разработчиком данной доктрины становится Л. фон Штайн, который в 50–60-е гг. XIX в. сформулировал основные принципы построения социального государства. Пример Великой французской революции 1789 г. и последующих политических катаклизмов во Франции заставил ученого задуматься о роли монархии в современном обществе, причинах социальных конфликтов и путях их разрешения [12]. Л. фон Штейн признавал, что по мере развития буржуазного общества нарастали противоречия между элитой и трудящимися, особенно промышленными рабочими. По его мнению, противоречия между трудом и капиталом должны

были регулироваться и в конечном итоге сниматься именно государством. Ученый, будучи сторонником классической монархической идеи, полагал, что монархия должна стать на путь социальных реформ, ибо в противном случае она превратится в деспотию. Монархия (государство) должно стоять выше интересов отдельных классов и социальных групп, в том числе буржуазии. В таком случае оно сможет улучшить положение рабочих и интегрировать их в немецкое общество [13, с. 575].

По мнению Л. фон Штейна, главные инструменты улучшения положения рабочих классов заключаются в создании государством условий для реализации личностью своего потенциала, поощряя ее к самостоятельности, прежде всего, с помощью соответствующей законодательной базы. Согласно учению Л. фон Штейна, основная задача социального государства как раз и заключалась в создании равных условий для всех его граждан [12, с. 95]. Л. фон Штейн считал, что чем состоятельнее будут граждане, тем сильнее будет государство. Поэтому в рамках развития немецкой политической философии концепция Л. фон Штейна выполняла свое предназначение, она служила главной идеи Германии – созданию мощной империи через укрепление социальной гармонии и социально-политической стабильности в немецком обществе [4, с. 77].

Ученый полагал, что классовая замкнутость является одним из показателей отсталости общества. Человек не должен чувствовать безысходность своего положения, он должен иметь возможность повысить свой социальный статус путем перехода в следующую социальную группу по мере роста его доходов, появления собственности и повышения культурного уровня. Следовательно, Л. фон Штейн выступал за социальную (классовую) мобильность общества, за размытость классовых границ [13, с. 524].

Одновременно Л. фон Штейн ратовал за развитие различных форм самопомощи среди трудящихся, включая кооперацию, страхование, кассы самопомощи. Ученый уже 50–60-е гг. был свидетелем довольно

успешного развития в немецком обществе различных форм самопомощи среди низших слоев населения.

Часть германской буржуазии разделяла эту позицию, признавая особую роль государства в сглаживании классовых противоречий. Классическая манчестерская школа либерализма с ее принципами невмешательства государства в жизнь общества ими опровергалась. Немецкая историческая школа во главе с Г. Шмоллером призывала к активному вмешательству государства в жизнь общества, объясняя это спецификой исторического развития государства, где личность была неразрывно связана с государством, которое опекало человека в большинстве сфер общественной жизни [11, с. 30–38]. Поэтому новую социальную силу в лице бурно развивающегося рабочего класса также следовало интегрировать в структуры Германской империи.

Местные органы власти, находившиеся под контролем консерваторов, еще до социальных законов О. Бисмарка предпринимали самостоятельные шаги по улучшению положения рабочих. Они по мере сил и возможностей решали жилищный вопрос, проводили водопроводы в рабочие кварталы, оснащали их современной канализацией, транспортной системой и пр.

Католическая церковь, ориентированная на традиционные ценности патернализма, постепенно вырабатывала свою рабочую политику. Развитию данной тенденции способствовала эмансипация католического духовенства в XIX в., его значительная часть вышла из низов общества и среднего класса. Поэтому ему были понятны чаяния низших слоев населения, и клир не мог не реагировать на социальные язвы, поразившие общество. Наибольшая заслуга в этом плане принадлежит архиепископу Майнца В. фон Кеттелеру, опубликовавшему в 1864 г. первое исследование о связи христианства с рабочим классом [6, с. 373]. Он постоянно призывал общество обратить внимание на обездоленные слои населения, в том числе на рабочих. Политика культуркампфа О. Бисмарка еще больше при-

вязала католическую церковь к рабочему классу. Правда, сам Ватикан в решении рабочего вопроса несколько отставал. Только в 1891 г. папа Лев XIII признал, что церковь должна играть более активную роль в решении социальных проблем. В то же время католики с большим подозрением относились к попыткам привязать рабочий класс к государству с помощью социальных реформ. В этом они усматривали угрозу расширению влияния церкви на рабочий класс. Поэтому католики выход видели в решении социальных проблем рабочих с привлечением самих рабочих и промышленников под контролем церкви.

Проводником этих идей становится партия Центра, отражавшая, прежде всего, интересы католиков Южной и Западной Германии, Эльзаса и Лотарингии, польских земель страны. Партия создается в декабре 1870 г. Она ставила основной целью сохранение ведущих позиции католической церкви в обществе, противостоя росту популярности социал-демократов и антикатолической политики О. Бисмарка. Партия выступала против наступления крупного капитала и пролетаризации общества, ратуя за создание корпоративного государства на основе христианской морали. Партия Центра поддерживала политику, направленную на улучшение положения рабочего класса, видя в этом один из инструментов создания надклассового общества. Отдельно партия декларировала необходимость труда женщин и детей, обеспечения рабочих нормальным жильем и системой здравоохранения [17, с. 62]. Во многом экономическая программа партии Центра являлась утопичной, поскольку она стремилась с помощью развития ремесленного производства остановить распространение капитализма.

Протестантская церковь, в частности лютеранская, господствовавшая в Пруссии и тесно связанная с правящими кругами королевства, долгое время не обращала внимания на рабочий вопрос, полностью в этом плане ориентируясь на государство и не делая самостоятельных шагов. К началу XX в. протестанты предпринимают некото-

рые попытки в проведении своей рабочей политики, но эти действия не расходились с правительственным курсом.

Рост рабочего движения и популярности социал-демократической партии требовали от властей принятия срочных мер для нейтрализации недовольства рабочих.

В рабочем движении Германии в 60–70-е гг. сложилось два направления. В 1863 г. создается Всеобщий германский рабочий союз во главе с Ф. Лассалем. Ф. Лассаль выступал против капитализма и любого классового общества. Он отмечал, что любой привилегированный класс будет стремиться к эксплуатации [7, с. 3]. Ф. Лассаль вполне допускал постепенную трансформацию Пруссии в «свободное народное государство». Он отрицал монархию, ратуя за создание социальной республики [7, с. 430–431]. Для этого при поддержке государства в стране следовало создавать производственные ассоциации, развивать социальное законодательство и ввести всеобщее избирательное право [8, с. 252]. Ф. Лассаль испытал влияние идей Ф. фон Штейна, развивая собственное учение о «государственном социализме». В середине 70-х гг. союз насчитывал около 15,3 тыс. членов.

В 1869 г. в Эйзенахе была образована Социал-демократическая рабочая партия во главе с А. Бебелем и В. Либнехтом, насчитывавшая в середине 70-х гг. 9,1 тыс. членов. Партия стояла на принципах классического марксизма. Первоначально сторонники А. Бебеля уделяли меньше внимание развитию социального законодательства в сравнении с лассальянцами. В марте 1875 г. ВГРС и СДРП принимают решение об объединении.

После объединительного съезда, прошедшего 22–23 мая 1875 г. СДПГ усилила свои позиции в стране. Попытка О. Бисмарка бороться с партией репрессивными мерами не увенчалась успехом. Исключительный закон 1878 г., запрещающий деятельность СДПГ, полностью провалился. Если в 1874 г. социал-демократы набрали 351,4 тыс. голосов на выборах в рейхстаг, то

в 1884 г. они собрали уже 550 тыс. голосов [5, с. 251, 272]. Таким образом, исключительный закон, действовавший до 1890 г., привел абсолютно к противоположному результату – популярность СДПГ только росла. Поэтому требовались новые подходы в борьбе властей с ростом популярности социалистов.

О. Бисмарк еще в 60-е гг. проявлял значительный интерес к социальным реформам. Он поддерживал тесные связи со многими теоретиками социального реформирования общества, в том числе с Ф. Лассалем. О. Бисмарк даже вынашивал идею проведения совместной австро-германской конференции по социальным вопросам [1, с. 230]. Политические бури в Германии, связанные с объединением страны, на время отвлекли внимание О. Бисмарка от реализации на практике социальных реформ.

О. фон Бисмарк с большой тревогой наблюдал за пролетаризацией рабочего класса и другими негативными последствиями индустриализации. Его настораживал рост бедности значительной части рабочих, что могло привести к большим политическим потрясениям в будущем [19, с. 27]. Рост популярности среди них социалистических идей в очередной раз убеждал канцлера в необходимости существенных реформ, направленных на улучшение положения рабочего класса и его интеграцию в социальные структуры единой Германии. В противном случае рабочие служили источником распространения в стране революционных идей [28, с. 337–340]. О. Бисмарк стремился к достижению социального мира в Гер-

мании, сбив накал классовой борьбы и перераспределив доходы в пользу трудящихся слоев населения [22, с. 91].

Ремесленники и крестьяне не вызывали у О. Бисмарка серьезных опасений. Канцлер полагал, что они смогут сравнительно легко интегрироваться в современное немецкое общество, будучи собственниками и носителями национального духа, чего нельзя было сказать о рабочих.

Следует отметить, что экономический кризис 1873 г. и последовавшая за этим депрессия способствовали изменению общего политического и экономического климата в Германии. Идеи свободной экономики, свободного рынка окончательно потеряли популярность среди политиков и интеллектуалов. Становилась очевидной необходимость вмешательства государства в экономические и социальные процессы, происходившие в обществе, в том числе во взаимоотношения между рабочими и работодателями [26, с. 55]. К тому же кризис и депрессия еще сильнее ухудшили положение рабочих, их заработной платы зачастую не хватало на покрытие самых необходимых нужд [23, с. 6].

О. Бисмарк ставил далеко идущие цели. Канцлер понимал, что Германия только тогда сможет приступить к решению вопроса о мировом лидерстве в борьбе с Великобританией и другими конкурентами, когда она добьется внутривнутриполитической стабильности [18, с. 80]. По его мнению, страна, отягощенная внутренними противоречиями и социальными конфликтами, не будет способна успешно отстаивать свои интересы на внешнеполитической арене.

Литература

1. Беспалова Л. П. Социальная политика Отто фон Бисмарка // Известия Алтайского государственного университета. 2011. № 4–2.
2. Зидер Р. Социальная история семьи в Западной и Центральной Европе (конец XVIII–XX вв.). М.: Владос, 1997.
3. История Германии в 3-х т. Т. II. От создания Германской империи до начала XXI века / под общ. ред. Б. Бонвича и Ю. В. Галактионова. Кемерово: «Книжный дом “Университет”», 2005.
4. Кочеткова Л. Н. Теория социального государства Лоренца фон Штейна // Философия и общество. 2008. № 3.
5. Меринг Ф. История Германии с конца средних веков. М.: Красная новь, 1924.
6. Палмер А. Бисмарк. Смоленск: Русич, 1998.
7. Сочинения Ф. Лассалю. В 2-х т. Т. 1. СПб.: Изд. Н. П. Полякова, 1870.

8. Сочинения Ф. Лассаля. В 2-х т. Т. 2. СПб.: Изд. Н. П. Полякова, 1870.
9. Федоченко А. Торговля Бремена в 1904 г. // Сборник консульских донесений за 1904 г. Вып. IV. – СПб.: Товарищество Художественной Печати, 1904.
10. Хобсбаум Э. Век империи 1875–1914. Ростов-н/Д: Феникс, 1999.
11. Шмомер Г. Народное хозяйство, наука о народном хозяйстве и ее метод. Хозяйство, нравы и право. Разделение труда. – М.: К. Т. Солдатенков, 1902.
12. Штейн Л. История социального движения Франции с 1789 г. СПб.: Тип. А. М. Котомина, 1872.
13. Штейн Л. Учение об управлении и право управления с сравнением литературы и законодательств Франции, Англии и Германии. СПб.: А. С. Гиероглифов, 1874.
14. Цейдлер Л. Заметки о сельскохозяйственной промышленности Саксонии // Сборник консульских донесений за 1906 г. Вып. I. СПб.: Товарищество Художественной Печати, 1906.
15. Bairogh P. Population urbaine et tertiaire en Europe de XV–XX siècle. Lion, 1977.
16. Deutsche Geschichte in Quellen und Darstellung. Bd. 8. Stuttgart, 2000.
17. Deutsche Parteiprogramme 1861–1961. Frankfurt a Maine, 1967.
18. Gemeinhardt A. K. Bismarck und der Weg «Kaiserliche Botschaft». Wasserburg am Lun, 2008.
19. Görtemaker M. Deutschland im 19 Jahrhundert / Schriftreihe der Bundeszentrale für politische Bildung. B. 203. Bonn, 1987.
20. Informationen zur politischen Bildung. Bonn. № 164.
21. Model J., Hareven T. Urbanization and the Malleable Household. An Examination of Boarding and Lodging in American Families // Journal of Marriage and Family. 1973. № 35.
22. Mertzler G. Der deutsche Sozialstaat – Vom Bismarck sehen Erfolgsmodell zum Pflegefall. Stuttgart-München, 2003.
23. Ploetz, Deutsche Geschichte / Conz W. (hrts.), Hentsschel V. (hrts.). Würzburg, 1996.
24. Schollockow J. Der Oberschlesische Industrie-Bezirk mit besonderer Rücksicht auf seine Kultur – u. Gesundheits-Verhältnisse. Berlin, 1876.
25. Stürmer M. Das ruhelose Reich. Deutschland 1866–1918. Berlin, 1983.
26. Stolleris M. Geschichte des Sozialrechts in Deutschland. Stuttgart, 2003.
27. Ultee W., Arts W., Flap H. Sociologie, vragen, uitspraken, bevindingen. Groningen, 1992.
28. Wossler O. Bismarcks Sozialpolitik // Historische Zeitschrift. Bd. 167. H. 2. 1943.

УДК 63.3

М. М. Магомедов**ЭВОЛЮЦИЯ СУФИЙСКИХ ОБЩИН НА СЕВЕРО-ВОСТОЧНОМ КАВКАЗЕ В XIX В.**

В статье дан анализ особенностей суфийской идеологии, которая облегчила восприятие идей газавата в период движения горцев под руководством Шамиля. Показано отношение суфиев к идее священной войны, доказывается, что вольные общества Дагестана охотнее воспринимали идеи газавата, чем общины, находящейся под ханской властью. Описывается пере-

ход последователей суфийских шейхов от духовных практик к вооруженной борьбе. Рассмотрены противоречия между суфийскими общинами, выступавшими против насильственных действий, и общинами, поддерживавшими движение мюридизма.

Ключевые слова: мюридизм, суфизм, вольные общества, Шамиль, Кавказская война, тарикат, газават.

М. М. Magomedov**THE EVOLUTION OF SUFI COMMUNITIES
IN THE NORTH-EAST CAUCASUS IN XIX CENTURY**

The paper analyzes the characteristics of Sufi ideology, which facilitates the perception of ideas gazavat during movement of mountaineers led by Shamil. Shows the relationship of the Sufis to the idea of «holy war», it is proved that free societies are more willing to accept the idea of Dagestan gazavat than communities under Khan's power

are. Describes the transition followers of Sufi sheikhs from spiritual practices to the armed struggle. Considered the contradiction between Sufi communities opposing violent acts and communities to support the movement Muridism.

Key words: Muridism, Sufism, free society, Shamil, the Caucasian war, tarekat jihad.

Конец XVIII века является началом трансформации суфизма на Северном Кавказе из религиозного движения духовных деятелей в идеологию народного движения, что продолжалось до середины XIX века. Началом такого периода является то время, когда суфийские вольные общества стали самыми активными участниками тех событий, которые были названы движением мюридизма. Движение мюридизма началось параллельно с борьбой узденей против феодалов, которых активно поддерживало царское правительство, так как в некоторых «вольных обществах» Северного Кавказа, не имевших своих князей, правительство даже ставило лояльных ему феодалов в качестве правителей.

До появления движения мюридизма как идеологии сопротивления горцев народы Северного Кавказа были достаточно разобщены, и соответственно нужна была

общая идея, вокруг которой могли бы объединиться не только различные общины, но и различные этносы, и этой идеологией стал мюридизм. Само понятие «мюридизм» было введено русскими офицерами, которые докладывали об этом движении в отчетах, описывая положение дел военных и внутри горского населения. Мюридами называли тех, кто включился в священную войну, которую называли газаватом, понимая под этим джихад с оружием в руках. Газават был объявлен видными духовными лидерами, которые были шейхами суфиями.

История участия суфиев в газавате имеет давние корни. Первый газават с участием суфиев начался со времен крестовых походов, а первым суфием, объявившим джихад, был имам шазилийского тариката Абуль-Хасан Али Аш-Шазали. Он, будучи 90-летним старцем, собрал вокруг себя всех мюридов и учеников, также за ним последовали вид-

ные мусульманские ученые Египта. Таким образом им удалось отразить нападение крестоносцев седьмого крестового похода и взять в плен французского короля Людовика Девятого (1250–1253) [12]. Другой известный последователь суфизма Салах Ад-Дин Ал-Аюби (Аль-Малик ан-Насир Салах ад-Дунийа вад-Дин Абуль-Музаффар Юсуф ибн Айюб) также вел войну против крестоносцев. Салах Ад-Дин Ал-Аюби часто советовался с суфиями и всегда был окружен шейхами, он был первым, кто построил специальное молитвенное помещение для суфиев [7].

Предшественником движения мюридизма на Северном Кавказе стало движение чеченца Шейха Элиас Мансура, который поднял на восстание часть чеченцев, кабардинцев и дагестанских кумыков против своих феодалов, которых поддерживала царская власть¹. Основной целью движения Шейха Мансура были реформы мусульманских общин, которые должны были жить по шариату, особенно неприязненно он относился к кровной мести, которая была основной причиной разобщенности племен на Северном Кавказе. Также Шейха Мансура, кроме простого населения, поддерживала некоторая часть кабардинских князей. Против самого Мансура в первую очередь выступали представители официального духовенства, которые, видя его растущую популярность в обществе, были вынуждены поддержать его. Усиление феодализма приводило к частым восстаниям, и поэтому феодалы выступали против Шейха Мансура.

Сегодня считается спорным момент, откуда именно был «импортирован» мюридизм в Дагестан; большинство историков согласны с тем, что мюридизм появился за счет фанатизма северокавказских проповедников.

Мухаммаду Яраги после того, как он отказался подчиниться местным феодалам и продолжил выступать против царской России, пришлось переехать в с. Соргатль,

Гунибский район, где он жил до конца жизни. Идеи Мухаммада Ярагского находили все больше сторонников по всему Северному Кавказу, и активнее всего его поддерживали «вольные общества» Чечни и Дагестана. Его мюридами становилось все больше мусульман, в числе которых были и будущие горские имамы, возглавившие сопротивление.

В суфизме большое значение имеет следование за наставником, беспрекословное выполнение заданий и уроков, данных шейхом или устазом. Эта особенность суфизма укрепила движение мюридизма и усилила её влияние на общество – так духовный лидер становился абсолютным авторитетом для суфийской общины, и феодалы были вынуждены считаться с мнением того или иного устаза, что не устраивало правящую верхушку. Это привело к противоречиям внутри исламского общества, в котором не все были последователями суфизма. С одной стороны, люди считались с авторитетным мнением духовных лидеров, а с другой стороны, экономически и политически зависели от правящей верхушки. Этим и объясняется популярность мюридизма среди «вольных обществ» Северного Кавказа.

Основными имамами в суфийском обществе были Гази-Магомед, Гамзат-Бек и Имам Шамиль, также вторым Шамилем называли наиба Магомед-Амина, который после пленения Шамиля недолго возглавлял сопротивление на западном Кавказе. Понятие «имам» по сей день используется среди мусульман Северного Кавказа. «Имам» имеет арабское происхождение – «амма» – и означает «идущий впереди» или «руководящий», а с утверждением ислама «имам» означает «стоящий впереди молитвы» или «духовный руководитель».

Шейх Гази-Магомед был одним из тех людей, который начал бороться с горскими феодалами, и важную роль играло то, что Гази-Магомед, как и Имам Шамиль, был шейхом накшбандийского тариката. До того как Гази-Магомед стал имамом сопротивления, у него и Шамиля уже были мюриды-последователи. Так, в своих походах Гази-Маго-

1 Так именно и рассматривает восстание Шейха Мансура большинство русских и западных писателей. См. напр.: что начал в Дагестане Элиас Мансур и через полвека продолжал Кази Мулла, с тем же энтузиазмом подхвачено Шамиль-беем (Spencer. Reis Langs d Kust Van Tsherkessi, Abchasië en Mingrelie // Koch K. De caucasische lander en Aramenie in reistaafereelen. Groningen, 1856 г.)

мед добился успеха благодаря общей идее борьбы за веру, и эта идея сумела объединить многочисленные народы Северного Кавказа. Последователи суфийских общин [4, с. 194; 5, с. 28–29] охотно присоединялись к его походам против феодалов в горах и на равнинах. Феодалы уже долгое время поддерживались царской Россией, и именно поэтому борьбу против феодалов горское общество считало идеологически оправданной.

После смерти Гази-Магомеда особую роль стал играть Гамзат-Бек. Старейшины «вольных обществ» поддержали имама, который мог бы устраивать самих феодалов и ханов, поэтому они выбрали Гамзат-Бека из уважаемых беков ханского аварского рода, но им не были довольны простые люди, в частности Имам Шамиль [8, с. 223]. Гамзат-Бек не сумел полностью решить проблему разобщенности даже между феодалами, в отличие от Шамиля, который однозначно был против ханов и боролся с ними до самого пленения. В отличие от двух других имамов, Шамиль не хотел возглавлять имамат, и сначала был вынужден считаться с мнением кругов старейшин. Дальнейшая судьба Шамиля оказалась связана с противостоянием не только с царскими властями, но и с попытками Турции и западных держав сделать имама марионеткой. С Шамиля началось успешное объединение общин не только внутри аварцев, но и всей Чечни, и Дагестана. Он стремился распространить свое учение и среди «правоверных братьев» из черкесских племен [9, с. 418–419].

Переломным моментом для суфизма в XIX веке стало то, что теперь мюридом мог стать любой желающий следовать по пути суфизма. Вплоть до сегодняшнего дня количество мюридов может составлять неограниченное количество учеников.

Суфийские общины, которые массово присоединялись к Иمامу Шамилю, не были полностью вовлечены в движение мюридизма. На территории Северного Кавказа массово его поддерживала горная часть «вольных обществ» аварцев и чеченцев, но также активно Шамиля поддерживали отдельные последователи суфизма, среди которых были

даргинцы, табасаранцы, кумыки, лакцы, лезгины, ингуши, черкесы и т. д. Регулярное войско Имама Шамиля – приближенные мюриды – находилось на постоянном военном положении, сопровождая Шамиля либо отправляясь в военный поход. Основные части войска были на временном служении, как бы на резервном положении. Так, когда нужно было оборонять или атаковать какую-либо местность, то созывался общий сбор. Сбором войска занимались приближенные мюриды Шамиля, его ставленники Наибы, которые отчитывались лично Шамилю, за время войны количество наибов выросло до 300 человек. Наиб контролировал порядок в определенном участке имамата, военную силу, при необходимости организовывал оборону поселения. Кроме этого, наибы отвечали за политическую и экономическую деятельность общины: судопроизводство, выполнение общинной норм шариата, выплата закята¹, расходование вакуфа², нужды войска и т. д.

Создание Имамата Шамиля на территории Чечни и Дагестана для суфийских общин стало одним из самых значимых для суфийской идеологии. В период имамата основной причиной распространения суфизма как массовой идеологии стало движение мюридизма. Идеология мюридизма полностью отражала суфийскую систему социальных отношений между наставником и его последователями. Фактически разница между суфизмом до кавказской войны и мюридизмом во время кавказской войны заключалась в масштабе его последователей, поэтому и можно назвать XIX век особым для суфийских общин на Северном Кавказе.

Мюридизм, кроме организации сопротивления, позволил пропагандировать и привносить идеологию суфизма в массы. Вхождение в имамат многочисленных обществ Северного Кавказа происходило постепенно, границы имамата постоянно менялись. Имамат увеличивался за счет установления на

1 Закят – в исламском праве обязательная ежегодная выплата части средств (одна сороковая часть) в пользу нуждающихся, совершаемая с намерением заслужить довольство Аллаха [3].

2 Вакуф (по-арабски вакф, множ. вукуф; дословно – установление надзора) – термин мусульманского права, обозначающий имущество неотчуждаемое, изъятое из гражданского оборота, не могущее быть предметом частной собственности [2].

новых территориях законов шариата и назначения наиба и уменьшался за счет отделения аулов от имамата из-за внутренних разногласий или действий царских войск.

Вхождение селений в имамат происходило по-разному, добровольное присоединение было в случае, когда вся община или большая часть соглашалась войти в имамат. Было также не добровольное присоединение, когда стратегически важное поселение отказывалось присоединиться к имамату, лишь отдельные группы людей поддерживали Шамиля, так как не все были согласны с его политикой [6, с. 78]. Опасались горцы также реальной опасности со стороны царских войск, поскольку войти в имамат – означало быть против России. Были отдельные случаи, когда села просили имама не присоединять их общество в имамат (не назначать наиба и не брать воинов), но полностью соглашались с принятием шариата. Установление шариатских законов фактически означало включение в имамат, в исламской общине обязательно на место управления назначался наиб, который советовался с авторитетными старейшинами или духовными лидерами общины и, согласно шариату, управлял обществом в целом.

Государство имамат некоторые исследователи называют национально-освободительным образованием [1, с. 85], но нужно уточнить, что это только потому, что движение началось на основе борьбы за права определенных народов Чечни, Ингушетии и Дагестана. Фактически в имамате находилось огромное количество этносов.

По легенде Имама Шамиля, аварца по национальности, однажды спросили: «Почему ты берешь в ближайшее окружение только аварцев?». Имам Шамиль ответил: «Своя рубашка ближе к телу»; на что был дан ответ: «Вот тут ты и проиграл большой джихад (борьба самим собой)». По легенде после этого случая в скором времени у Шамиля появились приближенные мюриды сначала дагестанских народов, а потом чеченцев и ингушей [10]. Фактически многонациональный состав воинов Имама Шамиля позволили вести 30-летнее сопротивление царским войскам на Кавказе.

Важную роль в имамате всегда играли видные духовные лидеры, руководители движения, уважаемые старейшины, представители совета, поэтому до 40-х годов Имам Шамиль часть собирал съезды таких лидеров для того, чтобы вынести какое-либо важное решение. Бывало, что Шамиль собирал совет каждый день, кроме пятниц, так как пятница – это день для совместной молитвы, а в сложных ситуациях совет собирался несколько раз в день. Постоянными советниками Шамиля были Мухаммад-Афанди Казикумыкский, Раджабиль-Магома Чиркеевский, Яхья-Хаджио, Джамал-лудин, Хаджи-Дебир Каранайский, Итлик-Муртазали. Собирались в основном для обсуждения дел в имамате, даже были регламентированы дни для обсуждения проблем территорий, например: в понедельник и вторник обсуждались вопросы ближайших районов, таких, как Анди, Ичкерия, Чечня и другие, а в четверг – отдаленных местностей Дагестана. После обсуждения выносили совместные решения и даже назначали ответственного за выполнение решения.

После 40-х годов роль имама становится более значительным, и все чаще Шамиль решения принимает сам. «Но и здесь нельзя говорить о сосредоточении всей власти в руках имама». Иمامу приходилось в делах управления следовать указаниям Совета – диван-ханы. Это была своеобразная монархия. Однако полностью и целиком Имамат не стал монархией [11, с. 47–48]. В идеале Шамиль стремился к изгнанию всех беков и ханов, созданию почвы для единого централизованного государства, которое основано на всеобщем законе шариата, подкрепленном суфийской идеологией миролюбия и стремления к этому миру, а также борьбой за свободу. Мюриды должны были создать общество, в котором будет равенство между государством и обществом.

На деле все было не так просто в имамате; разложение имамата началось именно сверху, среди наивов, которые были из разных социальных слоев, для контроля и регламентации их деятельности были написаны лично Шамилем «низамы», свод

законов в имамате, в которых были прописана и деятельность наибов. Низамы были попыткой приспособить шариат к адатам. В имамате начались разногласия, в том числе и с Шамилем, после чего он предпринимает действия против таких наибов, как Хаджи-мурат, Даниял-Бек Элисуйский, Кебед-Мухаммад и других. Примечательно то, что против Шамиля шли в основном члены горской знати, скорее всего, помня, что имам всегда выступал против феодалов. Не помогло даже то, что были введены муктасебы, которые подчинялись лично имаму и должны были контролировать деятельность наиба и его окружения, в основном на одно наибство должен был быть минимум один муктасеб.

Все эти изменения и реформы в имамате не смогли полностью разрешить социальные проблемы в обществе, а также улучшить экономическую жизнь горских народов. Продолжали ухудшаться взаимоотношения внутри властимущими и простыми горскими общинами. Можно сказать, что, заменив ханских феодалов, начали появляться узденские феодалы, чего совсем не ожидал и сам Шамиль.

Таким образом, суфизм, существовавший в Дагестане с XIII века, широкое распространение на восточном Кавказе получил именно в период Кавказской войны, однако с падением имамата не произошел отказ от суфизма в исламских общинах региона.

Литература

1. Асхабалиев Р. Х. Государство Имамат и роль ислама в его становлении и развитии: дис. ... канд. ист. наук. Махачкала, 2002. 176 с.
2. Вакуф // Энциклопедия Брокгауза и Ефрона [Электронный ресурс]. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/brokgauz/5242>. 2015 г. (Дата обращения: 14.03.2015).
3. Закят // Ислам. Энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/islam/272/%D0%97%D0%B0%D0%BA%D1%8F%D1%82>. 2015г. (Дата обращения: 15.03.2015).
4. Из журнала военных происшествий на Кавказской линии и в Черномории // Шамиль – ставленник султанской Турции и английских колонизаторов. Сборник документальных материалов. Тбилиси: Госиздат Грузинской ССР, 1953.
5. Отношение Розена Г. В. военному министру Чернышеву А. И. // Шамиль – ставленник султанской Турции и английских колонизаторов. Сборник документальных материалов. Тбилиси: Госиздат Грузинской ССР, 1953.
6. Отношение барона Розена генерал-адъютанту Адлербергу о насильственном распространении власти Шамиля на дагестанские общества. 1836, июля 2 // Шамиль – ставленник султанской Турции и английских колонизаторов: сборник документальных материалов. Тбилиси: Госиздат Грузинской ССР, 1953.
7. ТВ-Чиркей // Джифри, тасаввуф. Видео материал [Электронный ресурс]. URL: http://www.tvchirkey.ru/telecast_view.php?id=722. (Дата обращения: 15.03.2015).
8. Покровский Н. И. Кавказские войны и Имамат Шамиля. М.: Российская политическая энциклопедия, 2000.
9. Письмо Шамиля черкесским племенам с призывом к борьбе с «неверными». 1845 сентябрь // Акты Кавказской археографической комиссии. Тифлис: Тип. Главного Управления Наместника Кавказского, 1885. Т. X.
10. Полевой материал автора. Дербент, 2009 г. Информатор Бегахмедов М.
11. Покровский Н. И. Мюридизм у власти // Историк-марксист. 1932. № 12.
12. ISLAM.RU Исламский информационный портал // И. Ибрагимов, Салахутдин аль-Аюби – легенда мировой истории. Уроки и выводы из освобождения, захваченного крестоносцами города Иерусалим, мусульманами [Электронный ресурс]. URL: http://www.islam.ru/content/kolonka_avtora/28. 2015г. (Дата обращения: 14.03.2015).

УДК 929

М. Ф. Муртазин

ТАБАРИ И ЕГО СОЧИНЕНИЕ «СВОД ИЗЪЯСНЕНИЯ
ОБ ИСТОЛКОВАНИИ АЙАТОВ КОРАНА»

Статья посвящена обзору биографии знаменитого мусульманского историка и богослова Табари. В ней отражены основные этапы формирования его научной и богословской деятельности, а также дана крат-

кая информация о его труде по толкованию Корана-тафсире.

Ключевые слова: ислам, богословие, история, Коран, тафсир.

M. F. Murtazin

TABARI AND HIS COMMENTARY ON CORAN

The article is devoted to the biography of a famous Moslem Arab historian and theologian Tabari. The author explores main stages of the development of his scientific and reli-

gious activities, as well as a summary of his commentary on Coran.

Key words: Islam, theology, history, Coran, tafseer.

Полное имя этого знаменитого средневекового арабского мусульманского ученого-энциклопедиста – Мухаммад ибн Джарир ибн Йазид ибн Касир ибн Галиб, но он более известен как имам Абу Джафар / Ибн Джарир ат-Табари. В отечественной и западной ориенталистике Табари известен благодаря своему монументальному многотомному труду «Тарих ар-русул вал-мулук» – «История пророков и царей», или «Тарих ал-умам вал-мулук» – «История народов и царей». Рукопись этого сочинения из Египта была издана в Лейдене в XIX в. [8]. В период с 1989 по 1999 гг. был опубликован коллективный 40-томный перевод «Истории» Табари на английский язык [9]. Отдельные фрагменты этого сочинения были переведены на русский язык в 1939 г. В. И. Беляевым и Е. А. Разумовской [4], а также в 1960 г. Л. Е. Куббелем и В. В. Матвеевой [3]. Дополненный текст рукописи перевода В. И. Беляева был издан в 1987 г. О. Г. Большаковым и А. Б. Халидовым [1].

Основные сведения о жизни и деятельности Табари изложены в арабских источниках, список которых приводится в конце статьи. В первом томе английского перевода «Истории» имеется предисловие, в котором

содержатся подробно изложенные детали биографии Табари, подготовленные Ф. Розенталем на основании арабских источников. На русском языке краткая биография этого ученого приведена В. И. Беляевым в предисловии к переводу фрагментов «Истории» 1987 г. [1, с. 2–3]. В данной статье изложены сведения о биографии Табари, упомянутые в предисловии к первому тому каирского издания «Истории» [7, с. 5–13].

Табари родился в административном центре исторической области Табаристан городке Амоль, который в настоящее время находится на территории Ирана, в 20 км от побережья Каспийского моря, более чем в 300 км от Тегерана. Точная дата рождения Табари, как и большинства тех, кто родился в ранние века ислама, неизвестна. Абу Бакр ибн Камил, ученик и биограф Табари, определяет время рождения ученого как конец 224 г. или начало 225 г. по хиджре. Однажды Абу Бакр ибн Камил спросил: «Как случилось, что дата твоего рождения оказалась под сомнением?» Ибн Джарир ответил: «Жители нашей страны ведут счет лет по событиям, а не по годам. Дата моего рождения была привязана к одному событию, которое одни относили к 224 г. х., а другие –

к 225 г. х.» [7, с. 6]. Поскольку 1 день месяца мухаррам 225 г. по хиджре выпадает на 12 ноября 839 г., то годом рождения Табари называют 839 г. .

Последняя часть имени Табари, которая по-арабски называется нисба, указывает на место, где он родился и вырос – Табаристан. Эта область сформировалась во времена Сасанидского Ирана в доисламский период, а затем оказалась в составе Арабского Халифата. С XIII в. Табаристан стал именоваться Мазендараном, который в настоящее время является одной из провинций Исламской Республики Иран.

Табари родился в семье знатного и богатого горожанина, слывшего благочестивым и богобоязненным мусульманином. В Табаристане у его отца имелись наделы земли, с которых он получал значительные доходы, а после смерти отца они перешли во владение его сыну Мухаммаду, что во многом позволило знаменитому богослову безбедно и независимо заниматься своими научными изысканиями вплоть до самой кончины.

Йакут передает со слов самого Абу Джафара рассказ о том, как начался путь его богословских и научных изысканий. «Я выучил Коран наизусть, когда мне было 7 лет, начал молиться во главе других в качестве предстоятеля-имам в 8 лет, стал записывать хадисы в 9 лет. Однажды мой отец увидел сон, будто бы я стою перед Пророком Мухаммадом, а у меня в руках торба, наполненная камешками, которые я бросаю в сторону Пророка. Толкователь снов сказал отцу: «Когда твой сын вырастет, он станет знатоком религии и защитником шариата». С тех пор отец стал тщательно заботиться о том, чтобы я обучался наукам, даже несмотря на то что я был еще маленьким ребенком» [7, с. 6].

В свою первую поездку за знаниями Ибн Джарир отправился из родного города Амоля в Рей. Это селение в настоящее время превратилось в один из пригородов Тегерана, но в X веке Рей был не только центром мусульманской науки, но и важным торгово-ремесленным городом, который

называли «украшением стран ислама» [2, с. 130–134]. Табари несколько лет учился у шейхов Рея, изучал мусульманское право – фикх по Абу Мукатилу, переписал и заучил книги знаменитого историка и биографа Посланника Аллаха Ибн Исхака Ал-Мубтада («Начало») со слов Ахмада ибн Хаммада ад-Даулаби и Ал-Магази («Завоевания») со слов Саламы ибн ал-Фадла. На основании этих двух книг он начал позднее составлять свою знаменитую «Историю».

К тому времени в мусульманском мире получили широкое распространение богословские сочинения имама Ахмада ибн Ханбала, которые постоянно цитировали во время научных дискуссий и собраний алимов. Абу Джафар вознамерился отправиться лично к имаму Ахмаду в Багдад, но, когда в 241–855 гг. он добрался до столицы, того уже не было в живых. Ибн Джарир решил продолжить свое путешествие, не задерживаясь в Багдаде, и отправился в Басру, где слушал лекции еще оставшихся в живых учеников Ибн Ханбала Мухаммада ибн Мусы ал-Хирши, Имада ибн Мусы ал-Каззаза, Мухаммада ибн Абд ал-Ала ас-Санани, Бишра ибн Муазы, Мухаммада ибн Башшара, известного как Бундар.

После пребывания в Басре Табари отправился в Куфу, где записывал хадисы со слов Ханнада ибн ас-Сирри, Исмаила ибн Мусы, изучал различные варианты чтения Корана-кирааты со слов Сулеймана ибн Халлала ат-Талхи, встречался с Абу Курайбом Мухаммадом ибн ал-Ала ал-Хамазани – одним из известных богословов-алимов своего времени, которому не было равных знании Сунны Пророка Мухаммада. Сообщают, что Табари выучил со слов Абу Курайба более 100 тысяч хадисов.

Затем Абу Джафар вернулся в Багдад, но в этот раз он задержался в столице Халифата. Сначала он изучал коранические науки у Ахмада ибн Йусуфа ат-Таглиби, лучшего чтеца Корана-кари своего времени, затем он стал осваивать шафиитский фикх у имамов этого мазхаба ал-Хасана ибн Мухаммада ас-Сабаха и Абу Саида ал-Истахри. Табари и сам стал последователем шафиитского

мазхаба и издавал в соответствии с ним свои религиозные постановления – фетвы. Основные сподвижники имама аш-Шафии и шейхи шафиитского мазхаба того времени жили в Египте. В их числе были Исмаил ибн Ибрахим ал-Мазини, ар-Раби ибн Сулейман, Мухаммад ибн Абдаллах ибн ал-Хаккам и его брат Абд ар-Рахман. Абу Джафар захотел встретиться с ними и отправился в Египет, но по дороге заехал в Сирию и провел некоторое время в Бейруте. Благодаря пребыванию в Бейруте Табари познакомился с системой арабского стихосложения.

Табари был известен как поэт. Ал-Кифти написал о нем: «Он писал такие стихи, которые превосходили стихи многих других алимов», и привел в качестве образца следующие стихи:

*Если станет трудно мне,
 не узнает об этом мой друг,
Не будет мне нужды в нем в этот миг,
потому что ему знать о моей беде негоже.
Моя стыдливость сохраняет для меня
 мое достоинство,
А мягкость моя среди моих друзей –
 главный товарищ.*

Но если я отступлю
от своего достоинства,
То легко приду к тому,
что стану никому не нужным.

Есть две черты характера,
с которыми я никогда не смирюсь:
Надменность от богатства
и униженность от бедности.
Коли стал богат, так не кичись им.
А если беден ты,
будь выше удела своего.
(Перевод автора).

Вслед за Бейрутом Табари направился в Египет и прибыл в Фустат в 253/867 г. Здесь он встретился с Абу ал-Хасаном ас-Сарраджем ал-Мисри, который слыл знатоком арабского языка и литературы. Абу Джафар провел много времени в общении с ним и подробно расспрашивал его о фикхе, толковании хадисов, правилах арабского языка и поэзии.

Пребывание в Египте не было простым в материальном отношении, о чем свидетельствуют рассказы историков. Ал-Хатиб ал-Багдади рассказал любопытный случай, который произошел с Ибн Джариром в Египте. Однажды Табари и три его товарища, которых также звали Мухаммадами, заночевали в одном из домов Фустата. Они были голодными, сидели без куска хлеба и сошлись на том, что нужно бросить жребий и определить того из них, кто пойдет просить подаяние. Жребий выпал на Мухаммада ибн Исхака ибн Хузайму, но он сказал товарищам: «Подождите, я совершу омовение и исполню молитву о ниспослании добра – истихару». Пока все совершали молитву, в дверь постучал посланец – евнух наместника Египта. Они открыли двери, а евнух, сойдя с верблюда, спросил: «Кто из вас Мухаммад?» Тому, кто откликнулся первым, он отдал кошель с 50 динарами, а затем также поступил со всеми остальными товарищами, включая Табари. В ответ на недоуменные взгляды молодых людей, евнух рассказал: «Эмиру приснился сон о том, что какие-то ученые люди по имени Мухаммад страдают от голода, поэтому мой повелитель приказал найти этих людей и вручить каждому эти кошельки с деньгами» [7, с. 9].

Табари провел в Египте несколько лет, оттуда он еще раз съездил в Сирию, затем вернулся в Египет и продолжил изучать шафиитский фикх, познакомился также с маликитским мазхабом, научился кираатам Хамзы и Варша у кари Йунуса Абд ал-Аала ас-Садафи.

После пребывания в Египте Ибн Джарир переехал в Багдад окончательно. Здесь он пересказывал ученикам хадисы и предания, писал или диктовал ученикам свои сочинения, много читал, вел беседы и споры с лучшими учеными своего времени. Он твердо вознамерился полностью отдаться изучению книг и сочинительству, избегать всего, что будет мешать ему в этом. По сообщениям Ибн Асакира, во времена правления аббасидских халифов ал-Мутаваккила и ал-Мутаида пост вазира в Багдаде занимал Убайдаллах ибн Йахья ибн Хакан

ат-Турки (ум. в 263/876). Он был известен своим меценатством и покровительством ученым и писателям. Сначала Ибн Хакан послал в дар Абу Джафару большую сумму денег, но тот отказался принять ее. Затем он предложил Табари стать главным судьей – кадием, но тот отверг эту должность. Наконец, ему предложили пост смотрителя по жалобам, но и тогда ученый дал отказ. Товарищи Абу Джафара стали порицать его: «Не отказывайся! Ведь ты не только получишь свою награду, но и сможешь исполнять положения Сунны, которые ты изучал». Они очень хотели, чтобы Ибн Джарир занял пост смотрителя по жалобам. В назначенный вазиром день они пришли к Абу Джафару, чтобы вместе с ним отправиться для получения назначения, но алим отругал своих друзей и пристыдил их: «А я то думал, что даже если бы я согласился, то вы отговорили бы меня от этого поступка» [7, с. 9].

Ибн Асакир привел про Табари еще один рассказ. Один из товарищей спросил Абу Джафара: «Будешь ли ты доволен, если сможешь обучать детей вазира Абу ал-Хасана Ubaydallah ibn Yahya ibn Hakana?» – «Да», – ответил Абу Джафар. Тогда его товарищ отправился к вазиру и обустроил это дело, а затем отвел самого Ибн Джарира к сановнику, дав взаймы другу свое платье, поскольку у самого Табари приличной одежды не было. Вазир пообещал за работу выплачивать алиму по 10 динаров в месяц. В ответ Абу Джафар попросил, чтобы ему сохранили достаточно свободного времени для занятий наукой, изучения книг и совершения ежедневных молитв, а также обеспечили питанием.

Табари стал обучать детей вазира в специальном учебном классе, куда их из гарема ежедневно приводил евнух. Абу Джафар очень быстро научил детей читать и писать, и евнух, желая порадовать матерей, передал им письменную доску с запечатленными на ней результатами учебы. Каждая подарила учителю блюдо с динарами и дирхемами, но алим вернул все деньги обратно, не взяв себе ничего более того, о чем договорился с вазиром. Когда жены и наложни-

цы пожаловались на это самому Ибн Хакану, тот отправился к Абу Джафару и сказал: «Ты порадовал матерей моих детей успехами их сыновей. Они проявили к тебе свое почтение, но ты огорчил их отказом принять их дар». Ученый ответил: «Я не хочу ничего более того, на что дал согласие» [7, с. 10].

Ибн Джарир построил себе в Багдаде дом на пустыре квартала Йакуб, в котором он проводил время в молитвах, чтении, диктовке своих книг ученикам, поскольку в конце жизни сам уже не мог записывать тексты. Имеются сообщения, что в преклонном возрасте в 290/902 г. он еще раз посетил свою родину Амоль и с печалью обнаружил, что в этих краях прочно утвердился шиизм. После того он постоянно жил в Багдаде, занимая видное место в обществе, пользуясь уважением халифов и наместников, пока не умер в субботу за 2 дня до окончания месяца шавваль 310 г., что соответствует 16 февраля 923 г. Он был похоронен рано утром в воскресенье в своем доме. Ибн Хатиб сообщает, что на его поминальную молитву собралось бесчисленное множество людей, а над его могилой возносили мольбы-дуа к Аллаху денно и ночью еще несколько месяцев после его смерти.

Ибн Джарир проявил свой талант во всех направлениях мусульманской науки и в развитие каждого из них внес существенный вклад, став авторитетнейшим Имамом своего времени с большой буквы. Как и многие ученые и богословы того времени, Табари был ученым-энциклопедистом: прекрасно знал Коран, кирааты и все коранические науки, хадисы и их передатчиков, фикх, грамматику арабского языка и поэзию и многое другое. О широте его знаний свидетельствует список его трудов, который приведен в приложении.

Табари внес самый большой вклад в развитие тафсира, который в современных терминах обозначают как «мусульманская экзегетика». По мнению российского корановеда Д. В. Фролова, его монументальный труд «Свод изъяснения о толковании Корана» – «Джами ал-байан фи тафсир ал-Куран» «стал первым классическим комментарием

и самым авторитетным из них» [6, с. 406]. Эту же мысль подтвердил и другой российский исследователь Е. А. Резван [5, с. 144]. Сам Ибн Джарир писал о своем тафсире так: «С детских лет в моей душе жила мысль об этой книге. Я три года просил и молил Аллаха помочь мне в создании книги по тафсиру, и, наконец, Он услышал меня» [7, с. 12].

Табари написал свой тафсир после завершения работы над «Историей». Работа над ним длилась семь лет, с 283/896 по 290/903, при этом текст он записывал сам частично, а чаще диктовал ученикам. В конечном итоге, эта работа составила 30 тысяч листов текста, или, как сообщают другие, 30 томов в соответствии с количеством частей Корана – джузов. По сообщению Ибн ан-Надима, в «Фихристе» – «Указателе» ученики сократили текст тафсира Табари. Очевидно, что перед нами предстает сокращенный арабский текст, а не тот, что записал и надиктовал сам Табари. С первых дней своего существования этот труд получил широкое распространение. Более того, довольно рано, уже в середине X в., по приказу саманидского эмира Мансура ибн Йахьи тафсир был переведен на персидский язык, а Карл Брокельманн сообщает также о средневековом переводе на туркский язык.

В предисловии к тафсиру Табари изложил послания об иджазе-неповторимости Корана, кираатах – способах озвучивания Корана, о комментариях к названиям сур. Далее в рукописи следует толкование Корана слово за словом. В тексте тафсира приводятся высказывания сподвижников Пророка Мухаммада и последовавших за ними поколений муфассиров и алимов, а также филологические суждения грамматистов из Куфы и Басры, варианты различных чтений и разногласия кариев, суждения относительно языковых особенностей айатов, мнения об «отменяющем и отмененном» – насих вамансукх, о предписаниях шариата и разногласиях относительно них. Поскольку Табари придерживается принципа традиционного «толкования по преданию» – тафсир бин-накл, он часто опровергает мнения сто-

ронников «толкования по умозаключению» – тафсир бил-акл, которые вносили новшества в толкование Корана. В своем тафсире он приводит выдержки из более ранних достоверных толкований Корана Ибн Аббаса, Саида ибн Джубайра, Муджахида, Катады, Ал-Хасана, Иkrimы, Ад-Даххака ибн Музахима. Табари избегает использования ненадежных тафсиров, в том числе сочинения Мухаммада ибн ас-Саиба ал-Калби, Мукатила ибн Сулаймана, Мухаммада ибн Умара ал-Вакиди, поскольку сомневается в правильности их толкований Корана. Тафсир Табари стал самым популярным комментарием к Корану, на него опирались и более поздние классические тафсиры аз-Замахшари (ум. в 1144 г.) и Ибн Касира (ум. в 1373 г.).

К сожалению, рамки данной статьи не позволяют дать подробный анализ содержания этого фундаментального труда, поэтому мы ограничимся лишь приведенным выше кратким обзором особенностей тафсира Табари.

ПРИЛОЖЕНИЕ

СПИСОК ТРУДОВ ТАБАРИ [7, с. 15–18]

1. «Адаб ал-манасик» – «Правила исполнения обрядов хаджа».
2. «Адаб ан-нуфус» – «Этика».
3. «Ихтилаф улама ал-амсар» – «Разногласия ученых разных стран».
4. «Ахадис Гадир Хумм» – «Хадисы Гадир Хумм».
5. «Басит ал-каул фи ахкам шараи ал-ислам» – «Простые высказывания о положениях шариата».
6. «Ал-басир фи маалим ад-дин» – «Смотрящий на главных знатоков религии».
7. «Тарих ар-русул вал-мулук» – «История пророков и царей».
8. «Тахзиб ал-асар» – «Исправление преданий».
9. «Джами ал-байан фи/ан таавил ай ал-курран» – «Собрание разъяснений о толковании айатов Корана».
10. «Ал-джами фил-кираат» – «Свод кираатов».
11. «Хадис ат-тайр» – «Хадисы о гадании по птицам».
12. «Ал-хафиф фил-фикх» – «Упрощенное изложение фикха».
13. «Зайл ал-музаййал» – «Дополнение к приложению».

14. «Ар-радд ала ал-хуркусийа» – «Опровержение хуркуситам».
15. «Ар-радд ала зи ал-асфар» – «Опровержение книжникам»
16. «Ар-радд ала Ибн Абд ал-Хакам Али ал-Малик» – «Опровержение Ибн Абд ал-Хакаму Али ал-Малику».
17. «Сарих ас-сунна» – «Откровенное из Сунны».
18. «Турук ал-хадис» – «Методы [изучения] хадисов».
19. «Ибара ар-руйа» – «Выражение взгляда».
20. «Китаб ал-адад ват-танзил» – «Книга чисел и ниспослания».
21. «Китаб ал-фадаил» – «Книга достоинств»
22. «Латиф ал-каул фи ахкам шараи ал-ислам» – «Прекрасные речи о положениях шариата».
23. «Мухтасар ал-фараид» – «Краткое изложение по наследственному праву».
24. «Китаб ал-мустаршид» – «Книга руководствующегося».
25. «Ал-муснад ал-муджаррад» – «Сборник достоверных хадисов».

АРАБСКИЕ ИСТОЧНИКИ ПО БИОГРАФИИ ТАБАРИ

1. Йакут ал-Хамави. Муджам ал-удаба – «Словарь литераторов».
2. Ал-Хатиб ал-Багдади. Тарих Багдад – «История Багдада».
3. Ал-Кифти. Инбах ар-руват ала анбах ан-нухат – «Привлечение внимания передатчиков к сведениям о грамматистах».
4. Ас-Сафади. Ал-вафи бил-вафайат – «Подробное изложение кончин».
5. Ас-Суйути. Табакат ал-муфасссирин – «Классы муфасссиров».
6. Ибн Халикан. Вафайат ал-айан ва анба абна аз-заман – «Кончины знатных и сообщения о современниках».
7. Ибн Асакир. Тарих мадинат димашк – «История города Дамаск».
8. Ибн ан-Надим. Фихрист – «Указатель».
9. Ахмад Абу Бакр. Ахбар Аби Джафар ат-Табари – «Сведения об Абу Джафаре Табари».
10. Абд ал-Азиз ат-Табари. Сира Аби Джафар ат-Табари – «Биография Абу Джафара Табари».

Литература

1. Ат-Табари, Мухаммад. История посланников и царей. Ташкент: Фан. 1987.
2. Бартольд В. В. Соч. Т. 7. М.: Наука, 1971.
3. Древние и средневековые источники по этнографии и истории Африки южнее Сахары. Том 1. Арабские источники VII–X вв. М.; Л.: АН СССР. 1960.
4. Материалы по истории туркмен и Туркмении, Том I. VII–XV вв. Арабские и персидские источники. М.; Л.: АН СССР. 1939.
5. Резван Е. А. Введение в коранистику. Казань: Изд.-во Казан. ун-та, 2014.
6. Фролов Д. В. История мусульманского корановедения: сборник пособий по исламоведению и корановедению. М.: Восточная книга, 2012.
7. Ат-Табари, Абу Джа`фар Мухаммад ибн Джарир. Тарих Ат-Табари: тарих ар-русул вал-мулук. (на араб. яз. История Ат-Табари: история пророков и царей. Т.1). Каир: Дар ал-Ма`ариф, 1960.
8. Annales quos scripsit Abu Djafar ibn Djarir at-Tabari cum aliis edidit M. J. de Goeje, ser. I, III. Lugduni Batavorum, 1879–1901.
9. The History of al-Tabari. Tarikh al-Rusul wa'l muluk by Abu Ja'far Muhammad b Jarir al-Tabari. Vol. 1–40. SUNI Press. New York, 2007.

УДК 94(73)

Т. В. Пантюхина

ИНТЕГРАЦИЯ БОЛГАРСКИХ ИММИГРАНТОВ В АМЕРИКАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В XIX–XX ВВ.

В статье освещаются масштабы, этапы и особенности болгарской иммиграции в США в XIX–XX вв. в сравнении с другими переселенческими потоками из европейских стран; анализируются формы адаптации

болгарских переселенцев и их интеграции в американское общество.

Ключевые слова: Болгария, США, иммиграция, ассимиляция, адаптация, национальная идентичность.

T. V. Pantyukhina

INTEGRATION OF BULGARIAN IMMIGRANTS INTO AMERICAN SOCIETY IN THE XIX–XX CENTURIES

The article deals with the scope, phases and special features of Bulgarian immigration to the USA in the XIX – XX-th centuries in comparison with other immigration groups from European countries. The author analyses

ways of adaptation of Bulgarian immigrants and their integration into American society.

Key words: Bulgaria, the USA, immigration, assimilation, adaptation, national identity.

Проблема адаптации иммигрантов в социально-экономической и культурной среде принимающей страны активно разрабатывается социологами, социальными психологами, этнологами и географами. В настоящее время в теоретической мысли и общественной практике господствующими являются концепции культурного плюрализма и этничности. Они считаются наиболее приемлемыми для интерпретации современной ситуации в межэтнических отношениях. Данный подход нашел отражение в трудах З. С. Чертиной, Б. Г. Койбаева и многих других отечественных историков [2, с. 142; 1, с. 34–35]. Современные американские исследователи, в частности А. Портес, отмечают, что многие этнические меньшинства спустя много лет и даже десятилетий обитания на американской земле успешно противостоят ассимиляции и сохраняют свою этническую самобытность. По мнению А. Портеса и М. Зона, в современной Америке ассимиляционные процессы затрагивают лишь отдельные слои иммигрантского населения [9, р. 74–82]. Одни группы, например, иммигранты из Европы, с готовностью следуют по пути ассимиляции, усваивают ценностные нормы

и идеалы новой родины и интегрируются в американский средний класс. Такой путь оказывается недоступным для других групп иммигрантов в силу дискриминационных и прочих барьеров [10, р. 632–639].

Согласно третьей модели, иммигрантские группы выживают и находят свой путь к экономическому благополучию на новой земле путем сохранения культурно-исторических ценностей своей этнической группы, а также ее сплочения и солидарности. Сохраняя и укрепляя свою этническую самобытность, члены такой группы успешно противостоят аккультурации и переплавке в американском плавильном тигле. Уотерс подчеркивает, что подобное тяготение к своим этническим корням и своему этноокружению свойственно иммигрантам из низших социальных страт [11, р. 795–820].

Многие исследователи утверждают, что в настоящее время прибывающим в США этническим группам свойственна внутренняя разнородность. Люди различного материального положения, социального статуса и ценностных систем следуют по разным траекториям адаптации на новой родине. Часть из них усваивает принципы и образ жизни белого большинства, другие прини-

мают стиль жизни и мировоззренческие установки американских низших классов, третьи упорно придерживаются своих этнических корней и сохраняют связь как со своей исторической родиной, так и с родной диаспорой на новой земле.

Каковы особенности адаптации болгарских иммигрантов к американской действительности? Для выяснения этого вопроса нужно предварительно охарактеризовать масштабы и этапы эмиграции из Болгарии в Соединенные Штаты Америки.

До начала XX века болгарская иммиграция в Америку была незначительна. В XVIII–XIX вв. в США не было такого этнического сообщества как болгары, в отличие от немцев, поляков, итальянцев и других выходцев из Европы. Более того, сложно определить численность иммигрантов болгарского происхождения в указанный период, так как по приезде в США они часто регистрировали себя как турки, сербы, греки или македонцы в зависимости от того, в какой именно стране им был выдан паспорт. Одно время американская статистика учитывала их вместе с другой незначительной иммигрантской группой, а именно с румынами. Есть ещё одно обстоятельство, осложняющее изучение вопроса о численности болгар в США. В начале XX века, особенно в годы Балканских войн 1912–1913 гг. и во время Первой мировой войны, многие болгары в США были не иммигрантами, а мигрантами, которые, прожив какое-то время за океаном, возвращались затем на родину. К тому же, как известно из истории этой страны, границы болгарского государства часто изменялись, что ещё более осложняло вопрос определения национальности.

В силу всех перечисленных причин у историков мало данных о начальных этапах болгарской иммиграции в Америку. Сохранились сведения о том, что небольшая группа болгар, принявших протестантизм, были направлены в США для прохождения учебы во второй половине XIX в., и некоторые из них там остались. Другой достоверный факт – это переселение нескольких сотен болгарских крестьян в Канаду на рубеже XIX–XX вв. [1]. Однако это были спорадические группы.

Первая волна болгарской иммиграции в США была связана с разгромом в Македонии Илинденского восстания против турецкого господства в 1903 г. Поражение восстания и общая тяжелая экономическая ситуация в Болгарии вынудили 50 000 болгар иммигрировать в США, а примерно 10 000 человек – в Канаду в течение последующих десяти лет – с 1903 по 1913 гг. [5].

Однако и эти цифры не представляются значительными в сравнении с масштабами эмиграции из Западной Европы. Причины заключались в бедности большей части населения Болгарии: немногие люди имели финансовые средства для переезда за океан и обустройства на новой земле. К тому же американское иммиграционное законодательство в период между окончанием Первой мировой войны и до 1965 г. было основано на системе национальных квот, а болгары, как и другие выходцы из юго-восточной Европы, причислялись к нежелательным этническим группам. Иммиграционный закон 1924 г. допускал въезд иммигрантов болгарского происхождения в количестве 100 человек в год. Поэтому с 1924 г., когда были введены квоты, и до их отмены в 1965 г. всего лишь 7 660 болгар переехали в США. В Канаду, где иммиграционное законодательство было либеральнее, переселились примерно 8–10 тысяч человек из Болгарии в 20–30-х гг. XX в. [5]. К этим цифрам надо прибавить несколько тысяч болгар, которые въезжали в США нелегально через мексиканскую и канадскую границы или по паспортам других государств, имевших большие квоты.

Вторая волна болгарской иммиграции в США началась в 1945 г., что было связано с политическими изменениями в стране. В отличие от иммигрантов первой волны, которые в своём большинстве были крестьяне, послевоенные иммигранты были людьми образованными (юристы, врачи, учителя), покинувшими родину по политическим причинам.

Третья волна началась после крушения социалистического режима в Болгарии в 1989 г., когда открылись границы. С 1990 г.

и по настоящее время ежегодно примерно 1 000 человек переселяются из Болгарии в США. Как правило, это высококвалифицированные рабочие или люди с высшим образованием по востребованным специальностям.

Какадаптировались болгарские переселенцы на новой земле? На рубеже XIX–XX вв. болгары селились в славянских или балканских анклавах американских городов Среднего Запада или Северо-Востока, работая на фабриках, заводах и в шахтах Филадельфии, Кливленда, Чикаго, Сент-Луиса и Нью-Йорка. В начале XX в. в связи с развитием автомобильной промышленности Детройт стал домом для крупного болгарского сообщества. В 1910 г. 7 000 болгар проживали в этом городе, а ещё полторы тысячи человек – в ближайших к Детроиту городах.

Самая многочисленная болгарская община образовалась на рубеже XIX–XX вв. в штате Иллинойс, в треугольнике промышленных центров Гранитный, Мэдисон и Венеция. Эти центры сталелитейной и гранитной промышленности возникли на волне промышленного бума конца XIX в. и сразу же привлекли тысячи людей. Среди них были приблизительно 8–10 тысяч болгарских иммигрантов из Македонии (цифры на 1905 г.) [6]. Они не были самой крупной этнической группой в этом районе: численно преобладали поляки и чехи. Однако болгар здесь было больше, чем словаков, хорватов, словенцев, сербов, украинцев, греков, венгров и литовцев. Только отчаянно нуждающиеся в работе люди могли согласиться на труд в сталелитейных и гранитообрабатывающих цехах, где условия были тяжелы в силу технологии процесса, а также потому, что максимальная продолжительность рабочего дня и рабочей недели, согласно законодательству штата Иллинойс, была выше, чем в других штатах. К тому же это было вредное для здоровья производство, но законы штата позволяли предпринимателям обходить вопросы охраны здоровья.

В массе болгарских иммигрантов в промышленном треугольнике Иллинойса преобладали мужчины. Было всего 4 семьи

при общей численности болгар в 8–10 тысяч человек. Рабочие проживали в условиях скученности и антисанитарии. Согласно социологическому исследованию того времени, в доме для рабочих, известном под названием «Голодная лощина», в 1913 г. проживали 200 человек в 45 комнатах [6]. В рабочих районах не было мест для организации свободного времени: ни клубов, ни читален. Свой досуг рабочие проводили в питейных заведениях. Таковым было положение не только в Иллинойсе. Правительственная комиссия по иммиграции в своем отчете за 1911 г. указывала, что в самых худших жилищных условиях проживают следующие группы иммигрантского населения: выходцы из Богемии и Моравии, болгары, хорваты, македонцы и румыны [7, р. 432].

При всей тяжести жизни и труда болгарские иммигранты Иллинойса делали попытки сохранить свою национальную идентичность. В 1907–1910 гг. здесь начали действовать две болгарские православные церкви¹. Начали издаваться болгарские газеты. Их было четыре: «Глас народа», «Македония», «Рабочая правда» и «Глас Македонии», однако, за исключением первой из них, выходили они недолгое время.

Относительно крупная концентрация болгар в Иллинойсе и Детройте в начале XX в. нетипична для болгарской иммиграции. Как правило, болгары расселялись по всей Америке. В одном из отчетов по иммиграции за 1910 г. говорится, что они оседали буквально в каждом штате, включая далёкую Аляску и Гавайи, тем самым вызывая удивление. «Как могло прийти в голову ста десяти сербам и болгарам намерение отправиться на Аляску, ста шестнадцати – в Оклахому, а ста тридцати семи – в Новую Мексику, непонятно и удивительно», – изумляется автор отчета [8].

Болгары в Америке не образовывали отчетливо узнаваемых этнических сообществ, как, например, итальянцы, немцы или поляки. В Америке не было «малых Болгарий», которые могли бы послужить источником формирования стереотипов

1 Обе церкви являются ныне действующими. В 1978 г. их посетил болгарский патриарх Максим (прим. авт. – Т. П.)

восприятия этой нации американцами. По мнению Николая Атланкова¹, болгары сами были виноваты в том, что новая родина не проявляла никакого интереса к их этнической самобытности. Они держались в стороне от политики и общественной жизни, не прилагали усилий к демонстрации своей этнической идентичности, ограничивали своё общение узким кругом родственников и друзей. Как результат, мало кто из американцев мог отличить болгар от других славян или венгров, с которыми те проживали рядом. Другим следствием такого положения было то, что на болгар распространялись те же предрассудки и неприязненное отношение, что и на поляков, венгров и представителей юго-славянских народов. Все они были, говоря словами Вудро Вильсона, 28-го президента США и автора 5-томной «Истории американского народа» (1902 г.), «захудалые ничтожества, у которых нет профессиональных навыков, энергии, инициативности или остроты ума» [12, р. 212]. Поэтому их уделом была неквалифицированная, низкооплачиваемая и зачастую опасная работа, от которой сами американцы отказывались.

Совершенно другим было положение иммигрантов, прибывших после Второй мировой войны. Будучи политическими бежен-

цами антикоммунистической ориентации, они были радушно встречены в Америке, находившейся тогда в состоянии «холодной войны». Их преимуществом перед предшествующими болгарскими иммигрантами было высшее образование, что гарантировало им хорошие финансовые перспективы на новой родине. Однако в силу своей малочисленности эта волна иммиграции не сформировала болгарского этнического сообщества, которое оказалось бы заметным в многокрасочной этно-расовой панораме США. «Энциклопедия американского фольклора», фундаментальное издание в 1650 страниц, не содержит никакой информации о традициях и обычаях болгарских американцев [3].

Второе поколение болгарских иммигрантов в США, особенно дети тех, кто приехал в страну в начале XX в. и подвергался дискриминации, как правило, выстраивали свою жизнь без ориентации на свои этнические корни. Выучившись в американских школах, восприняв американскую культуру, они стремились избавиться от признаков своей этнической принадлежности. Они говорили исключительно на английском языке, вступали в брак с представителями других национальностей, не придерживались болгарских обычаев и традиций. Другими словами, второе поколение болгарских американцев ассимилировалось путём утраты своей национальной идентичности.

¹ Николай Атланков – один из первых болгар, прибывших в США в последней трети XIX в. для изучения протестантской религии. Его работа «Болгарские американцы» считается первым исследованием о болгарях в Америке. Издана в 1979 г.

Литература

1. Койбаев Б. Г. Проблема культурной адаптации и интеграции иммигрантов в немецкое общество во второй половине XX века // Гуманитарные и юридические исследования. 2014. № 2.
2. Чертина З. С. Плавильный котел? Парадигмы этнического развития США. М.: ИВИ РАН, 2000.
3. American Folklore. An Encyclopedia / ed. by J. H. Brunvand. Garland Publishing, Inc. N.Y. & L., 1996.
4. Bulgarian Americans. [Electronic resource]. URL: <http://www.everyculture.com/multi/Bu-Dr/Bulgarian-Americans.html> (Accessed: 23.03.2015).
5. Bulgarian immigration. [Electronic resource]. URL: <http://northamericanimmigration.org/47-bulgarian-immigration.html> (Accessed: 23.03.2015).
6. Cassens D. The Bulgarian Colony of Southwestern Illinois, 1900–1920 // Illinois Historical Journal, Vol. 84. (Spring, 1991). [Electronic resource]. URL: <http://www.promacedonia.org/en/ill/ill.html> (Accessed: 23.03.2015).
7. Harvard University – Collection Development Department, Widener Library, HCL / United States. Abstracts of reports of the Immigration Commission: with conclusions and recommendations, and views of the minority (in two volumes) / presented by Mr. Dillingham. Washington: G.P.O., 1911. V. I. [Electronic resource]. URL: <http://nrs.harvard.edu/urn-3:FHCL:949022> (Accessed: 23.03.2015).

8. *Harvard University – Collection Development Department, Widener Library, HCL / Balch, Emily Greene. Our Slavic fellow citizens. New York: Charities Publication Committee, 1910. [Electronic resource] URL: <http://nrs.harvard.edu/urn-3:FHCL:777606>*
9. *Portes A., & Zhon M. The new second generation: Segmented assimilation and its variants // Annals AAPSS. 1993.*
10. *Portes A. Introduction: Immigration and its aftermath // International Migration Review. 1994. Vol. 28.*
11. *Waters M. C. Ethnic and racial identities of second-generation black immigrants in New York City // International Migration Review. 1994. Vol. 28. P. 795–820.*
12. *Woodrow Wilson. A History of the American People. New York, 1902. V. 5. [Electronic resource]. URL: <http://ia600308.us.archive.org/17/items/historyofamerica05wilsuoft/historyofamerica05wilsuoft.pdf>. (Accessed: 23.03.2015).*

УДК 63.3

Г. В. Рокина

ИНОСТРАННЫЕ ПЛЕННЫЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В МАРИЙСКОМ КРАЕ

В статье предпринята попытка обобщить доступные материалы по истории Первой мировой войны на территории современной Республики Марий Эл: дан обзор архивных источников, историография проблемы, подробно раскрыта тема пребыва-

ния иностранных военнопленных в Царевококшайском лагере.

Ключевые слова: Первая мировая война, Государственный архив Республики Марий Эл, военнопленные, Царевококшайский уезд.

G. V. Rokina

THE FOREIGN WAR PRISONERS OF WORLD WAR I IN MARI REGION

The author attempts to summarize the available materials on the history of the First World War on the territory of the modern Republic of Mari El. The article contains a review of archival sources and the historiography of the problem. A detailed anal-

ysis is provided on the subject of the stay of foreign prisoners in the camp of Tsarevokokshaisk.

Key words: World War I, The State Archives of the Republic of Mari El, prisoners of war, Tsarevokokshaisk county.

Первая мировая война перевернула обычный миропорядок и стала трагедией в судьбе европейских народов и народов России. На долгие годы Запад и Восток погрузились в разрушительный хаос кровавой бойни. Для многонациональной Российской империи эта война закончилась фатально и стала началом ее гибели, как, впрочем, и для ряда империй противоборствующего военно-политического блока.

Трагедия Великой войны коснулась и поволжского марийского края, хотя здесь не проходила линия фронта. До Октябрьской революции 1917 г. территория, где проживало коренное население – марийцы, не являлась самостоятельной административной единицей, и население Марийского края входило в состав Казанской, Вятской, Нижегородской, Уфимской и Екатеринбургской губерний. Во время Великой

войны этот регион оказался в тылу боевых действий: местное население испытало все тяготы призыва, помощи фронту, приема пленных и беженцев.

В отечественной историографии нет специальных исследований, посвященных истории Первой мировой войны на территории Марийского края. До недавнего времени исследования региональных историков, которые хронологически охватывали и период Первой мировой войны, были посвящены вопросам участия жителей края в Октябрьской революции и гражданской войне, борьбе политических партий [9]. Тем не менее существует значительная источниковая база, которая позволяет не только реконструировать события войны, но и передать настроения местного населения, судьбы отдельных людей.

В Государственном архиве Республики Марий Эл (далее – ГА РМЭ) в архивных фондах хранятся документы периода Первой мировой войны [12]. Основная масса сведений, характеризующих это время, сосредоточена в фондах «Царевококшайская уездная земская управа Казанской губернии» и «Козьмодемьянская уездная земская управа Казанской губернии». О деятельности губернских органов управления по руководству уездами в годы Первой мировой войны в архиве хранятся распоряжения и постановления казанского губернатора, его воззвания к уездным и волостным органам управления, мирному населению губернии, направленные не только на решение каких-либо конкретных практических дел, но и обращенные к лучшим патристическим чувствам населения. В отчетах земских управ и различных благотворительных организаций, действовавших в Козьмодемьянском и Царевококшайском уездах Казанской губернии, имеются многочисленные документы об участии населения в оказании помощи больным и раненым воинам, беженцам, семьям, оставшимся без кормильцев и т. п.

Документы архива свидетельствуют, что в Царевококшайском и Козьмодемьянском уездах Казанской губернии сразу после по-

лучения известия о начале войны были созваны земские собрания. 30 июля 1914 г. состоялось 40-е чрезвычайное земское собрание Царевококшайского уезда. По предложению председателя Царевококшайской управы Н. Черкасова делегатами собрания был отслужен молебен о здравии всей царственной семьи и «о даровании воинству победы над дерзновенным врагом...Защищая честь и славу Родины, русский народ в могучем порыве стихийно сметет вероломного врага, дерзнувшего посягнуть на достоинство Великой России», также были рассмотрены вопросы об оказании помощи российскому правительству в военное время [1, л. 22.].

В воззвании казанского губернатора к жителям губернии в августе 1914 г. говорилось: «Для успеха в борьбе, для того чтобы раздавить врага, нам нужно единение, нужно, чтобы все, как один человек, верили бы в правое славянское дело и по первому призыву царя стали под знамена для того, чтобы победить или умереть за величие и счастье родины. ...Для нас, оставшихся дома, открывается широкое поле другой святой обязанности. Это необходимость скорейшей организации в широкой мере сбора пожертвований в пользу больных и раненых. Как бы ни была мала лепта, все же в совокупности она заживит не одну рану нашего славного воина» [1].

10 ноября 1914 г. казанский губернатор уведомил председателя Царевококшайской земской управы о том, что «Государь Император соизволил сердечно благодарить Царевококшайское очередное земское собрание за верноподданнические чувства, выраженные по поводу военных действий».

С первых месяцев войны в крае был организован помощь фронту и госпиталям. Принимать пожертвования в пользу больных и раненых воинов разрешалось священникам и муллам Козьмодемьянского и Царевококшайского уездов, медицинским и ветеринарным врачам, заведующим земскими, министерскими и церковно-приходскими школами, гласным земств, лесни-

чим, становым приставам. Люди приносили холст, сорочки и кальсоны, нитки, салфетки и полотенца, продукты питания, папиросы, табак. В конце 1914 г. председатель Царевококшайской земской управы Н. Черкасов обратился к волостным сельским старостам с просьбой «пожертвовать для войск кто сколько может сухарей, хотя бы по одному фунту со двора. Сухари должны быть из хорошего белого или черного хлеба размером в длину и ширину по одному вершку и толщиной в $\frac{1}{4}$ вершка, сушеные в печах на досках» [1]. Отправлять сухари требовалось в чистых холщовых мешках. Все собранные пожертвования доставлялись на повозках сначала в Казанское общество Красного креста, а затем отправлялись на фронт.

В начале 1915 г. на имя Царевококшайской земской управы и ее председателя пришла благодарность от председательницы Казанского общества Красного креста Елизаветы Николаевны Боярской за пожертвования, собранные среди населения уезда [1].

Главной «военной темой» для региональных историков стала проблема беженцев и военнопленных, которая впервые была поднята Г. И. Кирилловым в 1990-е годы [4, 7, 10].

Казанская губерния стала одним из основных центров размещения беженцев, интернированных и военнопленных. Уездный Царевококшайск, столица Марийского края, был одним из городов Казанской губернии, где также содержались военнопленные.

Присутствие военнопленных в городе было одной из примет военного времени. В Царевококшайске находились офицеры и солдаты австро-венгерской и германской армий, взятые в плен в основном в конце 1915 и начале 1916 гг. Из ста с лишним офицеров в контингенте пленных 1916 г. один имел чин майора, четверо были капитаны, девять – штабс-капитаны и остальные – поручики, подпоручики, лейтенанты, прапорщики и кадеты. В соответствии с международным правом, которое строго соблюдалось вплоть до революционных со-

бытий, пленные офицеры получали довольно приличное по тем временам жалование – 50 рублей, имели право выходить в город на один час в строго определенное время. В ГА РМЭ в фонде «Воинский начальник Царевококшайского уезда Казанской губернии» есть именные списки военнопленных, ведомости об их числе и передвижении, сведения о гражданских специальностях [1].

Термин «лагерь военнопленных» не означал в данном случае обнесенных забором барачных, а понимался условно. В Царевококшайске не нашлось помещений, пригодных для организации полноценного лагеря для военнопленных, поэтому пленные были размещены казарменно на частных квартирах.

Как свидетельствуют архивные документы, военнопленные офицеры размещались на втором этаже полукаменного здания мещанина Александра Степановича Чернова на Кирпичной (ныне Кремлевской) улице и в двухэтажном полукаменном доме протоиерея Воскресенского собора Алексея Петровича Азановского на улице Тихвинской (ныне Горького). По сохранившимся материалам музея города Йошкар-Олы (современное название Царевококшайска) пленные офицеры были также расселены в доме Антоновых [5].

В составе пленных, оказавшихся в Царевококшайске, число офицеров в 2–3 раза превышало число солдат, так как в маленьком городе негде было применить солдатскую рабочую силу и крупные партии солдат сюда не направлялись. К концу 1915 г. в городе находились 27 офицеров и 16 нижних чинов австрийской армии. Постепенно количество военнопленных увеличивалось, данные на 1 февраля 1918 г. были следующие: 90 офицеров и 28 солдат. Так, в мае 1916 г. в городе Царевококшайске содержались сто пленных офицеров, до войны работавших учителями, инженерами, юристами, врачами, были журналисты, геолог, бухгалтер, нотариусы.

Режим и условия, установленные для военнопленных, были довольно мягкими и либеральными, что также определялось

международными договорами и контролировалось международной организацией Красный крест. Распорядок дня был следующий: в 6 утра подъем; в течение часа пленные офицеры одевались, умывались, убирали постель; с 7 до 8 часов прапорщик Чернов совместно с дежурным по команде проводили их утреннюю поверку и смотр, после чего они с 8 часов в течение часа завтракали. Часы с 9 до полудня были отведены для часовых прогулок пленных. На прогулки они выходили колоннами или несколькими партиями в сопровождении ратников конвоя и прапорщика Чернова. Однако с увеличением количества военнопленных было выделено дополнительное время для прогулок после обеда. С послеобеденными прогулками военнопленных связан один любопытный курьез. Довольно часто их водили по Покровской и Вознесенской улицам Царевококшайска, которые огибали здание Полицейского управления до женского монастыря. Именно в эти часы после занятий, приблизительно с 16 до 19 часов, здесь гуляли гимназистки. Совершенно понятна и естественна та тяга и желание, почему молодые австрийские офицеры стремились по весне гулять по этому маршруту. Поэтому педагогический совет Царевококшайской женской гимназии был вынужден попросить уездного воинского начальника не допускать прогулок военнопленных по тем улицам после 16 часов вечера. Разумеется, просьба была удовлетворена. При выгуле военнопленных воинский начальник Недашковский требовал от ратников строго соблюдать правила и инструкции. В его управлении прогулки им разрешались в виду гигиены, а не веселого времяпрепровождения. Но, несмотря на все принимаемые меры предосторожности, военнопленным в Царевококшайске удавалось каким-то способом общаться с обывателями города, что им строжайше запрещалось. Так, например, 8 марта 1916 г. дежурный по команде застал военнопленного кадета Александра Барто за разговором с военнообязанной женщиной-немкой. Естественно, что за такое нарушение Алек-

сандр Барто по приказу Недашковского был арестован на 7 суток при Управлении, а ратника, окарауливавшего пленных офицеров, за то, что допустил женщину-немку в помещение пленных офицеров, арестовали на 10 суток [1].

Большая часть военнопленных, состоящая из офицеров, проводила день в полнейшем безделье. Их даже не использовали ни на каких работах, не разрешали найти работу в городе по своей специальности. Поэтому военнопленные при попустительстве охраны довольно часто в теплое время года уходили в так называемые «самоволки». В конце концов Недашковский решил, что полицейские должны задерживать тех военнопленных, которые «праздно шатаются без конвоя» по городу. С ужесточением режима в самоволки стали отлучаться главным образом денщики офицеров.

Несколько иными были условия жизни и быта нижних чинов из числа военнопленных. Их повседневная жизнь была наполнена всевозможными хлопотами и обязанностями. Все нижние чины делились на несколько категорий: денщики, портные, сапожники, огородники, прислуживающий персонал при медпункте и кашевар. Один денщик, как правило, полагался на четырех офицеров. Денщики помогали офицерам, в частности, в приготовлении пищи, которая готовилась по месту жительства последних. Категория денщиков была наиболее многочисленная среди нижних чинов.

Второй по численности категорией являлись сапожники. Их в управлении было 10 человек. Все они ежедневно работали в сапожной мастерской, располагавшейся в доме Лебедева на Кирпичной улице. Также в управлении среди пленных было двое огородников. В их обязанности входила разбивка огородов и ежедневная работа на них летом. Зимой же они исполняли обязанности денщиков. Кроме этого, при управлении в октябре 1915 г. был организован медпункт для военнопленных. Его обслуживали один врач – Теодор Манн, один студент медик – Юзеф Катона и два нижних чина, исполнявших обязанности санитаров.

В августе 1916 г. медпункт был упразднен в связи с тем, что Катона и Манн репатриированы на родину.

Все военнопленные нижних чинов были заняты какой-либо подённой работой в течение всего дня. Рабочий день у них был аналогичным по продолжительности, как и у гражданских работников их профессий (сапожников, санитаров, портных, и др.) в данной местности. Рабочая неделя составляла 6 дней, а воскресенье был днем отдыха. В воскресенье пленные целый день занимались исключительно своими делами. Как правило, в эти дни они обязательно справляли церковную службу. Многие из них в этот день занимались тем, что писали письма на родину. Они могли также играть в шахматы и карты. Во избежание эксцессов играть в карты на деньги было запрещено. Пленным разрешалось играть на музыкальных инструментах, поэтому они практически ежедневно по несколько часов музицировали на балалайках, скрипках и духовых инструментах, которые привезли с собой 66 военнопленных офицеров из Чистополя. Играли они исключительно берлинские марши и венские вальсы. Со временем музицирование военнопленных настолько надоело горожанам, что уездному исправнику пришлось пожаловаться уездному воинскому начальнику на это «безобразие». В связи с этим Недашковский ограничил право музицировать военнопленным. С апреля месяца они могли играть на инструментах только до полудня, после чего шуметь им категорически запрещалось. Помимо повседневных развлечений военнопленным было позволено праздновать Рождество Христово и дни тезоименитства императоров Вильгельма и Франца-Иосифа.

После революции 1917 г. жизнь и быт военнопленных в России испытывали воздействие потрясений и сдвигов, происходивших в стране. С одной стороны, имела место либерализация режима содержания

пленных – они получили больше возможностей для самоорганизации и выражения своих интересов. С другой – вместе с нарастанием экономических трудностей ухудшалось их материальное положение, стали отмечаться факты недоставки пленным писем, посылок и переводов. Военнопленные добивались облегчения условий своей жизни в плену. По ряду моментов власти шли им на встречу. Так, в конце декабря 1917 г. в приказе по Казанскому военному округу были обнародованы правила, устанавливающие особые льготы для военных поляков: более свободное содержание, большая свобода передвижения, объединения и др. Данные правила распространялись также на военнопленных чехов, словаков и украинцев. На основании этих льгот военнопленные всех национальностей вскоре начали через своих представителей добиваться большей свободы содержания. Наряду с общими заявлениями военнопленных поступали и заявления отдельных лиц с конкретными просьбами.

Последние пленные из Царевококшайска были отправлены в Казань осенью 1918 г., на этом завершилось пребывание австро-венгерских и германских военнопленных в Царевококшайске в годы Первой мировой войны.

Таковы лишь некоторые штрихи к военному портрету приволжского Марийского края, население которого, так же как и всей России, было вырвано из привычного жизненного миропорядка. Население столицы края увеличилось в это время почти на треть за счет прибывших пленных и беженцев, изменились быт и уклад городской жизни; села обезлюдели после мобилизации мужского населения. С новым опытом возвращались с фронта демобилизованные солдаты и репатриированные пленные. Эти и многие другие сюжеты времен Первой мировой войны еще ждут своих исследователей.

Литература

1. Государственный архив Республики Марий Эл. Ф.18. Оп. 1. Д. 957.
2. Греков Н. В. Германские и австрийские пленные в Сибири (1914–1917) // Немцы. Россия. Сибирь: сб. статей. Омск: Изд-во ОГИК музея, 1997.
3. История Марийской АССР. Т. 1. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1986.

4. Кирилов Г. И. Австро-венгерские военнопленные в уездном Царевококшайске // Марийский археографический вестник. 1995. № 5.
5. Комелина Л. Н. Первая мировая война и город Царевококшайск (по материалам музея истории города Йошкар-Олы) // Запад – Восток. 2014. № 7.
6. Кудрявцев А. Н., Соколов А. В. В окопах и плену: солдатский дневник времен Первой мировой войны // Запад – Восток. 2014. № 7.
7. Лукиных Н. А., Попова Е. А. Уездный Царевококшайск в годы Первой мировой войны (по материалам Государственного архива Республики Марий Эл) // Запад – Восток. 2014. № 7.
8. Люкшин Д. «Да за нашими бабами вьются». Военнопленные в крестьянской России // Родина. 2002. № 10.
9. Патрушев А. С. Марийская деревня в период империализма. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1974.
10. Иванов А. А., Иванов А. Г. Историки Марий Эл XX – начала XXI века. Йошкар-Ола: МарГУ, 2013.
11. Рокина Г. В. Австро-венгерские военнопленные Первой мировой войны в Марийском крае // Социальные последствия войн и конфликтов XX века. М.; СПб.: Нестор-История, 2014.
12. Рокина Г. В. Предисловие // Запад – Восток. 2014. № 7.
13. Соболева В. Документы Государственного архива Республики Марий Эл о деятельности уездных органов самоуправления в Марийском крае по оказанию помощи беженцам в годы Первой мировой войны // Вестник Марий Эл. 2003. № 3.
14. Суржикова Н. В. Военный плен в российской провинции (1914–1922). М.: Политическая энциклопедия, 2014.

УДК 94(4)

М. В. Стрелец, О. И. Билевич

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ БЕЛОРУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ В 1918–1939 гг.

В статье рассмотрены некоторые аспекты деятельности белорусской эмиграции в межвоенный период. Авторы затрагивают различные направления деятельности культурных организаций белорусской эмиграции.

Ключевые слова: белорусская эмиграция, США, Латинская Америка, Западная Беларусь, организация «Хаврус».

M. V. Strelez, O. I. Bilevich

SOCIAL, POLITICAL AND CULTURAL ACTIVITIES OF BELARUSIAN IMMIGRATION IN 1918–1939

The article deals with some aspects of Belarusian emigration in the interwar period. The authors cover various activities of cultural organizations of Belarusian emigration.

Key words: Belarusian emigration, the USA, Latin America, Western Belarus, the «Havrus» organization.

Экономические проблемы, тяжёлые условия жизни вынуждали часть жителей Западной Беларуси эмигрировать как на американский континент, так и в европейские страны. Особенностью эмиграции с Западной Беларуси было преимущество американского направления над европейским [2, с. 377]. Поселения белорусов в Европе были не очень многочисленные. В Европе

сконцентрировалась в основном политическая эмиграция, интеллигенция белорусского зарубежья, которая выражала большую активность в общественно-политической, культурной и научной сферах. По свидетельству официальной польской статистики, с 1927 до 1938 года с Виленского, Новогрудского, Белостокского, Полесского воеводств выехали на постоянное место жительства

в другие страны 97,6 тысяч человек [3, с. 54]. По подсчётам американского исследователя белоруса Евгения Колубовича, в межвоенный период количество организованной политической эмиграции составило 122 тысячи человек [4, с. 212].

Одним из первых белорусских лидеров приехал в США Антон Черепук. Вместе с В. Трофимовичем и П. Чопко он создал первые организационные собрания белорусов в Чикаго в 1920 году, где был основан Белорусский национальный комитет (позднее – Белорусский национальный союз) под руководством Иосифа Воронко. Комитет поставил задачу создать массовую организацию белорусов. Это была первая белорусская организация в США, вокруг которой начали группироваться национально сознательные силы. Уже тогда комитет активно реагировал на политические события в Беларуси и в мире, выражал протесты против антибеларусского Рижского мира, положил начало празднованию 25 марта – дня провозглашения БНР, собирал средства на поддержку освободительного движения в Вильнюсе, оказывал финансовую помощь белорусским гимназиям на родине. Комитет выдавал даже свою газету под названием «Белорусская трибуна». Эта организация была первой и немногочисленной, однако просуществовала до Второй мировой войны и оказала существенную помощь белорусам новой, послевоенной волны. Белорусский национальный комитет наладил связи с белорусским политическим руководством в различных кругах Западной Европы и предложил некоторым белорусским деятелям переехать в Соединенные Штаты Америки. Белорусские политические лидеры, имея статус эмигрантов, много могли бы сделать для белорусского дела в новой стране обитания.

В 1923 г. в Чикаго была создана Белорусско-американская национальная ассоциация, которую возглавил первый глава правительства БНР Иосиф Воронко. В США, где в межвоенный период поселилось около 100 тысяч белорусов, организация белорусской жизни сдерживалась недостатком об-

разованных и национально сознательных лиц среди эмигрантов. Во многих случаях в белорусские организации проникали левые элементы, которые брали руководство в свои руки и поворачивали их в просоветском и прокоммунистическом направлении. Многие белорусские организации вошли в общеславянские и российские структуры, отрицательно реагировавшие на возрождение белорусского национального движения [5, с. 209].

В Латинской Америке, где проживало около 350 тысяч белорусов, наиболее организованной была диаспора в Аргентине. В 1939 г. белорусские культурно-просветительские организации объединились в Федерацию белорусских обществ, деятельность которой определялась просоветскими настроениями и ориентацией на русскую культуру. Многие западнобелорусские переселенцы присоединялись к профсоюзному движению и компартии Аргентины. В конце 20-х годов был создан Союз украинских и белорусских рабочих организаций Аргентины, воплотивший волю украинских и белорусских эмигрантов к организационному сплочению (в 1934 г. он насчитывал 3 тысяч членов). Однако противостояние украинских национал-коммунистов и белорусских коммунистов-космополитов и гонения властей в связи с политизацией союза в просоветском направлении привели к развалу этого объединения. Белорусско-украинский союз действовал и в Бразилии. В США в связи с президентской кампанией в 1936 г. был создан белорусско-украинский республиканский клуб. В Америке значительная часть белорусских эмигрантов попала под влияние русских и польских организаций либо присоединилась к украинским. Например, выходцы из Западной Беларуси составляли большинство созданных в 30-е годы XX века в Канаде русских клубов, объединенных в 1942 г. в Федерацию русских канадцев [6]. В межвоенный период наиболее активные и влиятельные белорусские эмигрантские организации сложились в Латвии, Литве, Чехословакии, Франции, США и Аргентине. Центрами белорусской

политической деятельности в Европе были в первой половине 20-х годов Берлин, затем Прага, в 30-е годы – Франция, в конце 30-х годов – снова Прага и Берлин. В Чехословакии, правительство которой симпатизировало славянским эмигрантам, действовала самая многочисленная группа белорусской эмиграции: в Праге находились правительство и Рада БНР, лидеры эсеров и других политических организаций, студенческие и молодежные организации, жили и творили белорусские поэты Владимир Жилка и Лариса Гениуш. Политическую деятельность руководящие органы БНР продолжали до начала Второй мировой войны [6].

Франция была известна среди населения Западной Беларуси как одна из стран Антанты, что победила в Первой мировой войне Германию. В ходе военных действий Франция понесла большие человеческие и материальные потери. В тоже время она приобрела богатые природными ресурсами новые колонии, которые были разрушены в результате войны, и их необходимо было восстанавливать. Эмигрантов из разных стран Европы привлекали высокие темпы экономического роста страны, развитие промышленности, транспорта, строительства, сельского хозяйства. Всё это требовало множества рабочих рук, а значит, обещало работу и заработка. К тому же Франция в основном католическая страна. С этим обстоятельством связан переезд сюда жителей европейских стран католического вероисповедания. В числе 3,5 миллионов эмигрантов Франции межвоенного периода было около 35 тысяч белорусов-католиков. По примеру других эмигрантов белорусы тянулись к организованному образу жизни. Вначале они создали в Эльзасе и Лотарингии несколько кружков и организаций, которые имели в основном дружеско-семейный характер. Два года (1927–1929 гг.) работал такой кружок в Бианкуре. Он насчитывал около 50 белорусов-эмигрантов. Кружок был организован работником «Рено» Сорокой [1].

Началом самостоятельного организованного движения белорусской трудовой эмиграции можно считать декабрь 1930 г.,

когда по инициативе двух молодых инженеров-строителей, выпускников Карлова университета, Николая Абрамчика и Леона Рыдлевского была основана культурно-просветительская организация белорусских работников под названием «Хаврус». Усилиями руководителей «Хаврус» приобрела юридический статус и право открывать свои отделения по всей стране. Идея создания общепольской организации нашла большую поддержку среди эмигрантов-белорусов. За первые 8 месяцев деятельности Генерального совета «Хавруса» было создано и официально утверждено 5 филиалов организации. Однако после двух лет существования «Хаврус» прекратила свою деятельность по той причине, что его руководители не получили разрешения на проживание в стране.

В 1935 г., после того как Николаю Абрамчику, последнему президенту Рады БНР, удалось переехать на постоянное место жительства во Францию, деятельность «Хавруса» была возрождена. Её руководство начало выпускать на литографе «Бюллетень организации». В нем излагалась хроника жизни на Родине, печатались произведения белорусских писателей. При «Хаврусе» была открыта библиотека-читальня на 50 мест, организованы каждодневные курсы по подготовке специалистов для белорусской деревни, которые стремились изучить отечественное культурное наследие. В 1930 г. был создан «Союз белорусской трудовой эмиграции», насчитывавший несколько тысяч членов, который осуществлял активную национальную деятельность.

С 1938 г. начала выходить газета «Эхо», орган белорусской трудовой эмиграции. Печаталась как кириллицей, так и латиницей, для того чтобы охватить как можно больше читателей из числа обучавшихся в польских школах. Корреспондентский актив газеты был очень ограничен. В большинстве своём белорусские эмигранты не владели белорусским литературным языком или вообще были неграмотными. Однако они проявляли высокую активность в организации национальной жизни на чужбине.

Белорусы совместно отмечали белорусские национальные праздники, проводили литературные вечера, участвовали в художественной самодеятельности. Неплохо организованную эмигрантскую жизнь белорусов во Франции прервала Вторая мировая война. В 1939 г. впервые во французскую армию были призваны эмигранты. В соответствии с новым законом Франции более 6 тысяч белорусов воевали против Германии, а после оккупации страны немецкими войсками – в рядах движения Сопротивления [1].

В тот период Великобритания не была страной наиболее массовой эмиграции из белорусских земель. Чаще белорусы выезжали в США, Канаду, Бразилию, Аргентину, а в Европе – в Германию. Однако британские порты традиционно были пунктами транзита эмигрантов на пути за океан. На стремлении выехать за рубеж на работу в белорусских губерниях хорошо зарабатывали специальные эмиграционные агенты. Они, как представители различных (прежде всего европейских) пароходных компаний, предлагали желающим возможности более простого выезда в Европу или Америку.

Во времена после Первой мировой войны в период создания новых независимых государств, в том числе и восстановления польской государственности, наблюдалась даже реэмиграция из Великобритании. Согласно британской переписи 1921 г. на территории страны проживали около 45 тысяч эмигрантов из «польских земель». Причем 90 % из них составляли евреи, остальные – поляки, украинцы и литовцы (белорусы в этой статистике не фиксировались). В это же время возобновились возможности выезда в Великобританию, правда, преимущественно для жителей Западной Беларуси, оказавшейся в составе польского государства.

Основания для эмиграции и ее социальные характеристики в те времена остались такими же, как и на стыке веков: выезжали прежде крестьяне в поисках земли или хороших заработков. К сожалению, польская статистика отдельно не фиксировала количество белорусов, ехавших на Запад, а объединяла их в одну национальную категорию с украинцами. Даже и эти цифры касаются только времени 1926–1938 гг., поэтому в отношении предыдущего периода можно утверждать исключительно, что в течение 1919–1925 гг. в Великобританию из Польши приехало 455 человек, однако, сколько среди них было белорусов, неизвестно. Тем не менее из этой цифры видно, что Британские острова не были местом массовой эмиграции из просторов Второй Речи Посполитой (общее количество покинувших ее пределы в отмеченный период, составило более 384 тысяч человек).

Неудивительно, что исследователи межвоенной польской эмиграции уже не сосредоточивают внимание на определении точной численности прибывших в Великобританию в 1926–1938 гг., а относят ее к категории «прочие и неизвестные страны», куда в течение данного периода выехали около 4 тысяч белорусов и украинцев. Вся эта очень приблизительная в отношении белорусов статистика позволяет утверждать, что в межвоенный период количество наших соотечественников, которые на постоянное место жительства осели в Великобритании, была незначительная (так же как и количество вообще выходцев из тогдашней польской территории) [1].

Таким образом, белорусские эмигранты, находясь за пределами своей Родины, не забывали о своих корнях и осуществляли активную общественно-политическую и культурную деятельность.

Литература

1. Бацян М. М. Беларуская дыяспара: нарысы гісторыі і сучаснага стану [Электронный ресурс] URL: old.fir.bsu.by/chairs/dcs/publications_dcs/.../Diaspora_2006.shtml (Дата доступа: 12.10.2014).
2. Гісторыя Беларусі: у 6 т. / А. Вабішчэвіч [і інш.]; рэдкал. М. Касцюк (гал. рэд.) і інш. Т. 5: Беларусь у 1917–1945. Мінск: Экаперспектыва, 2007.
3. *Mały rocznik statystyczny*. 1939. Warszawa, 1939.
4. Сяргеева Г. Беларуская дыяспра // Крыжовы шлях. Дапаможнік для вывучаючых гісторыю Беларусі. Мінск: Згода, 1993.

5. Снапкоўскі У. Эміграцыя: Фарміраванне і дзейнасць арганізацый беларускай эміграцыі. Сацыяльна-палітычныя плыні (1918–1939 гг.) // Палымя. 1995. № 11.
6. Снапковский В. Белорусская эмиграция [Электронный ресурс]. URL: belukrresurs.org/index.php?option=com_content&view. (Дата доступа: 01.10.2014).

УДК 94(470), „1957”

А. С. Стыкалин

**ИЗ ИСТОРИИ ПОДГОТОВКИ МОСКОВСКИХ СОВЕЩАНИЙ КОМПАРТИЙ
(НОЯБРЬ 1957 г.). МИССИЯ Ю. В. АНДРОПОВА И Б. Н. ПОНОМАРЕВА В БЕЛГРАД**

В научный оборот вводится ценный источник, раскрывающий мотивы отказа Союза коммунистов Югославии поддерживать итоговую декларацию совещания компартий (ноябрь 1957 г.), призванного консолидировать мировое коммунистиче-

ское движение после ряда пережитых им кризисов.

Ключевые слова: мировое коммунистическое движение, Югославия, Союз коммунистов Югославии, Й. Броз Тито, Н. С. Хрущев, Ю. В. Андропов.

A. S. Stykalin

**ON THE HISTORY OF THE PREPARATION OF THE MOSCOW COMMUNIST CONFERENCES
(NOVEMBER, 1957). Y. V. ANDROPOV AND B. N. PONOMAREV'S MISSION TO BELGRAD**

The source, which is published here, reveals the motives of the rejection of the Communist Union of Yugoslavia to support the Declaration of the communist conference (November, 1957) in Moscow – the important program document aimed at the consoli-

dation of international communist movement after the crisis of 1956.

Key words: International Communist Movement, The Communist Union of Yugoslavia, I. Broz Tito, N. S. Khrushchev, Y. V. Andropov.

Предлагаемые вниманию читателей архивные документы относятся к октябрю 1957 г. В это время приоритетной внешнеполитической задачей для руководства КПСС было проведение международных совещаний компартий – более узкого (для компартий социалистических стран) и более широкого. Эти совещания, намеренно приуроченные к 40-летию октябрьской революции в России, были призваны консолидировать мировое коммунистическое движение, перенесшее в 1956 г. два сильных потрясения – разоблачение Сталина и его политической практики на XX съезде КПСС (февраль 1956 г.) и подавление Советским Союзом в ноябре 1956 г. венгерского восстания, негативно воспринятое общественным мнением на Западе и повлекшее за собой массовые выходы из компартий, отход от СССР многих прежних его симпатизантов, особенно из среды левой

интеллигенции. Большое значение в Москве придавалось участию в совещаниях представителей Союза коммунистов Югославии, не только завоевавшего международный авторитет своим смелым сопротивлением сталинскому диктату после разрыва Югославии с СССР в 1948 г., но и воспринимавшегося как потенциальный источник схизмы, носитель альтернативной модели социализма, способной ослабить гегемонию КПСС в коммунистическом движении. Без участия югославов в совещаниях и их согласия поставить подпись под итоговыми документами для всего мира становился бы очевидным мнимый характер декларируемого единства в лагере борцов за коммунизм.

Начавшийся после смерти Сталина процесс нормализации советско-югославских отношений, преодоления последствий острого конфликта 1948 г. [8] застопорился

в результате венгерских событий. В июне 1956 г. югославский лидер Й. Броз Тито был принят с большой помпой в СССР и мало что предвещало новую ссору между Москвой и Белградом, многотысячный митинг советско-югославской дружбы 19 июня на стадионе «Динамо» символизировал полное преодоление взаимного недоверия. Но не прошло и пяти месяцев, как на рассвете 4 ноября началась решающая советская военная акция по смещению венгерского правительства, оказавшегося не способным удержать власть в руках коммунистов. Действующий премьер-министр Имре Надь, осудив перед всем миром эту акцию в своем выступлении по радио, укрылся затем в югославском посольстве в Будапеште. В Москве это восприняли как явное нарушение договоренности, достигнутой буквально накануне на о. Бриони (на Адриатике), где Н. С. Хрущев и Г. М. Маленков всю ночь напролет обсуждали с Й. Брозом Тито, Э. Карделем и А. Ранковичем пути решения венгерского вопроса [7]. Ведь на Брионах речь шла о возможном содействии Белграда в нейтрализации неугодного СССР правительства. Лидеры Югославии, имевшие влияние на венгерских коммунистов-реформаторов из команды И. Надя, фактически по согласованию с Москвой взялись за то, чтобы уговорить их добровольно самоустраниться, уступив место у руля другому правительству, которое железной рукой пресекло бы анархию и навело порядок. Об укрытии же в югославском посольстве политиков, перед этим выступивших с антисоветскими заявлениями, отнюдь не договаривались.

Проходит неделя, и 11 ноября Тито на партактиве в Пуле решив сыграть на опережение, информировал публику о секретной брионской встрече, не дожидаясь, когда весь мир узнает о советско-югославской договоренности по свержению венгерского правительства из уст лидеров КПСС (это нанесло бы слишком сильный удар по репутации Югославии как нейтрального, внеблокового государства). Между тем несогласованная утечка информации была воспринята в Москве как грубое нарушение

устоявшейся в мировом коммунистическом движении этики межпартийных взаимоотношений. Но мало того, выступая в Пуле, Тито к острому раздражению Москвы назвал венгерский кризис в определенной мере следствием политики СССР (неравноправные отношения в социалистическом лагере не могли не вызвать антисоветских настроений). Использование советских войск для подавления демонстрации 23 октября он счел грубой ошибкой. С другой стороны, он осудил И. Надя за уступки реакции и выразил готовность поддержать новое правительство Я. Кадара, сформированное в СССР – ведь надо было не только отмежеваться от СССР в целях сохранения лица в глазах международного общественного мнения, но и каким-то образом оправдать свое согласие с интервенцией.

Прошло еще три недели, и 7 декабря второе лицо в СКЮ и его главный идеолог Э. Кардель, выступая в Союзной скупщине ФНРЮ, раскритиковал бюрократический социализм советского образца, противопоставив ему венгерские рабочие советы. Тогдашний посол Югославии в СССР В. Мичунович позже вспоминал, что никогда не видел Хрущева столь взбешенным, как в ходе встречи, состоявшейся в тот декабрьский день 1956 г., когда ему принесли информацию о программной речи Карделя, к тому же распространенной югославской делегацией в ООН [1, s. 204–208]. Через считанные дни, на декабрьском пленуме ЦК КПСС, советский лидер дал волю эмоциям: «Тито болтает всякие глупости о новых путях какого-то югославского строительства социализма, а этот путь мы знаем, что такое: получать подачки за то, что прислуживаться перед американскими империалистами. Конечно, тут большого ума не требуется для строительства такого югославского социализма, а нам, рабочему классу Советского Союза, под руководством Ленина пришлось самим первым пробивать дорогу и строить свое государство, накапливать средства, строить свои заводы, свою индустрию, и это действительно достойно подражания для других стран рабочего класса, что Со-

ветский Союз, более отсталая по сравнению с другими, западными государствами страна, первый завоевал власть рабочего класса и первый создал самую могущественную индустриальную страну из отсталой и настолько поднял промышленность, культуру своего народа, что разбил самого мощного врага во Вторую мировую войну, и в результате нашей победы живет сейчас и учит югославскому социализму сам Тито, потому что если бы не было нашей победы, то его бы [войск] не хватило позавтракать гитлеровской армии» [19, л. 103–104]. Между КПСС и СКЮ развернулась острая полемика в закрытой переписке¹, дискуссия перекинулась и в прессу [10]. Правда, при всей жесткости некоторых, главным образом рассчитанных на внутрипартийную аудиторию заявлений в Москве не хотели создавать видимости возвращения к ситуации 1948 г. В закрытой межпартийной переписке и беседах с советским послом Н. П. Фирюбиным югославские лидеры, рассчитывавшие на продолжение выгодно для них экономического сотрудничества и, конечно, не желавшие вновь оказаться в положении изгоев в мировом коммунистическом движении, получали заверения в том, что возврат к прошлому невозможен – с советской стороны будут приложены усилия для устранения возникших наслоений, но только не за счет «принципиальных идеологических уступок». Та же установка была изложена в ряде писем руководителям «братских партий»: давая отпор «неверным утверждениям» югославов, КПСС считает, однако, необходимым держаться в полемике спокойного тона, не обостряя отношений по государственной линии и продолжая поддерживать контакт по партийной линии [21].

Но с югославской стороны существовали реальные опасения возвращения к ситуации 1948 г. Пригласив 27 января 1957 г. советского посла Н. П. Фирюбина на охоту, Тито много говорил о том, что он «очень обеспокоен нашими теперешними отно-

шениями» и много думает над тем, «каким образом поправить и развивать дальше добрые отношения между обеими партиями и нашими государствами» [6, с. 713]. Обеспокоенность возросла после того, как в конце марта советский премьер Н. А. Булганин на митинге советско-венгерской дружбы публично заговорил о причастности югославов к идейной подготовке венгерской «контрреволюции» [13]. В Венгрии в это время уже начали готовить судебный процесс по делу И. Надя, который позже, в июне 1958 г., был обвинен в пособничестве контрреволюции, причастности к антигосударственному заговору и казнен. В Белграде очень боялись, что суд над И. Надем сыграет такую же роль, какую сыграл в 1949 г. судебный процесс по делу другого венгерского коммунистического политика, Ласло Райка, а именно: антиюгославская кампания, инициированная Сталиным в 1948 г., вышла после сфабрикованного дела Райка на новый виток – югославов стали называть уже не просто ревизионистами и националистами, но шпионами и убийцами. «Представители югославского посольства в Будапеште при каждой беседе с венгерскими товарищами пытаются подчеркнуть ненужность организации процесса над Имре Надем», – доносил 21 июня в Москву из Будапешта дипломат В. А. Крючков, будущий председатель КГБ [5, л. 193]. Проявившаяся в этих условиях склонность Белграда к далеко идущим уступкам не укрылась от венгерского лидера Я. Кадара, говорившего 6 июня советскому послу Е. И. Громову о том, что югославы в последнее время предпринимают очевидные попытки улучшить отношения с СССР и его союзниками. Посол, следуя сохранявшейся линии центра на укрепление единства мирового коммунистического движения (а в это время уже была начата работа по подготовке большого совещания компартий, первого после XX съезда КПСС), в ответ заметил, что, если эти попытки являются искренними, надо предпринять встречные шаги, не идя вместе с тем на идеологические компромиссы [4, л. 54]. Зная о большом международном авторитете маршала Тито (в том числе и в

¹ Письмо ЦК СКЮ в адрес ЦК КПСС от 3 декабря 1956 г. см.: [5, с. 730–737]. Ответное письмо от 10 января 1957 г. см.: [6, с. 703–711]. Новое письмо ЦК СКЮ от 7 февраля [24] осталось без ответа.

формирующемся движении неприсоединения) и о популярности югославской модели социализма среди коммунистов-реформаторов всего мира, отлучать СКЮ от мирового коммунистического движения в Москве сочли нецелесообразным, ибо югославская схизма, как уже отмечалось, угрожала более широким расколом в лагере борцов за коммунизм.

Как явствует из документов, 31 мая Президиум ЦК КПСС склонился к принятию определенных шагов в интересах улучшения советско-югославских отношений [17, с. 256; 18, с. 673]. В ЦК СКЮ было направлено письмо соответствующего содержания. 3 июня Тито принял посла Н. П. Фирюбина, заверив его, что руководство Югославии готово со своей стороны укреплять и развивать двусторонние отношения с СССР [22, л. 2–3, 37–41]. Провал антихрущевского путча в июне 1957 г. привел к удалению из партийного руководства В. М. Молотова (всегда скептически относившегося к перспективам советско-югославского сближения), что, несомненно, благоприятно повлияло на готовность лидеров СКЮ активизировать контакты с КПСС. В июле 1957 г. в СССР по приглашению Хрущева отдыхали и были им приняты наиболее влиятельные соратники Тито: Э. Кардель и А. Ранкович.

Первая после брионских переговоров начала ноября 1956 г. встреча Хрущева и Тито состоялась 1–2 августа 1957 г. на нейтральной территории – в Румынии. Был обсужден широкий круг проблем, предприняты безуспешные попытки сблизить позиции по спорным вопросам (суть событий в Венгрии, проблема рабочих советов и т. д.), выражена решимость и дальше работать над устранением препятствий, затрудняющих развитие двусторонних отношений. Москва заверила Белград в отсутствии намерений использовать дело И. Надя для раздувания антиюгославской пропагандистской кампании (а несколько позже настояла на том, чтобы венгерское руководство не проводило судебный процесс до предполагаемого совещания компартий с участием югославов, перенеся его на более поздний срок,

и позже также не выпячивало антиюгославских обвинений)¹. Руководство СКЮ в принципе выразило готовность принять участие в планируемом на ноябрь совещании компартий социалистических стран – приглашение придавало уверенности в том, что повторения ситуации 1948–1949 гг. не будет, до шумной антиюгославской кампании, а тем более разрыва с советским лагерем дело не дойдет.

Таков был внешний фон поездки в Югославию в середине октября 1957 г. заведующих отделами ЦК КПСС, ведавшими связями с братскими компартиями Б. Н. Пономарева и Ю. В. Андропова (их отчеты о встречах с югославскими лидерами публикуются ниже). За два дня до их приезда руководству СКЮ был послан из Москвы для ознакомления проект итоговой декларации предстоящего совещания компартий социалистических стран. Для того чтобы узнать югославское мнение об этом проекте, и были командированы в Белград высокопоставленные функционеры КПСС, через которых до Н. С. Хрущева и была донесена позиция Тито и его окружения: ознакомившись с проектом, югославы дали знать советским эмиссарам, что декларации не подпишут. Их аргументы против ее подписания от имени СКЮ подробно излагаются в публикуемых ниже записках Пономарева и Андропова, адресованных в ЦК КПСС². Деятели СКЮ особенно не понравился в представленном Москвой проекте декларации тезис о борьбе с ревизионизмом. Небезосновательно спроецировав его на свою партию, Кардель заметил, что подписание СКЮ документа подобного содержания может создать впечатление, что югославские коммунисты, неоднократно обвинявшиеся в ревизионизме (не только при Сталине, но и позже, в том числе в связи с позицией, занятой в отношении

1 См. соответствующую записку зав. новым, созданным в 1957 г. отделом ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран Ю. В. Андропова от 29 августа [25, л. 1–2].

2 На русском языке (языке оригинала) источник публикуется впервые. Нам известна публикация в переводе на венгерский язык в сборнике, посвященном венгерско-югославским отношениям [2]. (ЦК КПСС посылало эти записки для информации лидерам социалистических стран.)

венгерских событий), признают свои мнимые ошибки, выступают с самокритикой. В действительности же они отнюдь не считают звучащую критику справедливой и не собираются сдавать своих позиций. Вообще публикация декларации, указывающей на существование социалистического лагеря, по мнению лидеров СКЮ, заставит многих подумать о возрождении распущенного в апреле 1956 г. Коминформа (теперь уже с участием югославов), что неизбежно обострит разногласия в рядах коммунистов разных стран и вызовет негативную реакцию в мире. С другой стороны, жесткость некоторых положений декларации (там, где дело касалось, в частности, критики американского империализма), по мнению югославских деятелей, может только сыграть на руку реакционным кругам на Западе, которые, ссылаясь на коммунистическую угрозу, развяжут массированную пропагандистскую атаку на социалистические страны. Не желая связывать себя подписанием жестких заявлений от имени социалистического блока, югославы вместе с тем совсем не хотели снова оказаться в положении изгоев в коммунистическом движении. Они высказались за многообразие форм контактов между компартиями, проведение совещаний и дали принципиальное согласие приехать в Москву в дни празднования 40-летнего юбилея Октябрьской революции для участия не только в юбилейных торжествах, но и во встречах с представителями братских партий всего мира. По их мнению, оптимальной стала бы публикация в прессе по итогам совещания компартий соцстран не амбициозной политической декларации, а только краткой информации о проведении встречи без детализации обсуждавшихся вопросов.

Тито, насколько можно судить по известным документам, не участвовал в беседах с советскими эмиссарами, но в знак своей доброй воли счел целесообразным публично высказаться перед советской аудиторией о всемирно-историческом значении Октябрьской революции в России. Интервью с ним было опубликовано в жур-

нале «Огонек» 3 ноября. Впрочем, в те же самые дни настроение югославского маршала было омрачено вестью, пришедшей из Москвы: маршал Г. К. Жуков, только что побывавший в Югославии и принятый со всеми почестями, был снят с поста министра обороны, а затем выведен из Президиума ЦК с обвинением в ущемлении роли партии в Вооруженных силах. Отстранение Жукова разом обесценило значение всех его бесед с югославскими лидерами, в ходе которых обсуждался широкий круг вопросов. Тито воспринял как личное унижение тот факт, что не был заранее проинформирован о готовящемся отстранении Жукова и соответственно принимал его в Белграде как одного из советских партийно-государственных лидеров. Ссылаясь на болезнь, он отказался от запланированного приезда в Москву на юбилейные торжества, передоверив Карделю руководство югославской делегацией. Возможно, что наряду с «делом Жукова» сыграло роль и нежелание демонстрировать миру чрезмерную близость с советским блоком. Однако противопоставлять себя мировому коммунистическому движению Тито тем более не хотел, об отказе Югославии прислать своих представителей на юбилейные торжества речи не было. И только в Москве, в канун совещания компартий социалистических стран, состоявшегося 14–16 ноября, югославы (вопреки своим обещаниям, данным Пономареву и Андропову) отказались от участия в этом узком совещании, согласившись вместе с тем участвовать в запланированном на последующие дни совещании представителей всех 68 коммунистических и рабочих партий, приглашенных в Москву. Их отказ вызвал негодование Хрущева. Он попытался безуспешно оказать давление на представителей СКЮ, заставив их все-таки участвовать и в узком совещании, а затем призвал другие партии подвергнуть делегацию СКЮ ostracismу¹. Не подписав Декларации, до-

1 Дабы никому не мозолить глаза в Москве, Э. Кардель и В. Влахович уехали на дни проведения узкого совещания в Ясную Поляну почтить память А. Н. Толстого, вернувшись в Москву лишь к началу широкого совещания с участием представителей всех коммунистических и рабочих партий, приехавших в Москву. см.: Материалы совещаний [9].

вольно жесткой по своим формулировкам, принятой под давлением китайской компартии [11], югославы по сути отвергли уже не первую из предпринятых начиная с 1955 г. попыток вовлечь их в советский блок. В то же время делегация СКЮ подписала другой программный документ мирового коммунистического движения – Манифест мира, опубликованный от имени представителей всех приехавших на торжества в Москву компартий [12].

Хотя попытка Москвы заставить Белград играть по своим правилам снова закончилась полным фиаско, руководство КПСС на этот раз воздержалось от того, чтобы встать на путь конфронтации с СКЮ. В условиях назревающих советско-китайских разногласий, обострявшейся борьбы двух главных коммунистических держав за влияние в мире важно было блюсти хотя бы видимость сохранения единства коммунистического движения. Публичная критика ревизионизма СКЮ развернулась лишь через несколько месяцев после московских совещаний, с принятием на VII съезде СКЮ в апреле 1958 г. новой Программы СКЮ, признанной в Москве ревизионистской (заявленный тезис о неприятии блоковой политики давал повод для обвинений югославы в постановке на одну доску НАТО и Организации Варшавского договора, фактическом проведении знака равенства между политикой СССР и США). К этому времени установки изменились. Зная о крайне негативном отношении лидеров китайской компартии к новой программе СКЮ, руководители СССР решили принести югославы в жертву сохранению советско-китайской дружбы. Однако в условиях новой антиревизионистской кампании, охватившей все страны советского блока, существовала негласная установка «и в дальнейшем поддерживать нормальные отношения с Югославией, прежде всего по государственной линии, а не вести дело на разрыв с ней», что нашло отражение в материалах майского пленума 1958 г. и решениях Президиума ЦК КПСС, принятых в те же недели. Наша критика, отмечалось в выше процитированном доку-

менте – закрытом письме ЦК КПСС парторганизациям, «не должна вылиться в крикливую перепалку; не следует размениваться на мелочи, задевать национальные чувства югославы. Критика должна быть принципиальной, аргументированной и вестись в спокойном тоне, не впадая в крайности 1949–1953 гг.» [6, с. 776]. В Кремле и на Старой площади, таким образом, извлекли уроки из прошлого, по пути сталинских агиткампаний принципиально решено было не идти, ведь это работало бы в ущерб влиянию КПСС, учитывая, что несправедливая и грубая критика казалась многим в мире неубедительной, а, скорее, приносила обратный эффект: лишь способствовала повышению авторитета югославских коммунистов как носителей антисталинской альтернативы в мировом коммунистическом движении¹. С другой стороны, Югославию решили проучить, прибегнув к методам экономического давления. Речь идет об одностороннем пересмотре планов экономического сотрудничества и отсрочке в предоставлении обещанных Советским Союзом Югославии кредитов.

В дальнейшем критика югославского ревизионизма в советской печати явно идет на спад. Как отмечалось в документе ЦК КПСС, относящемся к апрелю 1959 г., «нет необходимости уделять в нашей печати много внимания политике руководства Югославии. Больше того, повышенное внимание к Югославии отвечало бы интересам югославских руководителей, желающих, чтобы об их политике и идеологии много писали, чтобы их политика занимала все более видное место, что не отвечает ни удельному весу Югославии на международной арене, ни влиянию югославских руководителей в международном рабочем и коммунистическом движении» [23, л. 90]. Тем не менее дежурная критика югославского «ревизионизма», иногда довольно резкая, звучала с трибуны XXI (январь – февраль 1959 г.) и XXII (октябрь 1961 г.) съездов КПСС,

1 Хрущев на майском пленуме ЦК КПСС сам много говорил о нелепости и неубедительности обвинений в адрес югославы, звучавших при Сталине: как можно было Тито и его окружение обвинять в сотрудничестве с нацистской Германией, когда весь мир знал, что уж они-то сражались с нацистами «как дай Бог каждому», вопрошал советский лидер. См.: [20, л. 31–36].

присутствовала в выступлениях Хрущева и других советских лидеров на съездах зарубежных компартий. Эта критика в значительной мере была данью компромиссу между КПСС и КПК. В ноябре 1960 г. КПСС согласилась на включение довольно резкого выпада в адрес СКЮ в итоговый документ следующего большого совещания компартий [15]. Эту цену опять-таки решено было заплатить ради сохранения хотя бы на короткое время дававшего трещину союзу КПСС с китайской компартией. Однако принесение югославов «в жертву» единству с КПК оказалось на этот раз совсем не эффективным, достигнутая на совещании 1960 г. компромиссная платформа между двумя великими коммунистическими державами смогла лишь на считанные месяцы отсрочить открытый конфликт между КПСС и КПК.

Решительный сдвиг в советско-югославских отношениях относится к маю 1962 г. Зная, что подходит срок, когда Москва в соответствии со своими прежними декларациями должна вернуться к вопросу о предоставлении Югославии обещанного еще в 1956 г. кредита, Тито 6 мая, выступая на партактиве в Сплите, однозначно заявил о готовности СКЮ при всех его разногласиях с КПСС поддержать ее в идеологических спорах с китайской компартией по наиболее принципиальным вопросам. Всего через 10 дней, 16 мая, Хрущев, находившийся с визитом в Болгарии, в своей речи отметил, что сейчас у СССР сложились с Югославией «нормальные, более того, хорошие отношения» [14]. В итоговой советско-болгарской декларации от 21 мая критика ревизионизма вопреки уже сложившейся в последние годы практике обошлась без упоминания югославов.

С одной стороны, в установочных статьях идеологов КПСС, опубликованных в «Правде», критика Программы СКЮ как образца современного ревизионизма и после этого время от времени продолжала звучать [16]. Тем не менее новая ситуация, сложившаяся в мировом коммунистическом движении, теперь работала на советско-югославское сближение. В условиях глу-

бокого раскола между СССР и КНР в Москве со временем смирились наконец (зная о крайне негативном в то время отношении Пекина к белградским «ревизионистам») с особым среди социалистических стран статусом Югославии и по большому счету прекратили все заведомо бесплодные попытки вовлечь нейтральное социалистическое государство, заинтересованное прежде всего в экономическом сотрудничестве с СССР, в советскую сферу влияния. Записи заседаний Президиума ЦК КПСС отражают стремление лидеров КПСС, не отрицая существующих разногласий с руководством СКЮ, вместе с тем защитить югославскую сторону от китайских нападков [17, с. 664, 695–696, 700]. 10 февраля 1963 г. в открытой дискуссии с идеологами КПК «Правда» отмечала, что в СКЮ и ФНРЮ «происходят положительные процессы в сторону сближения с социалистическим содружеством, с мировым коммунистическим движением».

В дальнейшем советско-югославские отношения в целом отличались относительной стабильностью и устойчивостью при сохранении некоторой дистанции СФРЮ от социалистического лагеря и признании со стороны КПСС права Югославии на свой путь к социализму как порождение конкретных и неповторимых специфических условий. Серьезный кризис в двусторонних отношениях в августе 1968 г., когда Югославия не поддержала силовую акцию в отношении Чехословакии, был преодолен совместными усилиями.

В основе публикации лежат хранящиеся в Венгерском государственном архиве тексты записок на языке оригинала (русском), посланные из ЦК КПСС в Будапешт для ознакомления руководства Венгерской объединенной рабочей партии.

СООБЩЕНИЯ Б. Н. ПОНОМАРЕВА
И Ю. В. АНДРОПОВА ИЗ БЕЛГРАДА,
ОКТАБРЬ 1957 г.

I.

Сегодня состоялась встреча, в которой принимали участие со стороны СКЮ тт. Кардель и Влахович. Тов. Кардель сказал, что, хотя проект Декларации они получили

12 октября, югославские товарищи еще не обсуждали этого документа и поэтому по существу документа сегодня они еще ничего сказать не могут. Имеется в виду обсудить проект Декларации на заседании Исполкома ЦК СКЮ, которое состоится 17 октября в Словении, где в настоящее время находится т. Тито. После заседания 18 вечером или 19 утром ЦК СКЮ сможет сообщить свои замечания по Декларации. Тов. Кардель сказал, что если мы можем остаться в Белграде до 19 октября, то замечания будут сообщены лично. Если же не представляется возможным задержаться на такой срок, то замечания будут сообщены ЦК КПСС в письменном виде.

В беседе с нашей стороны указывалось, что желательно как можно скорее получить ответ ЦК СКЮ, учитывая, что до Октябрьской годовщины остается мало времени. На это тов. Кардель ответил, что, к сожалению, ранее 19 октября они ответ дать не смогут.

Мы постарались выяснить хотя бы предварительное мнение югославских товарищей о проекте Декларации. Оговариваясь, что он высказывает личное мнение (хотя и неоднократно упоминал о том, что он разговаривал по содержанию проекта Декларации с тов. Тито по телефону), тов. Кардель изложил следующее.

Югославские товарищи считают, что в проекте Декларации содержится ряд формулировок, касающихся политики западных держав, которые могут осложнить внешнеполитическое положение Югославии. Они не хотели бы, чтобы участие Югославии в совещании компартий и в принятии Декларации было бы истолковано западными державами как включение Югославии в «социалистический блок». Это, по их мнению, могло бы вызвать серьезные осложнения в связях Югославии с западными странами, и особенно в экономических связях с ними.

У югославских товарищей вызывает сомнение та часть Декларации, где идет речь о борьбе против догматизма и ревизионизма. Хотя необходимо вести борьбу против оппортунизма, сказал тов. Кардель, однако

об этом следует сказать таким образом, чтобы никто не мог понять, что в данном случае речь идет об СКЮ, который в свое время Компартии критиковали за ревизионизм, за отступление от марксизма. Тов. Кардель сказал, что иначе могло бы создаться впечатление, что СКЮ выступает с самокритикой своих позиций и признает ошибки;

Наконец, у югославских товарищей вызывает сомнение указание заключительной части проекта Декларации о необходимости проведения не только двусторонних встреч, но и более широких совещаний Компартий. Могло бы создаться впечатление, что вновь возрождается Коминформ.

На наш вопрос о том, как тов. Кардель относится в целом к проекту Декларации, он говорил, что по существу документ является правильным.

Тов. Кардель сказал, что, может быть, следует подумать о разных формах совещания представителей братских Компартий и о принимаемых ими документах. Возможен и такой вариант, что совещание Компартий примет документ, который не будет опубликован. В таком случае для югославских товарищей предложенный проект Декларации, вероятно, подходил бы. Тов. Кардель также сказал, что совещания представителей Компартий могли бы проходить периодически, но без опубликования об этом в печати.

Из высказываний тт. Карделя и Влаховича создается впечатление, что югославы хотели бы иметь документ менее определенный, с более общими формулировками и значительно более краткий по размерам.

Мы обещали югославским товарищам сообщить в ЦК КПСС о нашей беседе и дать им ответ в соответствии с указаниями, которые будут нами получены.

*Пономарев, Андропов
15 октября 1957 года.
II.*

Сегодня, 18 октября, вечером состоялась встреча с югославскими товарищами. С их стороны присутствовали тт. Кардель, Ранкович, Влахович.

Югославские товарищи сообщили, что после обсуждения на заседании Исполкома ЦК они пришли к выводу, что нецелесообразно принимать Декларацию на совещании представителей Коммунистических партий в Москве. Свою точку зрения они мотивировали следующим.

В настоящее время международные отношения переживают переломный момент. Еще недостаточно ясно, намерены ли США вести дело к дальнейшему обострению международной обстановки или, напротив, могут отступить и пойти по пути смягчения международной обстановки. В этих условиях принятие и опубликование данного проекта Декларации может дать повод реакционным кругам в разворачивании антикоммунистической кампании, к запугиванию широких слоев трудящихся «угрозой коммунизма».

Вместе с тем участие Югославии в принятии такой Декларации повело бы к осложнению ее международного положения. По словам т. Карделя, Западная Германия намерена уже сейчас разорвать дипломатические отношения с ФНРЮ в связи с установлением Югославией дипломатических отношений с ГДР¹. Это не пугает нас, сказал югославский товарищ, но мы считаем, что не следует создавать дополнительных политических и экономических затруднений для Югославии.

Кроме того, по мнению югославских товарищей, между Коммунистическими партиями, которые будут участвовать в совещании, еще имеются расхождения и разные точки зрения по некоторым идеологическим вопросам. В этих условиях обсуждение Декларации могло бы вызвать дискуссии и привести к обострению отношений между Коммунистическими партиями.

Хотя Декларация содержит основу для сплочения международного рабочего движения, ее принятие и опубликование в настоящих условиях может дать больше минусов, чем плюсов.

В связи с изложенными мотивами югославские товарищи сказали, что они не считают возможным вносить дополнений, поправок и редакционных изменений в проект Декларации.

В отличие от первой беседы, сказал тов. Кардель, мы не считаем возможным принять эту Декларацию и как закрытый документ совещания.

Учитывая такую позицию югославских товарищей, мы постарались выяснить их отношение к тому, считают ли они вообще целесообразным проведение совещания Коммунистических партий социалистических стран и совещание представителей всех Коммунистических партий. Если такие совещания в Москве в период Октябрьских празднеств возможны, то должно ли быть опубликовано сообщение о таком совещании и в какой форме это следует сделать. На это югославские товарищи ответили, что они считают возможным и полезным провести совещание. На нем могли бы быть обсуждены в товарищеской форме все вопросы, интересующие Коммунистические партии.

Представители Компартий могли бы обмениваться информацией об их деятельности и договориться о формах сотрудничества и развития контактов на будущее. О таком совещании может быть опубликовано краткое информационное сообщение без подробного освещения обсуждавшихся вопросов. Югославские товарищи сказали, что они готовы принять участие как в совещании социалистических стран, так и в общем совещании.

В ходе беседы мы спросили югославских товарищей, как они относятся к принципиальным положениям проекта Декларации. На это они ответили, что они согласны с основными положениями проекта, имеются лишь отдельные замечания, о которых уже говорилось во время первой встречи.

*Пономарев, Андропов
18 октября 1957г.*

*Magyar Országos Levéltár
(Венгерский государственный архив)
288 f. 9/1957/12 б.е.*

¹ В соответствии с так называемой «доктриной Хальштейна», определявшей в этот период внешнеполитическую стратегию ФРГ, одному лишь СССР было позволено поддерживать отношения сразу с обоими германскими государствами, о чем Н. С. Хрущев и канцлер К. Аденауэр договорились в ходе встреч в Москве в сентябре 1955 г. Установление дипотношений Югославии с ГДР вызвало жесткую реакцию ФРГ, порвавшей отношения с Белградом 18 октября 1957 г.

Литература

1. Mićunović V. *Moskovske godine 1956/1958*. Beograd, 1984.
2. *Top secret. Magyar-jugoszláv kapcsolatok, 1956–1959. Dokumentumok*, Budapest, 1997. 216–219 o.
3. Архив внешней политики РФ (АВП РФ). Ф. 077. Оп. 38. Папка 192.
4. АВП РФ. Ф. 077. Оп. 38. Папка 192. Д. 035.
5. АВП РФ. Ф. 077. Оп. 38. Папка 192. Д. 036. Т. 2.
6. Встречи и переговоры на высшем уровне руководителей СССР и Югославии в 1946–1980 гг. Т. 1. 1946–1964. Документы / гл. ред. М. Милошевич, В. П. Тарасов, Н. Г. Томилина. М.: Международный фонд «Демократия» (Фонд Александра Н. Яковлева), 2014.
7. Едемский А. Б. По следам конкретных консультаций на Брионах 2–3 ноября 1956г. // *Славянский альманах*. 2010. М.: Издательство «Индрик», 2011.
8. Едемский А. Б. От конфликта к нормализации. Советско-югославские отношения в 1953–1956 годах. М.: Наука, 2008.
9. Международные совещания представителей коммунистических и рабочих партий в Москве (ноябрь 1957г.) / редколлегия: Н. Г. Томилина, Л. А. Величанская, А. С. Стыкалин. М.: РОССПЭН, 2013.
10. Правда. 1956. 23 ноября.
11. Правда. 1957. 22 ноября.
12. Правда. 1957. 23 ноября.
13. Правда. 1957. 28 марта.
14. Правда. 1960. 17 мая.
15. Правда. 1960. 6 декабря.
16. Правда. 1962. 18 ноября.
17. Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 1. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы / гл. редактор академик А. А. Фурсенко. М.: РОССПЭН, 2003.
18. Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т. 2. Постановления. 1954–1958 / гл. редактор академик А. А. Фурсенко. М.: РОССПЭН, 2006.
19. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 2. Оп. 1. Д. 198.
20. РГАНИ. Ф. 2. Оп.1. Д. 318.
21. РГАНИ. Ф. 3. Оп. 14. Д. 102.
22. РГАНИ. Ф. 3. Оп. 14. Д. 131.
23. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 33. Д. 99.
24. РГАНИ. Ф. 89. Перечень 45. Док. 83.
25. РГАНИ. Ф. 89. Перечень 45. Док. 85.
26. Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы / ред.-сост.: Е. Д. Орехова, В. Т. Середа, А. С. Стыкалин. М.: РОССПЭН, 1998.

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 343.3

М. М. Галачиева

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ТЕРРОРИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В статье рассматривается современное состояние терроризма в России, выделяются основные направления противодействия и предупреждения терроризма.

Ключевые слова: терроризм, террористический акт, законодательство, предупреждение, гражданское общество и СМИ.

М. М. Galachieva

CRIMINAL-LEGAL ANALYSIS OF TERRORISM IN RUSSIA

The article considers the current state of terrorism in Russia, and outlines the main directions of combating and preventing terrorism.

Key words: terrorism, terrorist act, legislation, wrestling, civil society and the media.

Одной из наиболее опасных форм преступного посягательства, известных человечеству на протяжении длительного времени, является терроризм. Проблема терроризма в России обретает сегодня особую актуальность не только потому, что ежегодно обостряется, становится общегосударственной, связанной с обеспечением национальной безопасности страны, но и потому, что она превратилась в реальную, широкомасштабную угрозу для мировой цивилизации. Процессы глобализации мирового сообщества, стирая границы между государствами, несут в себе не только позитивный потенциал.

Вполне реальной и ощутимой негативной силой, представшей перед обществом в XXI веке, стала транснациональная преступность. Транснациональная преступность опутывает земной шар, все страны без исключения, переплетаясь с национальной преступностью. Подобный криминальный симбиоз чрезвычайно опасен, так как постоянно подпитывается финансами, кадрами и изнутри, и извне [1]. Все это характерно и для терроризма, который входит в структуру транснациональной преступности в качестве важнейшей составной части [2].

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, утвержденной Указом Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537, а также, согласно Федеральному Закону РФ «О противодействии терроризму» от 06.03.2006 г., терроризм признан одним из явлений, представляющих серьезную национальную угрозу [3]. В частности, в Стратегии отмечается, что основными источниками угроз национальной безопасности в сфере государственной и общественной безопасности являются: разведывательная и иная деятельность специальных служб и организаций иностранных государств, а также отдельных лиц, направленная на нанесение ущерба безопасности Российской Федерации; деятельность террористических организаций, группировок и отдельных лиц, направленная на насильственное изменение основ конституционного строя Российской Федерации, дезорганизацию нормального функционирования органов государственной власти [4]. Реализация Стратегии обеспечивается за счет консолидации усилий и ресурсов органов государственной власти, институтов гражданского

общества, направленных на отстаивание Национальных интересов Российской Федерации. В этой связи необходимо отметить, что желаемого объединения в России пока не достигнуто, у большей части населения не сформировалось единого мнения относительно проблемы терроризма.

Терроризм, сопровождая человечество десятки и сотни лет, при всем разнообразии целей, форм, технической оснащенности сущности не меняет. Однако данное негативное социальное явление обрело в конце XX – начале XXI веков особую остроту в силу различных политических, экономических, национальных, религиозных противоречий. При этом следует отметить, что проявления терроризма весьма разнообразны, а на Северном Кавказе еще и специфичны. Анализ терроризма на данной территории дает основание утверждать, что он выступает как продолжение объективных проблем и прежде всего в социально-экономических и политических сферах общественных отношений, а непродуманные по своим последствиям политические решения являются основой возникновения данной ситуации. К факторам, делающим Северо-Кавказский регион привлекательным для террористов, относятся: близость к очагам региональной напряженности, возможность беспрепятственного проникновения на территорию региона членов террористических организаций и незаконных вооруженных формирований, наличие межнациональных конфликтов.

Таким образом, криминальная активность в регионе, в том числе в рамках террористической деятельности, становится во многом объяснимой с точки зрения анализа социально-экономической, политической и религиозной ситуации на Северном Кавказе. В конечном счете, борьба за Кавказ между Россией, Западом и исламским миром будет определять и сегодня, и завтра, и в далекой перспективе судьбы кавказских народов и исход любых политических событий. Этот вывод находит подтверждение в прогностических положениях Стратегии национальной безопасности Российской

Федерации до 2020 года, где отмечено: «Получат развитие националистические настроения, ксенофобия, сепаратизм, в том числе под лозунгами религиозного радикализма. Обострятся мировая демографическая ситуация и проблемы окружающей природной среды, возрастут угрозы, связанные с неконтролируемой незаконной миграцией, наркоторговлей, другими формами транснациональной организованной преступности» [4].

При этом важную и весьма интересную роль в видении терроризма и его причин, играет гражданское общество. Проведенный нами контент-анализ выступлений на страницах российских газет представителей различных групп населения, в которых затронуты такие важные проблемы, как особенности общественной опасности терроризма, его разновидности; транснациональный, российский и региональный терроризм; наиболее характерные факторы, обуславливающие распространение террористических актов; основные направления противодействия терроризму, а также целесообразность усиления уголовной ответственности, позволил сделать следующие выводы.

Во-первых, деятельность СМИ имеет большое значение в экстремальных ситуациях. Она должна быть направлена на своевременное получение, обработку и распространение информации на территории страны. Для этого корреспонденты по крупницам, отдельным фрагментам, фактам создают картину происходящих событий. Широкое использование социологических опросов, личное проникновение в суть событий, общение с представителями противоборствующих сторон позволяет полнее установить первопричину конфликтов, кровавых столкновений, мнение граждан об их перспективах, а также наиболее вероятные и действенные, по мнению представителей различных социальных групп общества, пути противодействия терроризму. Таким образом, они аккумулируют общественное мнение по глобальной международной проблеме, оказывают неоценимую помощь ор-

ганам исполнительной и законодательной власти в выборе наиболее эффективных решений.

Во-вторых, угроза терроризма имеет два основных аспекта. Прежде всего, цель террористического акта состоит в том, чтобы запугать, вселить страх и подозрения, заставить замолчать любые несогласные голоса, создавая тем самым климат, враждебный осуществлению прав и свобод. Далее, терроризм может вызвать ответные меры правительств, ведущие к принятию законов, положений, установлению различных видов надзора, подрывающих те самые права и свободы, которые должна защищать антитеррористическая кампания. Так, во имя борьбы с терроризмом под угрозой могут оказаться принципы и ценности, которые утверждались десятилетиями, даже веками. Основные свободы, права человека и демократические формы правления – наилучшие гаранты свободы. Такая защита должна распространяться на свободу печати и свободу слова, которые сами по себе являются не только позитивными благами, но и возможными средствами для ведения борьбы против терроризма.

В-третьих, террористы сами часто нуждаются в огласке своих действий по той психологической причине, что в реакциях СМИ, политических и государственных деятелей и других, они, как в зеркале, видят свое признание и подтверждение своей, якобы, исключительности. СМИ, оперируя деяниями столь опасных для общества людей как террористы, с одной стороны, удовлетворяют жгучий интерес обывателей в сенсациях, а с другой – потребности самих террористов. Современные террористы рассчитывают также на все большее привлечение внимания мировой общественности к их деятельности. Они стремятся к легализации, в частности, с использованием прессы и интернета, которая представляет их как членов политических организаций. При этом существует и международный терроризм. Его разновидностями, как отмечает А. Н. Семенова, являются транснациональный и международный криминальный терроризм,

тот и другой лишены государственности, национальности, нравственных идеалов и ценностей [7, с. 47]. Первый представляет собой различные акции негосударственных террористических организаций в других государствах. Однако они осуществляются самостоятельно и не нацелены на изменение международных отношений. Второй проявляется в действиях международной организованной преступности, участники которой могут быть далеки от каких-либо политических целей, а их акции могут быть направлены против конкурирующих преступных организаций в другой стране.

Поскольку терроризм порождается многими социальными, экономическими, историческими и иными причинами, то борьба с ним представляет исключительно сложную задачу. Надо полагать, что указанные причины и должны быть объектом профилактического вмешательства, но сделать это на практике очень трудно, так как основная часть этих причин связана с обладанием государственной властью, распределением собственности, торжеством той или иной идеологии, изменением национальной и социальной структуры общества.

Сильной стороной является умение современных экстремистов конспиративно поддерживать контакты со своими единомышленниками, как на региональном, так и на международном уровне. Проблема заключается и в том, что у террористов нет стратегии – одна тактика. Практически невозможно предугадать какое и, главное, где задумают совершить преступление бандиты в следующий раз. Однако бороться с этим явлением можно и нужно. Но для начала необходимо выполнить хотя бы два предельно конкретных условия. Во-первых, выработать и принять единые критерии оценки терроризма и его проявлений, сблизить антитеррористические законодательства, принять единые для всех заинтересованных государств правила контртеррористических операций. Это помогло бы, в частности, избежать тех самых «двойных стандартов», которые разрушают такой важный фактор в мировой политике, как доверие. Во-вторых,

как показывает практика, международный терроризм практически неуязвим для современных методов ведения войны.

Как отмечает А. К. Трофимов, в современном мире высоких технологий и всеобщей интеграции невозможна борьба с терроризмом каждой страной в отдельности. Нужна коалиция всех стран, заинтересованных в уничтожении этого феномена. Удар должен быть нанесен точечный и сразу по всем направлениям деятельности террористов, причем этот удар обязан состоять не только из военных мер, но и экономических, политических [8, с. 59]. Задача состоит не только в том, чтобы уничтожить военные подразделения бандитов, но и в перекрытии финансовых подпиток этих людей, а также в создании условий, при которых не будут появляться новые террористы, т. е. нужно искоренить это зло полностью: и корни, и побеги. Объяснение столь радикальных мер следующее: если прекратить деятельность военных подразделений, но оставить финансовые источники бандитов – появятся новые люди, готовые умирать потому, что за это платят.

Немаловажной частью борьбы является информационная война, победа в которой может принести значительную часть успеха во всей операции, а поражение может свести на нет успехи в других направлениях. Для удачной борьбы необходим удар и по преступности, потому что террористы получают доход с продажи наркотических средств и оружия.

Правда, в связи с этим возникает вопрос, каким образом вписывается в эти рамки гражданское население, не участвующее в боевых действиях. Гражданское население является третьим, пассивным субъектом в конфликте, своеобразным зрителем, следящим за ходом боевых действий через экраны телевизоров и СМИ. С течением времени жители России все больше начинают склоняться к мнению, что жизни простых людей стоят дороже, нежели захват террористов. Агрессия и стремление к мести постепенно уступают место желанию минимизировать число жертв.

Одним из серьезных выводов нашего опроса явилось убеждение в том, что у большей части населения не существует какого-то сформированного мнения относительно проблемы терроризма. Поэтому мы считаем возможным присоединиться к мнению З. Н. Гельмана, который выделяет две формы реагирования на террористические акты [6].

Первая раскрывается через выражение таких установок, как поддержка действий властей и силовых структур, обвинение в трагических событиях террористов, мнение о том, что говорится пусть не вся, но какая-то правда относительно истинного положения вещей. Вторая форма заключается в том, что причина терактов видится в коррумпированности и непрофессионализме представителей власти и силовых структур, характерно ощущение отсутствия истинной информации о положении дел.

Борьба с терроризмом, общая профилактика террористических актов – одна из приоритетных задач национальной политики безопасности нашего государства, а меры борьбы с учетом особенностей этого вида преступлений можно подразделить на внутренние и международные [5, с. 92]. На внутригосударственном уровне с учетом принятой «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» можно выделить, как представляется, несколько направлений деятельности по противодействию терроризму:

- улучшение сотрудничества и возможностей различных силовых структур в осуществлении мер по предупреждению, пресечению и расследованию террористических актов;
- расширение профессиональной подготовки кадров, задействованных в данной сфере, формирование специальных высокопрофессиональных антитеррористических подразделений. Необходима тщательная профессиональная подготовка специалистов по обнаружению бомб и их обезвреживанию, ведению переговоров по освобождению заложников.

Должна быть усилена негласная работа среди преступных группировок и легальных организаций. Спецгруппы «переговорщиков» должны проходить специальную психологическую подготовку, изучать особенности поведения людей в экстремальных ситуациях. При проведении соответствующих операций эти сотрудники должны исходить из того, что каждый террорист – это опасный преступник и должен понести наказание за совершенное им деяние;

- усиление контроля над производством, оборотом и использованием огнестрельного оружия, взрывчатых веществ, взрывных устройств. Действительность показывает, что в современных условиях изготовить мощную взрывчатку не составляет проблемы, так как нелегальный рынок оружия насыщен самыми разнообразными взрывчатыми веществами и современным оружием;
- улучшение технического обеспечения, оснащённости правоохранительных органов;
- пресечение финансирования террористической деятельности. Предотвращение и пресечение финансирования, как прямого, так и косвенного, через организации, которые имеют иные цели или те, которые вовлечены в незаконную деятельность (незаконный оборот оружия, наркотиков) террористов и террористических организаций. Эти внутригосударственные меры могут включать мониторинг и контроль за денежными переводами и процедурой раскрытия банковской тайны.

Приоритетные направления специально-криминологического предупреждения терроризма в современных условиях должны включать:

- прогнозирование террористической активности с определением ее возможных субъектов;
- воздействие на основные явления и процессы в обществе, способствующие росту терроризма;
- предупреждение и пресечение сходных с терроризмом преступлений (захват заложников, диверсия и др.);
- сотрудничество международных организаций (Интерпол) в предупреждении и пресечении террористической деятельности. Большое значение имеет объединение усилий в противодействии терроризму всех сил государства и общества, в том числе средства массовой информации, религиозные и иные общественные объединения.

В заключение следует подчеркнуть, что любой закон, пусть даже самый совершенный, не принесёт желаемой отдачи. Для борьбы с терроризмом в дополнение к уголовному закону, создающему правовую базу, нужен продуманный уголовно-процессуальный механизм его применения, научная организация оперативно-розыскной деятельности, высокий профессионализм людей, занимающихся этой работой. В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года отмечено: «Российская Федерация при обеспечении национальной безопасности в сфере государственной и общественной безопасности на долгосрочную перспективу исходит из необходимости постоянного совершенствования правоохранительных мер по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию актов терроризма, экстремизма, других преступных посягательств на права и свободы человека и гражданина, собственность, общественный порядок и общественную безопасность, конституционный строй Российской Федерации» [4].

Литература и источники

1. Конвенция Совета Европы «Об отмывании, выявлении, изъятии, конфискации доходов от преступной деятельности и финансировании терроризма» от 16 мая 2005 г. [Электронный ресурс] URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=INT;n=304682> (Дата обращения: 23.02.2014).

2. Конвенция Совета Европы «О предупреждении терроризма» от 16 мая 2005 г. [Электронный ресурс] URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=INT;n=31785> (Дата обращения: 23.02.2014).
3. Федеральный Закон РФ «О противодействии терроризму» от 06.03.2006 г. № 35-ФЗ (ред. от 26.06.2014 г.) [Электронный ресурс] URL: <http://base.garant.ru/12145408/> (Дата обращения: 23.02.2014).
4. Указ Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» // Российская газета. 2009. 19 мая.
5. Галачиева М. М. Опасность терроризма в современных условиях российской действительности как предпосылка принятия Федерального закона «О противодействии терроризму» // Право и правосудие в современном мире: сборник материалов конференции. Краснодар: Просвещение-Юг, 2006.
6. Гельман З. Н. СМИ в «Российской газете». М., 2005.
7. Семенова А. Н. Преступность на современном этапе. М., 2011.
8. Трофимов А. К. Терроризм и его последствия. М., 2003.

УДК 34:002

Б. Г. Койбаев, З. Т. Золоева

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ИНФОРМАТИЗАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ КОРЕЯ

В статье рассмотрены подходы Республики Корея к вопросу информатизации. Анализируются нормативно-правовые акты, сопровождающие процессы реализации государственной политики в сфере информатизации. Авторами предпринята попытка выявить положительный опыт, который может быть использован Российской

Федерацией для дальнейшего развития процесса информатизации и совершенствования законодательства в сфере информатизации.

Ключевые слова: информационное право, информатизация, правовая политика Республики Корея.

B. G. Koybaev, Z. T. Zoloeva

LEGAL ASPECTS OF INFORMATIZATION IN THE REPUBLIC OF KOREA

The article considers the approaches to IT development in the Republic of Korea. It analyzes the normative legal acts accompanying the process of implementation of the state policy in the sphere of IT development. The authors attempt to reveal the positive

experience that can be used by the Russian Federation for further development of IT as well as improvement of legislation in the field of IT development.

Key words: information law, IT development, legal policy in the Republic of Korea.

Одной из важных тенденций развития, как всего современного мира, так и отдельно взятых государств, является построение информационного общества, которое вносит значительные коррективы в межличностные, общественные, внутригосударственные и международные отношения. Реагируя на реалии сегодняшнего дня госу-

дарства, реализуют информационную политику, от эффективности которой во многом зависит успешность формирования информационного общества.

Актуальность исследования вопросов правового регулирования информатизации не вызывает сомнения. В условиях продолжающейся в Российской Федерации ад-

министративной реформы, сопровождающейся формированием информационного общества, большое значение приобретает использование опыта развитых стран в сфере государственного управления и информатизации.

Как известно, одним из лидеров в сфере построения информационного общества является Республика Корея, которая в 2014 году в очередной раз заняла лидирующую позицию в рейтинге развития электронного правительства, проводимого ООН [6, р. 11], продемонстрировав миру высокий уровень развития информационно-коммуникационных технологий.

Еще в начале 2000-х годов между различными провинциями Республика Корея чувствовался существенный цифровой разрыв. Так, на основе данных, представленных Национальным статистическим управлением Республики Корея (по состоянию на 5 декабря 2001), в Сеуле из каждых 10 семей 6 и более имели персональный компьютер, а в провинции Чолла-намдо – только 4, в индустриальном центре Кореи – городе Ульсане – Интернетом умели пользоваться 6 человек из 10, а в провинции Чхунчон-намдо этот показатель едва достигал 4 человек [5].

Буквально за десять лет Республике Корея удалось сделать решительный шаг в развитии процессов информатизации, этому способствовало проведение эффективной государственной политики.

Правовые основы политики Республики Корея в сфере информатизации были заложены еще в конце 80-х годов, когда были приняты Закон «Об информационной безопасности», Закон «О поставках и использовании компьютерных сетей», Закон «О стимулировании распространения и применения компьютерной сети», которые закрепили возможность одностороннего предоставления информации физическим лицам по их требованию и фактически создали правовые возможности для формирования электронного правительства в стране.

Дальнейшее развитие законодательства в сфере информатизации Республики Корея были связаны с принятием Закона

«О защите персональных данных, содержащихся в государственных учреждениях» (1994 г.), рамочного закона «О стимулировании развития информационных технологий» (1995 г.), Закона «О раскрытии информации государственными учреждениями» (1996 г.), регламентировавшие ключевые направления в развитии электронного правительства Кореи. Принятие этих законодательных актов послужило основой для разработки 31 дорожной карты по развитию электронного правительства и Плана национальной информатизации, который был утвержден в 2008 г. [3].

В 2001 г. был принят Закон «Об электронном правительстве», призванный оказать содействие в реализации проектов электронного правительства, повысить производительность, прозрачность и демократичность органов государственной власти, и в конечном итоге направленный на улучшение качества жизни граждан. В соответствии со статьей 2 данного Закона, термин «электронное правительство» означает правительство, которое эффективно выполняет административную работу между органами государственной власти и/или гражданами, и осуществляющее административную работу с использованием информационных технологий. В статьях 6–14 перечислялись принципы, на которых основывалась деятельность электронного правительства в Республике Корея. Это – принцип приоритета удобства граждан, реформирования, электронной обработки, раскрытия административной информации, верификации, распределения информации, защиты личной информации, предупреждения перекрывающих инвестиций, аутсорсинга развития технологий и операций.

Следует отметить, что процесс информатизации в Республике Корея изначально сопровождался построением электронного правительства, а важнейшим итогом проводимой в государстве информационной политики стала возможность общения государства и граждан посредством Интернет, а также возможность предоставления ограниченной информации по запросам заявителей в электронном виде.

Начало активной политики, направленной на информатизацию всего государства было дано в 1999 г., когда Правительство Кореи утвердило проект «Cyber-Korea 21» (1999–2002 гг.), целью которого было решение проблемы неравномерного регионального развития и активизация применения сети Internet индивидуальными и коллективными субъектами. В результате реализации проекта «Cyber-Korea 21» на территории всей страны были созданы условия для доступа в Интернет на высоких скоростях, а также была создана национальная система качественной мобильной связи. В тот же период был утвержден еще один проект, связанный с формированием в Корее электронного правительства, предполагавший организацию электронных сервисов, обеспечивающих взаимодействие с государственными структурами.

В продолжение общегосударственной информационной политики в 1999 году был принят Закон Республики Корея «О цифровой подписи» [2]. В соответствии со статьей 1, данный Закон был направлен на создание базовых условий организации системы электронных подписей и преследовал цель обеспечения безопасности и надежности электронных сообщений, и стимулирование использования электронных документов и сообщений, на национальном уровне. В том же году был также принят Рамочный закон «Об электронной коммерции», в статье 1 которого уточнялись правовые последствия сделок, совершенных в электронном виде, обеспечение их безопасности и надежности. Таким образом, Закон Республики Корея «О цифровой подписи» и Рамочный закон «Об электронной коммерции» фактически создали правовые основы для осуществления операций в электронной форме, и были направлены на информатизацию государства.

Следующий этап развития политики в сфере информатизации Кореи связан с принятием Основного плана локальной информатизации в 2002 году, который был направлен на улучшение качества жизни, повышение эффективности органов мест-

ного самоуправления, а также активизацию местной экономики. В том же году начинает действовать программа e-Korea vision 2006 (2002–2006 гг.), в рамках которой правительство финансировало подключение всех начальных, средних и высших школ к высокоскоростному Интернету, а также проводило мероприятия по повышению компьютерной грамотности, предоставлению доступа в Интернет неимущим и жителям отдаленных регионов, преследуя цель преодоления цифрового разрыва и повышения качества жизни граждан.

Согласно государственной доктрине, Республика Корея, завершив к концу 2003 г. построение информационного общества, приступила с 2004 г. к формированию постинформационного общества. «Водоразделом» каждой «эпохи» служит уровень информатизации (в государственных программах страны различаются первый, второй и третий уровни) и все возрастающие возможности ИКТ. Именно это определяет отличительные характеристики каждого «нового» общества и смену парадигмы развития страны.

В 2004 году корейское правительство инициирует переход к новому этапу цифровой революции, предполагающему доступ к информации в любое время и любом месте. Этот этап связывают с проектом «u-Korea vision». Для поддержания проекта корейское правительство разрабатывает новую национальную стратегию в области информационно-коммуникационных технологий – IT839 (восемь услуг, три инфраструктуры и девять технологий).

В ноябре 2008 года в Корее был объявлен Мастер-план по национальной информатизации (2008–2012 гг.), а для его успешного выполнения введен План действий по национальной информатизации, преследующий цели восстановления экономики и повышения конкурентоспособности национальной экономики. На практике план действий предполагает изменение концепции взаимоотношений между государством, физическими лицами и бизнесом, посредством предоставления госу-

дарственных услуг в один этап онлайн без посещения государственных учреждений и получения бумажных документов. С помощью чего предполагается сэкономить 13,300 трлн. вон в ближайшие четыре года, а также ожидается создание (либо продвижение по службе) в области информатизации 142 000 постоянных рабочих мест [7, р. 10–11].

Следующий этап развития информационного законодательства был связан с принятием 22 мая 2009 года Рамочного закона «О национальной информатизации Республики Корея» [4]. В соответствии с п. 3 статьи 16, государство и все местные органы власти должны были разработать и осуществлять политику по продвижению национальной информатизации. Главы центральных административных органов и главы органов местного самоуправления разрабатывали и внедряли план реализации национальной информатизации каждый год, в соответствии с основным планом, а также представляли Президентскому совету по вопросам информационного общества на рассмотрение отчет о реализации плана за предыдущий год, а также план на предстоящий год.

Информационная политика Республики Корея приобретает новый виток в своем развитии в 2010 году и находит свое воплощение в реализации проектов «Смарт Корея», что было вызвано широким распространением смартфонов. Так, государственная стратегия «интеллектуальной страны» предусматривает развитие мобильного Интернета, создание смарт-сетей, и построение на основе этих сетей нового смарт (интеллектуального) общества.

В качестве одного из правовых аспектов информатизации следует упомянуть информатизацию органов местного самоуправления. Так, в феврале 2003 года была создана Корейская ассоциация местной информатизации (KALI), действующая на основании Закона «О местном самоуправлении» и Закона «О содействии компьютеризации административной работы для реализации электронного правительства».

Основной функцией KALI является информатизация органов местного самоуправления, а также содействие созданию электронного правительства.

Последние изменения информационного законодательства Республики Корея были связаны с принятием в 2011 году Закона «О персональных данных», который был направлен на защиту информации и частных субъектах и преследовал цель укрепления информационной безопасности. Закон, в частности, запретил использование частными компаниями информации персонального характера, а также запретил саму возможность требования такой информации от граждан. В соответствии со ст. 2 данного Закона, конфиденциальной объявляется информация, относящаяся к живому человеку, которая идентифицирует конкретного человека по его имени, национальному идентификационному номеру, изображению или иной аналогичной информации. Так же в качестве нововведения Закон закрепляет права субъекта в отношении данных о нем. Так субъект имеет право:

- на получение информации о себе, которая находится в обработке в государственных органах и у частных компаний;
- дать согласие на обработку персональных данных или отказать в нем;
- на подтверждение обработки таких персональных данных, а также требовать доступа (в том числе выдачу свидетельства) к своим персональным данным;
- приостановить обработку и сделать коррекцию, удаление и уничтожение такой личной информации;
- на соответствующее возмещение за ущерб, возникший в результате обработки персональных данных.

Руководство Республики Корея, несмотря на уже достигнутые высокие результаты, продолжает инициировать проекты (программы) в сфере информатизации государства, которые сменяют друг друга. С 2013 года в Корею приступили к реализации программы Giga Korea, для коорди-

нации деятельности которой, было создано Министерство науки, ИКТ и планирования будущего. По заявлению возглавившего его Чой Мун-ки (Choi Moon-ki), министерство нацелено на укрепление фундамента науки и ИКТ посредством интенсификации процесса укрепления фундаментальной науки и программного обеспечения (ПО); создание среды, в которой каждый может предложить свежие идеи для создания венчурных компаний; создание новых рабочих мест путем улучшения климата для начинающих предпринимателей (start-ups) посредством поддержки и координации политики с соответствующими учреждениями, доведения уровня отечественных научных исследований до мирового; запуск правительственный проект, по которому социальные вопросы (такие как безопасность пищевых продуктов и охрана экологической среды) будут разрешаться посредством научных технологий; удвоит усилия по созданию коммуникаций и Интернет-среды, которые будут полезны в повседневной жизни людей, и сократит стоимость ИКТ-услуг [1, с. 10].

Занимая лидирующие позиции в мировых рейтингах по уровню развития ИКТ, и имея, таким образом, положительный опыт в вопросах информатизации, Корея сотрудничает со многими государствами, в том числе находящимися на постсоветском пространстве. Так, в 2013 году было налажено сотрудничество Южной Кореи с Белоруссией и Узбекистаном по вопросам создания электронного правительства.

По нашему мнению, несомненный практический интерес имеет активизация сотрудничества Российской Федерации и Республикой Корея в сфере информатизации, с целью привлечения положительного опыта. Такое сотрудничество может проявляться в различных формах, например, путем проведения меморандумов на пра-

вительственном уровне, проведения конференций, обмена кадрами, стажировки с целью получения опыта, проведения совместных исследований и т. д. В результате такого сотрудничества у Российской Федерации появится собственный потенциал для реализации соответствующих проектов на внутригосударственном уровне.

Анализ опыта Республики Корея показал, что процесс информатизации и формирования информационного общества в этом государстве проходил в рамках проводимых в странах административных реформ. Этот процесс сопровождается формированием электронного правительства, ориентированного, прежде всего, на граждан. Проведенный анализ также показал, что руководство Республики Корея в вопросах информатизации основывает свою деятельность на представлении государства как сервисной системы, основной целью которой является обслуживание интересов общества.

Так же было выявлено, что информатизация государства в Республике Корея осуществлялась планомерно, в рамках реализуемой общегосударственной информационной политики и имело четкие законодательные основы.

В результате произведенного исследования можно заключить, что высокие позиции Республики Корея в мировых рейтингах обусловлены применением комплексного подхода к решению проблемы модернизации государственного управления, четко прослеживается проводимая в стране политика по разграничению полномочий между уровнями власти, и особым упором на муниципальный уровень. По нашему мнению, отражение в политике Российской Федерации этих тенденций будет иметь положительные результаты, и способствовать дальнейшему развитию процесса информатизации и его правовому обеспечению.

Литература и источники

1. Белова Л. Г. Южная Корея: движение от информационного общества к вездесущему обществу // Транспортное дело России. 2014. № 3.
2. Закон Республики Корея от 05.02.1999 г. № 5792 «О цифровой подписи» [Электронный ресурс] URL: <http://unpan1.un.org/intradoc/groups/public/documents/UN-DPADM/UNPAN042823.pdf> (Дата обращения: 23.03.2015).

3. Отчет о результатах обучающего визита делегации Федерального казначейства в Министерство стратегии и финансов Республики Корея [Электронный ресурс] URL: <http://www.roskazna.ru/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo-news/doc/%D0%9E%D1%82%D1> (Дата обращения: 23.03.2015).
4. Рамочный закон о Национальной информатизации № 9705 от 22 мая 2009 [Электронный ресурс] URL: <http://unpan1.un.org/intradoc/groups/public/documents/UN-DPADM/UNPAN042828.pdf> (Дата обращения: 23.03.2015).
5. Штефан Е. Увеличивается разница в уровне информатизации между регионами Кореи // Сеульский вестник. [Электронный ресурс] URL: <http://vestnik.kr/high-tech/2340.html> (Дата обращения: 23.03.2015).
6. United Nations E-Government Survey 2014 [Электронный ресурс] URL: <http://unpan1.un.org/intradoc/groups/public/documents/un/unpan048065.pdf>. (Дата обращения: 23.03.2015).
7. 2010 Informatization White Paper Republic of Korea [Электронный ресурс] URL: http://www.korea.go.kr/new_eng/html/files/publications/2010_Informatization_WhitePaper.pdf (Дата обращения: 23.03.2015).

УДК 340.153; 342.511.6

С. А. Польская

**ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ФРАНЦУЗСКОГО СРЕДНЕВЕКОВОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА:
ИЗЪЯТИЕ ИЗ ОБЩЕГО ПРАВИЛА**

Статья посвящена анализу формирования и развития теоретических основ правила изъятия из общего правила в процессе усиления потестарных полномочий французской монархии на протяжении XII–XV вв. Основой выступает содержание королевских грамот о помиловании и об освобождении, практика распространения которых свидетельствует о расширении судебных привилегий короля.

Ключевые слова: изъятие из общего правила судопроизводства (*obstante generaliter, nonobstant la règle générale*), право королевского помилования (*le droit de grâce royal*), грамоты о помиловании (*les lettres de rémission*), грамоты об освобождении (*les lettres d'abolition générale*).

S. A. Polskaya

**THEORY AND PRACTICE OF MEDIEVAL FRENCH LEGAL PROCEEDINGS:
EXCEPTIONS TO THE GENERAL RULES OF PROCEDURE**

This article analyzes the formation and development of the theoretical foundations of the right of withdrawal from the general rule in the process of strengthening the powers of French monarchy during the XII–XV c. It is based on the content of royal charters of pardon and release, dissemination of which means the expansion of judicial privileges of the king.

Key words: Exception to the general rules of legal procedure (*obstante generaliter, nonobstant la règle générale*), a right of royal pardon (*le droit de grâce royal*), letters of pardon (*les lettres de rémission*), certificates of exemption (*les lettres d'abolition générale*).

Изъятие из общего правила (лат. – *obstante generaliter*; фр. – *nonobstant la règle générale*) начинает формироваться во Франции уже начиная с XII в. и оценивается большинством специалистов как отмена

судебного приговора в виде королевского помилования, освобождения (*la rémission, réduction de peine*) [3; 6; 8; 13; 16, p. 386–402] в качестве легитимного права последнего (*le droit de grâce royal*) [18] вплоть

до полной отмены наказания (*d'abolition générale*). Юридическим основанием для его осуществления выступила норма канонического права, изложенная в т. н. «декрете Грациана» (*Concordia discordantium canonum*), согласно которой изъятием является временное смягчение строгости закона в силу необходимости или полезности для Церкви [1, р. 326]. Из этого определения будет зарождаться универсальная теория изъятия, давшая этому институту необходимую для его распространения строгую структуру.

Она постепенно сложилась в ходе практики составления королевских грамот о помиловании (*les lettres de rémission*), основой которых, в свою очередь, выступали соответствующие прошения. Они в значительном количестве сохранились во французских центральных и региональных архивах (так, столь признанный авторитет, как Клод Говар настаивает на 7500 единицах только для Национального архива, предтечей которого являлась сокровищница Палаты хартий, учрежденная еще Франциском I [6, р. 62]), и содержат описания, где, как правило, приводятся обвинительные факты заслуживающего прощения дела. Для этого проситель (*le rémissionnaire*) должен подробно описать все обстоятельства, доказывающие его невиновность или вину (в таком случае, требовалось раскаяние в совершенном), поэтому они должны быть подтверждены прямыми или косвенными свидетельствами. Потерпевший или уполномоченные им лица, участвующие в дополнительном судебном процессе, в течение которого судья будет рассматривать обоснованность прошения, и проверять точность фактов, будут уведомлены о возможном помиловании со стороны короля [2; р. 16]. И поскольку прошения о помиловании подавали как те, чья виновность была доказана судом, так и только ожидавшие приговора подсудимые, равно как и уже осужденные и даже претерпевающие наказание, то процесс дифференциации монаршего вмешательства в судопроизводство стал неизбежен. Тем более, что последнее обстоятельство позволяло в полной мере

использовать потестарные стратегии власти для придания ей все большей значимости в глазах общества.

В итоге, в правление Карла VI, наряду с грамотами о помиловании, появляется их разновидность – грамоты о полном освобождении (*les lettres d'abolition générale*), которые в полной мере реализовывали возможности осуществления изъятия из норм общего правила волей короля. Дело в том, что грамоты об освобождении выдавались исключительно в тех случаях, когда обычное освобождение (и соответствующая грамота) не могло быть предоставлено [9]. Более того, в этом случае королевское вмешательство могло быть осуществлено на любом этапе отправления правосудия: до, во время и после осуждения и приговора суда. С другой стороны, легитимный статус монархии не позволял ее носителю низводить право помилования до произвола и попирания закона, поскольку это бросало тень на репутацию высшей власти хотя бы в глазах потерпевшей стороны.

С этой целью назначалась процедура специального расследования, в ходе которой следовало установить, не имела ли место в ходе первоначального следствия и суда субрепция (*subreption*), т. е. нечестное доказательство и сокрытие фактов, а также разглашение заранее порочащих репутацию подозреваемого сведений – обрепция (*obreption*). Наконец, *d'abolition générale* чаще всего назначалось ко дню инаугурации монарха, его бракосочетания или иного торжества, связанного с публичным церемониалом. В таком случае, попавших под полное освобождение свозили к месту его проведения (например, в Реймс, где проходили королевские инаугурации) и особым образом проводили процедуру помилования (например, ритуал освобождения птиц, которых отпускали по окончании церемонии королевского посвящения [18, с. 183–184].

Если на момент полного освобождения приговор суда еще не был вынесен, то король получал дополнительную возможность расширить правило изъятия. Однако оно крайне редко осуществлялось в тех случа-

ях, когда характер совершаемого преступления угрожал самой власти, социальному порядку, следовательно, чести ответственного за него перед обществом и Богом короля (*l'honneur du roi*), и потому подлежали юрисдикции королевского суда (*les cas royaux*). К их числу уже «Установления» Людовика Святого относили: нарушение гарантии мира (*l'asseûrement*), безопасности (*la sauvegarde*), изготовление фальшивых денег, разбой на дорогах, похищение и изнасилование, ношение оружия, измены, колдовство и богохульство. В XIV в. этот перечень расширится за счет такой нормы, как оскорбление величества (*la lèse-majesté*): в этом случае судебный процесс осуществлялся повторно, уже непосредственно в королевском суде [5; р. 15].

Подлежащие его рассмотрению преступления были классифицированы по трем обширным категориям: против власти, против личности и имущественных преступлений. Она допускала и смешанную градацию, в случае, например, сбыта фальшивой монеты, что квалифицировалось, в конечном итоге, как преступление против короля. По отношению к последним, как показывает приводимая исследователями статистика, практически не наблюдается прощений о помиловании и, как следствие, и грамот о его пожаловании, причиной чего, по всей видимости, является бесполезность усилий со стороны обвиняемых или осужденных. Так, Пьер Шарбоннье приводит данные о делах осужденных в Пуату с января 1460 г. по июнь 1461 г., согласно которым квалификации «преступление против короля» подлежат всего 2 %, а «выпады против короля» – 0,66 %. Тем не менее, ни одно из них не сопровождается прощением о помиловании, равно как лжесвидетельство и богохульство. Исключение составляют подделки печатей и кражи королевского имущества, но и в этих случаях прощения встречаются только дважды. Аналогичное мнение о сложности интерпретации прямой квалификации дел (на примере богохульства) высказывает и Жаклин Уару-Додину [4; 10, р. 194–196]. Поэтому в основной массе (57 %)

королевское помилование изымало из общего правила убийства (*les homicides*), преступления против собственности, в том числе кражи (20 %), помилованные же преступления против морали, к которым относились и деяния против Бога, и против короля составляли на этом фоне совсем незначительную долю (от 6 до 8 %) [7, р. 279].

И, разумеется, дабы не компрометировать работу предыдущего, осуществляемого на местах, суда, который формально также проистекал от государства, следовательно, от короля, монархия не ставила ее под сомнение, – осуществляя изъятие из общей судебной практики, она заявляла, что находится выше ее, поскольку ее власть сакрализована и теизирована.

Кроме того, как уже указывалось выше, при осуществлении изъятия монархия не могла игнорировать и интересы истца как пострадавшей стороны. Таким образом, изъятие а форме освобождения (обычного или полного) – это не устранение или забвение вины. Ее факт остается, но становится приемлемым не только по помилованию короля, но и с согласия истца, что означает решение проблемы компенсации. Чтобы быть эффективным в глазах общества, *les lettres de rémission* и *les lettres d'abolition générale* сопровождались письменным соглашением, заключенным с противной стороной, которой организовывалась приемлемая для каждого отдельного случая компенсация. В конце XIV в. некоторые *les lettres de rémission* очень сосредоточены на общественном резонансе королевского решения, отдельно оговаривая причины его принятия. При этом заданность обоснований заключалась не только в определении законности грамоты и, следовательно, лишало королевское милосердие характера произвола, а в знании: сможет ли его принять потерпевшая сторона. Так, помилование допускало определенные действия ответчика в форме письменного признания вины. В таком случае ответчик, как выгодоприобретатель грамоты, при ее применении заходил в тупик, особенно в том случае, если его признание оказывалось самооговором. И все же согласие потерпевшей стороны являлось одним общим

условием для всех форм освобождения без исключения [17, р. 349–350]. Ее отсутствие означало удовлетворение требований истца и отмену помилования. Возможно, именно по этой причине оно не столь повсеместно распространялось на тяжкие преступления и фактически не затрагивало суверенные права короля: ведь этом случае подтверждения требований истца не случится, поскольку он же и осуществляет освобождение.

Следует отметить, что королевская власть нашла выход из столь противоречивого положения, наступающего на ее прерогативы. Начиная с правления Филиппа VI, требуется письменное согласие сторон уже в прощении о помиловании, а само проше-

ние считается наиболее полноценным, если оно подписано потерпевшими или их представителями. Однако примирение с потерпевшей стороной больше не являлось условием для предоставления помилования, а только подтверждало его эффективность. Теперь монарх совершенно свободно осуществлял изъятие из общего правила и предоставлял освобождение, хотя предпочитал использовать примирение с истцом, согласно ратифицированному судебному решению [2]. Все это расширяло полномочия королевской власти, открывая широкие перспективы для лавирования потестарными стратегиями, подготавливая почву для будущего абсолютизма.

Литература

1. Bernold de Constance. *Epistolae*. LVII // *Patrologia Latinae*. Т. 161. 1855.
2. Braun P. La valeur documentaire des lettres de rémission // *La faute, la répression et le pardon. Actes du 107 Congrès national des Sociétés savantes, Brest, 1982, Section de philologie et histoire jusqu'à 1610*. Т. 1. Paris, 1984.
3. Brys J. *De dispensation in jure canonico*. Bruges, 1925.
4. Charbonnier P. Culpabilité et criminalité dans les lettres de rémission de la seconde moitié du XVème siècle. // *La culpabilité* / Éd. Hoareau-Dodinau J., Texier P. Limoges, 2001.
5. Cheyette F. La justice et le pouvoir royal à la fin du Moyen Âge français // *Revue historique de droit français et étranger*. 1962. № 40.
6. Gauvard C. «De grâce especial». *Crime, état et société en France à la fin du Moyen Âge*: 2 vol. – Paris, 1991.
7. Gauvard C. Grâce et exécution capitale: les deux visages de la justice royale française à la fin du Moyen Âge // *Bibliothèque de l'École des chartes*. 1995. Vol. 153. № 153-2.
8. Gauvard C. *Les rites de la justice*. Paris, 2000; etc.
9. Gauvard C. Le roi de France et l'opinion publique à l'époque de Charles VI // *Publications de l'École française de Rome* // *Culture et idéologie dans la genèse de l'État moderne: Actes de la table ronde de Rome (15–17 octobre 1984)*. 1985.
10. Hoareau-Dodinau J. Le blasphème au Moyen Âge. Une approche juridique // *Atalaya. Revue française à Etudes Médiévales Hispaniques*. 1994. № 5. *Invective au Moyen Âge*. France, Espagne, Italie. Paris, 1994.
11. Hoareau-Dodinau J. La violence verbale le dans les lettres de rémission du Trésor des Chartes (XIVe – XVe siècles) // *Mémoire pour le D. E. A. d'Histoire du Droit*. – Limoges, 1982. Multigr.
12. Lalière Fr. La lettre de rémission entre source directe et indirecte: instrument juridique de la centralisation du pouvoir et champ de proposition pour l'historien du droit // *Valence, conciliation et répression. Recherches sur l'histoire du crime de l'antiquité au XXIème siècle* / Éd. De A. Musin, X. Rousseaux et F. Vesentini. Louvain, 2008.
13. Lefebvre-Teillard A. Les origines: la dispense en droit canonique // *Droits*. 1997. № 25. La dispense.
14. Pennington K. *The Prince and the Law, 1200-1600: Sovereignty and Rights in the Western Legal Tradition*. – Philadelphia, 1993.
15. Perrot E. *Les cas royaux. Origine et développement de la théorie aux XIIIe et XIVe siècles*. Paris, 1910.
16. Texier P. *La rémission au XIVème siècle. Genèse et développement*, thèse droit. Limoges, 1991.
17. Texier P. *Rémission et évolutions institutionnelles* // *Le pardon* / Éd. Hoareau-Dodinau J., Rousseau X., Texier P. Limoges, 1999.
18. Польская С. А. Судья высшей инстанции: право королевского помилования в средневековой Франции (от rémissions к abolitions) // *Право в средневековом мире. 2010: сборник научных статей / под ред. И. И. Варьяш, Г. А. Поповой*. М.: Наука, 2010.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 070: 659.123.4

Е. Н. Ежова

КОСМОГОНИЧЕСКИЕ МИФЫ В ОРГАНИЗАЦИИ РЕКЛАМНОГО ПРОСТРАНСТВА

Исследование посвящено космогоническим мифам, которые приобретают особую значимость в организации медиа-рекламной картины мира. Автор приходит к выводу, что рекламное мышление мифологично по сути, поскольку направлено не

на отражение реальности, а на ее конструирование.

Ключевые слова: организация рекламного пространства, медиарекламная картина мира, космогонические мифы.

E. N. Ezhova

COSMOGONIC MYTHS IN THE ORGANIZATION OF THE ADVERTISING SPACE

The article is devoted to the phenomenon of cosmogonic myths, which are of great significance in the organization of media-advertising world view. The author comes to the conclusion that advertising mentality is in fact

mythological as it is directed on the construction of reality rather than on its reflection.

Key words: organization of the advertising space; media-advertising world view; cosmogonic myths.

В организации медиарекламной картины мира заложены противоборствующие механизмы: сдерживания, сохранения статики, стабильности, стереотипности – и одновременно развития, динамики, творчества, креативности. Механизм сдерживания проявляется в опоре на базовые культурно-социальные регуляторы: систему общечеловеческих нравственных ценностей, конвенций, ментальных норм, традиций, религиозных убеждений, политических воззрений и др. Механизм динамики – в изменении более поверхностных установок или потребностей аудитории либо в формировании новых. Эти две противоборствующие тенденции определяют специфику конструирования любого рекламного текста. Чтобы быть адекватно воспринятым, рекламное сообщение должно соответствовать информационным запросам аудитории и опираться не только на ментальные стереотипы, но и на глубинные структуры

сознания: символы, мифологемы, архетипы, которые определяют модели социокультурного поведения, нормы, идеалы.

Мифологическая основа распознается в абсолютном большинстве рекламных текстов, поскольку рекламное мышление мифологично по сути – оно направлено не на отражение реальности, а на ее интерпретацию, переосмысление и конструирование на ее основе новой, абсолютно оптимизированной реальности. В этом смысле можно говорить об изофункциональности мифологической и рекламной картин мира.

М. Ковриженко отмечает, что наиболее частотны мифотехнологии используются в телевизионной рекламе, которая стала главным каналом трансляции мифа в мире. «...Пространство рекламы мифореально, оно обладает свойствами мифологических превращений. В рекламе небо – это божественная лазурь, горы – сверкающие сказочные вершины, вода – это хрустальные

струи или синеющие дали и т. д. Реклама предлагает мифологизированное изображение идеала-рая. В основе этого лежит древнейший миф человечества о стране Эдеме, рае – как конечной цели мироздания» [2, с. 107]. Архетип поиска и возвращения утраченного рая используется, например, в рекламе шампуня Nature: «Nature. Как первая капля росы в день сотворения мира». В рекламе Range Rover («В любой точке мира, в любой обстановке Вы почувствуете себя как дома. Range Rover. С высоты положения») образ неба также дан в библейской интерпретации: белоснежный автомобиль преодолевает небесные ворота рая.

В пространственно-временной организации медиарекламной картины мира особую значимость приобретают космогонические мифы. Мифы о творении получают здесь новую интерпретацию как способы повествования о происхождении и освоении новой вещи, способной преобразовать некую неупорядоченность (хаос) в организованное пространство (космос). Атрибутами этих космогонических мифов в рекламе становятся образы, связанные с представлениями о структуре космоса, трехчастной вертикально (небо с солнцем, луной, звездами; океан и земная твердь с ландшафтом, растениями, животными, человеком; подземный мир – мир мрака) и четырехчастной горизонтально (четыре стороны света, четыре земных стихии: огонь, вода, земля, воздух).

Фундаментальным культурным символом, репрезентирующим модель упорядоченности мироздания и генезиса, выступает мировое древо. В архаичных моделях космогенеза, фундированных сюжетом сакрального брака Земли и Неба, воздвижение мирового древа является центральным моментом космоизации мира, отделение друг от друга Земли и Неба и обеспечивает существование мирового пространства. Мифологема дерева оказывается семантически амбивалентной, будучи отнесенной одновременно и к земному (женскому), и к небесному (мужскому, фаллическому) началам. Благодаря данной полисемантической, культурный символ дерева как центра мира

неизменно претендует в западной культуре, согласно оценке М. Элиаде, на статус точки соприкосновения имманентного и трансцендентного [4, с. 691].

В медиарекламной картине мира семиотический инвариант мировой вертикали, мировой оси (axis mundi) может предстать в разных вариациях: камень, гора, башня, маяк, колонна, арка, лестница, храм, крест и т. п., однако во всех случаях этот образ наделяется сакральной ценностью и сохраняет за собой статус символа гармонии как проявления упорядоченности бытия, стремления к совершенству. Эта вертикаль маркирует сакральные точки абсолютного верха (неба) и низа (центра земли) и выступает как шкала ценностей объектов, размещенных в пространстве. В медиарекламной картине мира, как и в мифологической картине мира, пространство не гомогенно: через мир вещей и человека как творца вещей пространство становится иерархизованной структурой с различной значимостью и соподчиненностью частей. «Локальное распределение значимости этого пространства таково, что оно подчинено принципу постепенного нарастания сакральной отмеченности объекта по мере движения от периферии к той точке пространства, которая считается его центром» [5, с. 74].

К примеру, в рекламе часов Rolex используется образ маяка, гармонизирующего изображенное пространство (в рекламе с «ночной» темой маяк изображен точно в центре золотого сечения визуальной горизонтали; в рекламе с «сумеречной» темой центр золотого сечения маркирован изображением в нижней части рекламного текста иконического знака часов Rolex) (рис. 1). Рекламная идея построена на идее изофункциональности часов и маяка как средства ориентации: подобно тому, как маяк дает ориентир в пространстве, организует его вокруг себя и магически притягивает к себе, часы дают ориентир во времени и также организуют его. Кроме того, образ маяка несет в себе и традиционные культурные смыслы: отождествляясь с путеводной звездой, становится символом надежного помощника в море; являясь артефактом древности, передает идею стабильности и неподвластности времени;

будучи вариантом мифологемы мировой оси, передает идею гармонии, упорядоченности мира и стремления к совершенству. Обращает на себя внимание и используемый в рекламе архетип луны, изображенной в текстовом пространстве как проекция циферблата часов на небесную твердь. Здесь этот архетип актуализирует свою смысловую связь с представлениями о луне как символе универсального возобновления и становления, циклического ритма времени (раньше время измерялось фазами луны, от фаз луны зависят и биологические ритмы жизни человека; возможно, поэтому ее облик имеет для человека завораживающую силу). Фазы зарождения, исчезновения и появления Луны на небосводе символизируют бессмертие и вечность, постоянное обновление, просвещение. Возможно, такая многослойность смыслов не будет вычитана реципиентом из рекламного послания, однако используемые в рекламе архетипические образы способны вызвать эмоциональную реакцию воспринимающего субъекта и суггестивно воздействовать на его подсознательную сферу, минуя сознание.

Рис. 1. Мифологема мировой оси в рекламе

Изображение неба, солнца, луны, звезд в рекламных текстах символизирует, как правило, идеи красоты, гармонии, победы света над тьмой, вочеловечивания безличного. Образ неба в медиарекламной картине мира является, как правило, воплощением высшей сферы – сферы трансцендентального, величественного, возвышенного, духовного, божественного. Воздушная стихия неба, ассоциирующаяся с превосходством, недоступностью, непостижимостью, символизирует стремление к совершенству, всезнанию, обладанию высшей истиной. В рекламе, как и в архаичных культурах, многоуровневое небо – обитель богов – мыслится как источник спасительных и карающих сил (например, в виде сверкающей кометы появляется с неба бритва Gillette). В рекламе, опирающейся на восточные традиции, используется образ неба как носителя божественного могущества (например, фирма Canon называет небеса своим верховным управляющим). Образ неба становится структурообразующим в рекламной кампании внедорожника Land Rover Defender: «Пробиться сквозь болота и туманы. Покорить пространство, первым проложив маршрут. Подняться выше облаков, чтобы достичь вершины... Defender. Классика 4x4». Изобразительный ряд дает вид стоящего на вершине горы, выше облаков, автомобиля из иллюминатора самолета (рис. 2).

Рис. 2. Образ неба в медиарекламной картине мира

Образ Солнца используется в рекламе достаточно частотно и активизирует различные по глубине слою смысла. Символика

солнца (иконические знаки, образы солнца и солнечного света, растений, тянущихся к солнцу, прежде всего, подсолнуха, доминирование яркого желтого цвета и пр.) связана с идеей силы, источника жизни, здоровья, роста. Солярные знаки (колесо, диск, круг с центральной точкой, исходящие от точки прямые и волнистые лучи, всевидящий глаз и т. п.) используются в фирменных эмблемах, логотипах, товарных знаках (выше речь шла о знаке круга с тремя радиальными линиями в эмблеме автомобиля Mercedes). Слово солнце и его производные входят в состав брендов и слоганов: «Солнечная чистота «Санлайт», «Быть ближе к Солнцу... Чай «Принцесса Нури» высокогорный» и др. Образ солнца связан в рекламном тексте и с репрезентацией метафор света и тьмы.

Образ луны в определенном смысле противостоит образу солнца, символизируя пассивное женское начало, поскольку её свет – это лишь отраженный свет солнца. Если солнце в европейской культурной традиции соотносится с рефлексией, рациональным созерцанием мира, то луна олицетворяет темную, невидимую сторону природы, духовный свет во тьме и соотносится с внутренним знанием, интуитивным, иррациональным. В медиарекламной картине мира мифологема луны актуализирует свою амбивалентную семантику, означая жизнь и смерть, умирание и воскрешение. Полная луна ассоциируется с женским началом, плодородием, целостностью и завершенностью, духовной силой и глубиной. Убывающая луна наполняется мрачным, демоническим смыслом; нарастающая – символизирует свет, рост и возрождение.

Образ звезды в рекламе многозначен. Он может стать символом высоких помыслов, идеалов, высшей степени качества товара (выше речь шла об образе звезды в рекламе Sony, символизирующей «взошедшую звезду» фирмы, ее исключительность, устремленность к абсолютному качеству). Мифологема звезды связана с представлениями о человеческой судьбе: в различных традициях считалось, что у каждого челове-

ка есть своя звезда, которая рождается и умирает вместе с ним, что движение звезд воздействует на судьбы людей и народов. Изображения множества звезд в рекламе несет идею множественности, организации и порядка. Широко используется образ звезды в товарных знаках, причем смысл варьируется в зависимости от графической формы образа (количества лучей, цвета). Наиболее часто мифологема звезды используется в рекламе товаров высокого ценового диапазона (драгоценностей, высокотехнологичных товаров и др.).

Медиарекламная картина мира отражает и мифологические представления человека о первостихиях как основе «природности» мира. Обращение к стихиям воды, огня, земли и воздуха активизирует не только стоящие за этими знаками глубинные смыслы, накопленные культурой, но и создает симулякр утраченной символической соотнесенности с природой. В рекламе водки «Белая березка», слоган которой «С березкой душевнее», используется образ развернутого на крыше одного из многочисленных небоскребов «уголка природы» с зеленой травой, белыми березками, связкой дров, мангалом, разложенной на «земле» скатерти и отдыхающими людьми, одетыми в соответствии с дресс-кодом солидной фирмы (рис. 3). В рекламе создается образ мнимой природности, ее ложного подобия, т. е. симулякр, который, не претендуя на создание иллюзии реальности, в открытой форме порывает с референциальностью и декларирует себя как условный знак природности. Вещь через «возвращение» себе «природности» получает положительные коннотации, облагораживается в глазах современного человека. В медиарекламной картине мира все, на чем стоит печать «природности», ассоциируется с лучшим по качеству, более безопасным для здоровья и более желанным. В этом смысле природность как атрибут пространства функционально соотносится с древностью как атрибутом времени, поскольку возвращает человека к «естественному», «натуральному», «истинному», «подлинному».

Рис. 3. Симулякр природности в рекламе

В печатной рекламе Mitsubishi Pajero IV разрабатывается концепция, обозначенная в заголовке рекламы «В своей стихии». Визуальный слой рекламы включает образы всех четырех стихий: на фоне холодных темно-зеленых тонов горной долины, скрытой вдалеке туманной дымкой, изображен автомобиль, пересекающий реку; в верхнем правом углу дано символическое изображение огня с надписью «настоящий внедорожник» (рис. 4). Вербальный слой рекламного текста развивает тему четырех стихий: «Представляем абсолютно новый, еще более мощный и совершенный Mitsubishi Pajero четвертого поколения. Созданный для экстремальных условий, он вобрал в себя 70-летний опыт производства полноприводных автомобилей, которые доказали свое превосходство многократными победами в сложнейших ралли мира. Его стихия – ускользающий из-под колес песок, колючий океанский ветер, огненные всполохи заката и водные преграды, неожиданно встающие на пути. Новый Mitsubishi Pajero IV – эталон выносливости и технического совершенства».

Стихия воздуха в рекламе представлена в образах облаков, ветра, сгущающегося тумана, открытого пространства, свободного дыхания. Символика воздуха связывается со светом, полетом, легкостью, высотой. Воздух воспринимается как тонкая материальная реальность между земным и духовным планами, как символ невидимого мира. Он считается первичным элементом, поскольку

при конденсации воздуха происходит рождение воды – условия существования жизни; при его компрессии возникает огонь – условие возникновения всех форм жизни. Наряду с огнем, воздух соотносится с активным, мужским, легким, духовным началом, тогда как вода и земля рассматриваются как пассивные, женские, тяжелые, материальные. Например, в печатной и радиной рекламе Nescafe Gold стихия воздуха вариативно представлена в образе бодрящего ветра на морском просторе: «Великолепный Nescafe Gold, будоражащий, крепкий и пронзительный, как морской ветер, свободный и дерзкий, как сердце всадника, сердце, в котором живет мечта. Nescafe Gold. Мечты с продолжением».

Рис. 4. Образ стихий в медиарекламной картине мира

Образ воды в рекламных текстах актуализирует такие культурные смыслы, как источник жизни, молодости и здоровья (в рекламе косметики, продуктов питания, прежде всего минеральной воды и других напитков: «Живительная сила «Кристаллин» из недр земли российской»; в рекламе водки «Пять озер» создается образ «живой воды»: «Эта вода не просто чистая. Она

уникальна. Содержит серебро. В народе ее называют живой водой»), как средство очищения (в рекламе воды «Святой источник» используется мотив святого источника, дающего физическое и духовное очищение: «Капля святого есть в каждом»); как символ рождения разума в стихии коллективного бессознательного (в телевизионной и печатной рекламе Nissan Primera используется эффект наложения изображений едущего по мощеной городской дороге автомобиля и прыгающих над морской поверхностью дельфинов: «Nissan Primera – новая форма разума» – рис. 5).

Рис. 5. Образ воды как символа рождения разума в рекламе

Часто используется в рекламе мифологема воды как первородной, порождающей и преображающей стихии. В рекламе Mazda 6 автомобиль изображен в блеске солнечных лучей на дне прозрачного водоема (рис. 6). Вербальный слой рекламы актуализирует идею перевоплощения и совмещения несовместимого: «Перевроплощение Mazda 6 состоялось. Она пришла в новом облике. И установила свой закон эволюции. Новая Mazda 6 одновременно стала азартнее и комфортнее. Больше и легче. Мощнее и экономичнее. Объединить противоположности, сохранив достоинства. Таков закон Mazda 6».

Используется в рекламе и библейская мифологема, отсылающая к притче о пророке Моисее, который провел израильтян среди разверзнувшихся вод Красного

моря. В соответствии с притчей, сам Бог показывал, куда направлять им путь свой: «Он шел пред ними днем в столпе облачном, а ночью в столпе огненном, освещая путь их» (Исх. XIII, 21, 22). В социальной рекламе «Помогите сохранить океан чистым!», запущенной Международной ассоциацией серферов Surfrider Association, эта мифологема трансформируется: на дне моря среди расступившихся вод Моисей и израильтяне обнаруживают груды оставленного людьми мусора. В качестве приема стилизации «под старину» используется эффект пожелтевшей от времени бумаги, на которой изображена реклама (рис. 7).

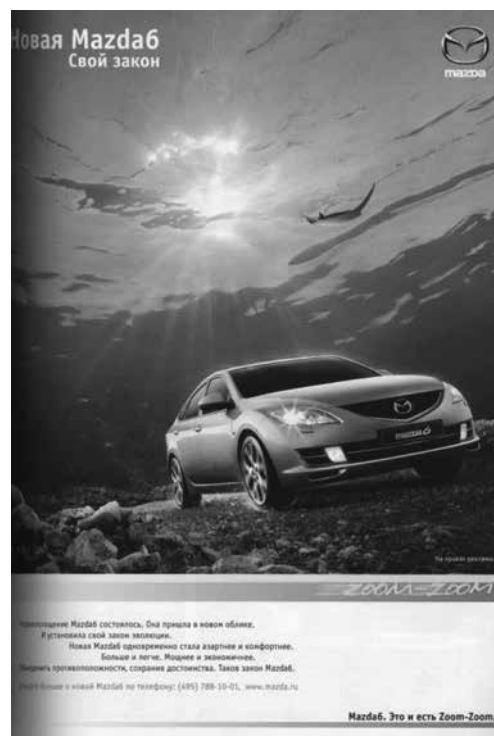

Рис. 6. Мифологема воды как преображающей стихии в рекламе

Образ огня в медиарекламной картине мира также реализует часть смыслов своей полисемантической структуры, варьируясь как образ домашнего очага, обозначающего мир и благополучие; образ дыма от огня, отгоняющего злых духов и защищающего; образ полыхающего пламени, символизирующего бесконечную подвижность форм, духовную энергию, огонь души, тела и разума.

Рис. 7. Библейские мифологемы в медиарекламной картине мира

Огонь, рождаемый в небесах и нисходящий на землю вместе с молнией, – это символ божественного; огонь, выходящий из недр земли, – символ дьявольского. Огонь символизирует бесконечную подвижность формы и непостоянство. Будучи силой, способной разрушить любые формы, но, вместе с тем, принести очищение и обновление, огонь становится символом преобразования и перерождения. Метафора огня наделяется значением духовной энергии и трансгрессии (от лат. trans – сквозь, через, за и gressus – приближаться, переходить, нападать) – выхода за пределы формы, за пределы возможностей человеческого разума.

Концепция огня, например, является инвариантной основой рекламной стратегии японских автомобилей класса люкс Infiniti. Образ огня присутствует и в телевизионной рекламе, и в различных вариантах печатной рекламы. В печатной рекламе изображен автомобиль Infiniti FX на фоне всеохватывающей, бесконечной огненной стихии (рис. 8). В вербальном слое развиваются смыслы, входящие в культурный пласт значений концепта огня: разрушение стереотипов, индивидуальность, ин-

теллектуальная безупречность, превосходство и стремительность («Infiniti FX ломает стереотипы. Неповторимость дизайна как доказательство индивидуальности. Мощь двигателей V6 280 л. с. и V8 328 л. с. и безупречность интеллектуальной системы полного привода. Выдающиеся способности ATTESA E-TS как подтверждение превосходства стремительного кроссовера»). Этот текст концептуально развивает смыслы, заложенные в образе огня: он рождает желания, вдохновляет, он ярок и полон энергии, он наполнен мыслью и содержит потенциал трансгрессии – выхода за пределы формы.

Рис. 8. Образ огня в медиарекламной картине мира

Выбор в качестве рекламной идеи мотива огня, вероятно, продиктован самим брендом. Infiniti в переводе с англ. означает бесконечность, безграничность, происходит от лат. *īnfinītīvus*, что означает неопределенный модус. Как пишет Ж. Делез, «есть два времени, одно имеет всегда определенный вид – оно либо активно, либо пассивно; другое – вечный Инфинитив, вечно нейтрально» [1, с. 245].

В медиарекламной картине мира образы стихии реализуют не только семантику первоэлементов окружающей среды, но и семантику явлений природы, имеющих никем не сдерживаемую разрушительную силу, однако в рекламе опасности стихии в большинстве случаев преодолеваются человеком посредством волшебных помощников – рекламируемых объектов. Наиболее часто разбушевавшаяся стихия связывается в рекламе с образами воды,

ветра и дождя. Вода в этом случае предстает как символ изначального хаоса, знак опасности или смерти. В рекламе используются типичные для массовой культуры апокалипсические мотивы потопа, наводнения, цунами и других связанных с водой катаклизмов. К примеру, в телевизионной и печатной рекламе «Райффайзенбанка» образ разбушевавшейся стихии представлен иначе: сильный ветер гонит по потемневшему небу тяжелые, низкие облака, клонит к земле темно-зеленые травы, обнаженное дерево и одинокий белый цветок, который кажется серым, и лишь каменная глыба незыблема в этом пространстве, а возле этого огромного камня растет каменная пирамида из небольших булыжников, символизирующих вклады. Вербальный слой печатного рекламного текста проясняет концепцию рекламы: стихия в природе становится метафорой финансовой стихии, обрушив-

шегося экономического кризиса: «Стихия способна разрушить все, что угодно. «Райффайзенбанк» твердо стоит на ногах. <...> Доверьте свои сбережения тому, кто способен противостоять стихии. «Райффайзенбанк» <...> проводит акцию по вкладам «Стихию лучше переждать за тем, кто крепко стоит на ногах». Реклама активизирует бытующее в российском сознании представление о большей устойчивости иностранных банков, по сравнению с российскими, к потрясениям в смутный период кризиса.

Включение в рекламный дискурс мифологем расширяет границы медиарекламной картины мира и вносит в него ценностное содержание. Сейчас мифологическое прошлое человечества воспринимается, говоря словами Е. М. Мелетинского, уже не как «полузабытый эпизод предыстории культуры, а как вечная, вневременная сущность культуры» [3, с. 159].

Литература

1. Делез Ж. *Логика смысла*. М.: Раритет, 1998.
2. Ковриженко М. К. *Креатив в рекламе*. СПб.: Питер, 2004.
3. Мелетинский Е. М. *Аналитическая психология и проблема происхождения архетипических сюжетов // Бессознательное. Многообразие видения*. Новочеркасск: Сагуна, 1994.
4. *Постмодернизм: энциклопедия* / сост. А. А. Грицанов, М. А. Можейко. М.: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2001.
5. Топоров В. Н. *Исследования по этимологии и семантике. Т. 1. Теория и некоторые частные ее приложения*. М.: Языки славянской культуры, 2004.

УДК 81'373.2

Е. А. Луговая

ОНОМАСТИКОН ВИРТУАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА ЖАНРА "FANTASY"
В АСПЕКТЕ НЕОЛОГИИ

В статье рассматриваются проблемы описания системы имен собственных эпопеи Дж. Р. Р. Толкиена «Властелин Колец» как индивидуально-авторских окказионализмов, позволяющих репрезентировать авторскую мифологию.

Ключевые слова: неологизм, ономастикон, антропоним, топоним, виртуальное пространство, авторская мифология.

Е. А. Lugovaya

THE PROPER NAMES' SYSTEM IN THE VIRTUAL SPACE
OF "FANTASY" GENRE IN THE ASPECT OF NEOLOGY

The article deals with the problem of describing the system of proper names in J. P. P. Tolkien's «The Lord of the Rings» as an individual neologisms, which allow to represent the author's mythology.

Key words: neologism, Proper Names' system, antroponym, toponym, virtual space, author's mythology.

На протяжении долгого времени в лингвистике остро стоит вопрос о том, что называть новым словом и какое значение вкладывать в это понятие. Именно поэтому в современном языкознании диапазон терминов для обозначения новых лексических единиц в системе русского языка весьма широк и включает несколько близких по своему значению понятий: неологизмы, инновации, новообразования. Но следует помнить, что при некотором сходстве они все же имеют особые, дифференциальные признаки, касающиеся внутренней формы, что обуславливает их роль в науке о языке.

Наиболее популярным в научной среде является термин «неологизм». Примечательно, что в школьной программе по русскому языку при анализе языковых явлений употребляется именно этот термин.

Значительное количество научной литературы подтверждает тот факт, что термин «инновация» в большей степени применим для определения новых денотатов на всех уровнях языковой парадигмы. Что касается новообразования, то сама структура этого субстантива говорит о том, что данный термин применим для разного рода инно-

ваций, реализующихся во всей парадигме языка, либо в случаях, когда речь идет о словообразовательных неологизмах, представляющих собой группы новых номинативных языковых единиц.

Важно отметить, что сам процесс пополнения живых языков лексическими инновациями является языковой универсалией. В научных работах М. В. Никитина не раз упоминается, что «...наличие подобных универсалий в языковой структуре обуславливается общностью функции языков и общностью психического и физиологического субстратов, на которых основана языковая система. Иначе говоря, функция, для которой возникает язык, и особенности человеческой природы, т. е. условия осуществления этой функции, вынужденно приводят к выбору определенной структуры, принципиально одинаковой при всем разнообразии ее конкретного воплощения» [3, с. 6]. Исходя из этого, следует, что неологизмы понимаются как универсальные явления, характерные для всех языков.

Важной особенностью неологизма выступает изменчивость и относительность, т. е. слово может считаться неологизмом

до тех пор, пока ему присуща лексическая новизна. В этом контексте важно учитывать, что неологизмы обладают компонентом «длительность» в рамках внутреннего времени. Другими словами, в лингвистике имеют место общепринятые неологизмы, частотность употребления которых достаточно высока, но все же они уже не несут элемента новизны, т. е. воспринимаются как нечто обыденное. Но, с другой стороны, наблюдается иной процесс становления малоизвестных, и от этого редко употребляемых неологизмов, которые и воспринимаются как нечто новое в парадигме речи.

Мы исследуем индивидуально авторские неологизмы, или окказионализмы, поэтому, на наш взгляд, наиболее близкой в русле нашего исследования можно считать структурную теорию, поскольку именно она поможет объяснить механизмы создания новых имен в идиостиле писателя.

Последователи данного направления считают, что к неологизмам относятся исключительно те слова, которые обладают абсолютной структурной и формальной новизной. Зачастую в этой роли выступают уникальные звуко сочетания, считающиеся нечленимыми, непроеизводными и немотивированными лексическими единицами, выраженными заимствованиями, аббревиатурами и звукоподражаниями. Этот тезис мы можем подтвердить примерами имен собственных из произведений «fantasy», поскольку именно этот жанр подразумевает литературное словотворчество, воплощаемое на лексическом уровне. Рассматривая все тексты «fantasy» как единое гипертекстовое пространство, мы утверждаем, что комплекс онимов позволяет продемонстрировать принципиальную структурную и формальную новизну. Например, эпоса Дж. Р. Р. Толкиена «Властелин Колец» – уникальное явление в мировой литературе, поскольку целью создания произведения послужило стремление автора отразить собственные лингвистические пристрастия, воплощенные в «новую» мифологию Англии.

Любое собственное имя эпоса «Властелин Колец» – это индивидуально-авторский окказионализм, поскольку оно

существует и имеет значимость только в пределах художественного произведения. Например, имена собственные Adelard; Bilbo; Bandobras; Isengrim; Frodo; Meriadoc; Tobold; Gandalf; Peregrin; Sauron; Celeborn; Galadriel; Ham (Hamfast); Holman; Sam (Samwise); Old Noakes; Daddy; Drodo; Primula; Gorbodoc; Otho; Lobelia; Everard; Saruman; Gil-galad; Sméagol; Déagol; Aragorn; Gildor; Inglorion; Barliman; Gimli; Legolas; Gandalf; Arwen; Denethor; Harry; Bill; Glorfindel; Lúthien; Goldilocks мало что скажут читателю, не знакомому с творческим замыслом профессора Оксфордского университета, их смысл, а также механизмы образования становятся понятны при более пристальном исследовании. В исследованиях С. Кошелева, С. Лузиной, Е. Штейнмана, Е. Луговой доказывается, что суть сказочно-мифологической теории Дж. Р. Р. Толкиена определяется такими факторами, как: 1) религиозное воспитание (многие из тезисов Августина Блаженного о милости Божией, прощении и смирении находят отражение на страницах романов); 2) любовь к древней (главным образом, северно-европейской) мифологии и средневековому эпосу; 3) особый, «лингвистический» способ восприятия и эстетического освоения мира.

Лингвистический способ освоения мира проявляется в принципиальной концептуализации имен. «Буква-символ (и комбинация букв-символов) представлялась древним как арена борьбы и целого комплекса мистических действий. В ряде доисторических религий слово рассматривалось скорее как акустический феномен, а не как носитель определенного значения, поскольку содержащийся в нем звук воспринимался как эманация космического дыхания, отражающий разнообразные ритмы Космоса» [2, с. 19–20].

Ономастикон виртуального пространства Дж. Р. Р. Толкиена изначально мифологичен, это «способ экспликации виртуальной реальности в соотносительном ряду: пространство – миф/виртуальность – топоним, с одной стороны, с другой – как авторский мир, наполненный смыслами (внутритек-

стовая модальность)» [1, с. 4]. Рассматривая ономастикон «Властелина Колец» в аспекте неологии, мы хотели бы особо подчеркнуть значимость географических имен собственных, поскольку именно они позволяют эксплицировать авторский миф во всем его многообразии языков и народов, населяющих «Вторичную» реальность Дж. Р. Р. Толкиена. Внутри топонимии «Властелина Колец» можно выделить два класса:

а) топонимы, значимые для представителей отдельного социума: the Shire «Хоббитания», Hobbiton «Норгорд», Bag End «Торба-на-Круче», Archet «Арчет», Combe «Гребешок», Bree «Пригорье» для хоббитов; Dale «Подгорное царство», the Misty Mountains «Мглистые горы» для гномов;

б) топонимы, названия которых происходят из других языков:

- сочетание кельтского и современного английского: The Chetwood (Chet – кельтское «лес» + wood – англ. «лес»); Breehill (Bree – кельтское «холм» + hill – англ. «холм»);
- сочетание древнеисландского и современного английского: Mirkwood (Mirk – происходит от древнеисландского «myrkviðr» + wood – англ. «лес»);
- сочетание древнеанглийского и современного английского: The Gladden Fields (древнеанглийское «glaedene» – «ирис» + совр. английский field – «поле»);
- названия на эльфийских языках, созданных Дж. Р. Р. Толкиеном:
 - а) на языке Серых эльфов: Amon Sûl, «Холм ветра»;
 - б) на синдаринском (Элдаринской ветви Эльфийской языковой семьи): Baráduin, от «baran» – «коричневый, желто-коричневый» + «duin», «река»; Mitheithel, от «Mithei» – «бледно-серый» + «thel» – «родник, источник».

Говоря о механизмах образования топонимов-неологизмов, мы можем выделить структурный аспект, который является первоначальным этапом любого исследования и позволяет выделить следующие типы топонимов:

а) однословные, которые условно можно разделить на:

- собственно однословные: Dwimordene, Fangorn, Isengard, Orthanc, Mordor, Moria, Gondor, Rohan, Anduin, Rivendell, Edoras, Mirkwood, Mundburg, Lothlorien;
- сочетание имени существительного и служебного слова-артикла: The Baranduin, the Entwash, The Withywindle (названия рек), the Mark, The Chetwood (названия обширных местностей), The North-, East-, West- South- farthing (названия уделов в Хоббитании, которые отождествлены со сторонами света);

б) двухсловные, подразделяемые на следующие группы:

- конструкция С+С, т. е. в состав топонима входят два имени существительных, выражающих отношения;
- определительные (состоят из 2 существительных в общем падеже): The Death Down, Blackroot Vale, Ringlo Vale, Minas Tirith, Sarn Gebir, the Rath Celerdain, Dol Amroth;
- принадлежности (существительное в притяжательном падеже или of – конструкция): the Lampwrights' Street; Durin's Tower, Helm's Dike, Wizard's Vale; the Battle of the Peak, the Fords of Isen, the Tower of Guard, the Hold of Dunharrow;
- конструкция П+С. Очень распространены конструкции типа прилагательное + существительное (П+С): the Old Guesthouse, the Green Hills, the Golden Wood, the Misty Mountains; the White Mountains;

в) трехсловные: the valley of the Eryn Muir.

Итак, топонимы виртуального пространства «Властелина Колец» – это окказиональные образования, существующие и несущие смысловую нагрузку только в тексте художественного произведения. На содержание и выбор топонимов эпопеи «Властелин Колец»

большое влияние оказывают прагматические факторы: географические условия (Приречье, Береговина, Темноводная долина, Норгорд, Землеройск и др.), исторические события, связанные как с заселением данной территории (Средиземье, Хоббитания, Гондор, Ристания названы в честь обитателей – хоббиты, гондорцы, ристанийцы), так и с мировоззрением жителей (Лихолесье, Стезя Мертвецов, Мертвая гора и т. д.).

Кроме того, в основе топонимов виртуального пространства лежат не только абстрактные знания о событиях и ситуациях, но и личностные знания жителей Средиземья, аккумулирующие их предшествующий индивидуальный опыт, установки и намерения, чувства и эмоции, что находит выражение преимущественно в метафорических названиях топонимикона «Властелина Колец».

Литература

1. Луговая Е. А. Топоним виртуального пространства как культурно-историческая категория (на материале эпопеи Дж. Р. Р. Толкиена «Властелин колец»): дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2006. 220 с.
2. Маковский М. М. Феномен табу в традициях и в языке индоевропейцев. Сущность – формы – развитие. М.: Азбуковник, 2000.
3. Никитин М. В. Лексическое значение слова. М., 1983.
4. Толкин Дж. Р. Р. Властелин Колец: в 2 т. / пер. с англ. Н. Григорьевой, В. Грушецкого. М.: ТО «Издатель», 1993.
5. Tolkien J. R. R. *The Lord of the Rings. The Fellowship of the Ring. Book 1* / комментарий Е. В. Гвоздковой. На англ. яз. М.: Рольф, 2003. 288 с., ил.
6. Tolkien J. R. R. *The Lord of the Rings. The Two Towers. Book III* / комментарий, словарь Е. В. Гвоздковой. На англ. яз. М.: Айрис-пресс, 2003. – 256 с.: ил.
7. Tolkien J. R. R. *The Lord of the Rings. The Return of the King. Book V* / комментарий, словарь Е. В. Гвоздковой. На англ. яз. М.: Айрис-пресс, 2003. 256 с.: ил.

УДК 808.5. 659.4.

Е. П. Попова, О. В. Бондаренко

ПРИЕМЫ И СРЕДСТВА СВЯЗЕЙ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ: СООТНОШЕНИЕ ВЕРБАЛЬНОГО И НЕВЕРБАЛЬНОГО КОМПОНЕНТА

В статье представлен анализ понятий Паблик Рилейшнз, вербальной и невербальной коммуникации, систематизированы средства и приемы связей с общественностью с учетом вербального и невербального компонентов коммуникации.

Ключевые слова: связь с общественностью, вербальный, невербальный, коммуникация, паралингвистика, кинесика.

E. P. Popova, O. V. Bondarenko

RECEPTIONS AND MEANS OF PUBLIC RELATIONS: RATIO OF A VERBAL AND NONVERBAL COMPONENT

The analysis of concepts of Public relations is presented to verbal and nonverbal communication in article, means and methods of public relations taking into account

verbal and nonverbal components of communication are systematized.

Key words: public relations, verbal, nonverbal, communication, paralinguistics, kinesika.

Современный словарь иностранных слов трактует Паблик Рилейшнз (англ. *Public relations (PR), public* – обществен-

ный, *relations* – отношения, связи) как общественные связи (первоначально в США), организация общественного мнения в це-

лях наиболее успешного функционирования предприятия (учреждения, фирмы) и повышение его репутации» [9]. PR-деятельность осуществляется, прежде всего, через средства массовой информации; это своеобразное «искусство» выстраивания взаимоотношений между государственными, общественными структурами и гражданами в интересах всего социума.

Впервые официально само выражение public relations (PR) употребил президент США Томас Джефферсон, когда в 1807 г. в черновике своего «Седьмого обращения к Конгрессу» вписал его вместо вычеркнутого «состояние мысли» [2]. В 30-е годы XIX в. понятие «public relations» стали употреблять в качестве синонима словосочетания «relations for the general good» (отношения ради всеобщего блага). Бум в формировании PR как самостоятельной науки пришелся на середину 1960-х годов. В 1970-х годах наука PR, т. е. связи с общественностью, официально вошла в обязательные программы экономических колледжей и университетов США, а затем Европы [7].

Сегодня приемы PR широко используются практически во всех сферах: в политике, международных отношениях, в финансовой деятельности, в отношениях между фирмами и корпорациями, в менеджменте. По некоторым данным, в системе связей с общественностью 60 % составляет политический консалтинг, остальные 40 % – корпоративные коммуникации [11].

Чаще всего в качестве наиболее распространенного объяснения понятия «связи с общественностью» приводится следующее: создание и поддержание образа корпоративного или индивидуального клиента. Однако это не полностью отражает сущность рассматриваемого понятия, так как цель PR – установление двустороннего общения для выявления общих представлений, интересов и достижение взаимопонимания, основанного на правде, знании и полной информированности. Двусторонние связи подразумевают наличие обратной связи, а также возможность влияния как субъекта на целевые аудитории, так и целе-

вых аудиторий на субъект. Масштабы такого взаимодействия, направленного на развитие прочных связей с общественностью, могут быть самыми разными, в зависимости от величины и характера сторон, но философия, стратегия и методы остаются очень похожими, какая бы цель ни ставилась – будь то, например, воздействие на международное взаимопонимание или улучшение отношений между компанией и потребителями ее продукции, агентами и сотрудниками [4]. Обычная деятельность PR состоит из четырех различных, но связанных друг с другом частей, которые называют «система РЕЙС» (англ. RACE): Research (Исследование), Action (Действие), Communication (Общение) и Evaluation (Оценка) [3].

Таким образом, можно говорить о том, что PR – дефиниция многоаспектная, интегрирующая данные теории коммуникации, социальной психологии, общей психологии, социологии, политологии, этики. Это сложная разновидность делового общения, искусство установления контактов, убеждения. Она показывает, как применяются основные средства и методы PR в прессе, на телевидении, радио, кино, непосредственных контактах, деловых переговорах, встречах, в рекламе и т. д. [1].

Нас интересует компонент «communication», то есть коммуникация, включающая в себя невербальные и вербальные средства общения в соответствии с каналами передачи информации от человека к человеку.

Невербальная коммуникация – поведение, сигнализирующее о характере взаимодействия и эмоциональных состояниях общающихся индивидов; является дополнительным источником информации к собственно вербальному сообщению. Невербальные средства общения не однородны: среди них существуют произвольные и непроизвольные.

В значительной части средств и приемов связей с общественностью присутствуют элементы следующих аспектов невербальной коммуникации:

- паралингвистика (наука о дополнительных к речи звуковых кодах: тембр, тон, интонация, характеризаторы и т. д.);
- кинесика (наука о мимике и жестах) – учитывается при проведении конференций, брифингов, презентации, семинара, ток-шоу; мимика особо важна в интервью и телерепортажах;
- окулесика (наука о языке глаз и визуальном поведении людей) – необходимо учитывать при проведении семинара, конференций с целью контроля над вниманием аудитории;
- проксемика (наука о пространстве коммуникации) – особенно важна при установлении контакта с иностранными партнерами по общению;
- гаптика, такесика (наука о языке касаний и тактильной коммуникации);
- хронемика (наука о времени) – учитывается при проведении таких мероприятий, как презентация, конференция, бизнес-семинар, т. е. при работе с обширной целевой аудиторией;
- аускультация (наука о слуховом восприятии звуков и об аудиальном поведении людей);
- системология (наука о предметах, так называемых артефактах, которыми люди окружают свой мир и которые являются характеристиками человека);
- актоника (наука о поступках как знаках) [10].

Вербальное общение является наиболее исследованной разновидностью человеческой коммуникации. Кроме этого, это наиболее универсальный способ передачи мысли. На дискретный естественный язык можно «перевести» сообщение, созданное с помощью любой семиотической системы.

Языковая сторона коммуникации имеет сложную многоярусную иерархическую структуру (от дифференциального признака фонемы до сложного синтаксического целого и гипертекста) и выступает в различных стилистических разновидностях. Вербальная коммуникация использует в качестве

знаковой системы человеческую речь, естественный язык, то есть систему фонетических знаков, включающую два принципа: лексический и синтаксический [5].

Сам коммуникационный процесс представляет собой передачу информации от одного человека к другому или между группами людей по разным каналам и при помощи различных коммуникативных средств (вербальных, невербальных и др.). Этот процесс может приобретать различные формы, в зависимости от числа участников, целей участвующих сторон, используемых каналов, средств связи. Система PR отличается многообразием форм, приемов и средств с точки зрения условий коммуникации, перечисленных выше.

По характеру содержания коммуникация подразделяется на неформальное общение (светское, быденное, бытовое) и формальное (конвенциональное), имеющее целью организацию и оптимизацию того или иного вида практической деятельности: управленческой, производственной, научной, коммерческой и т. д. [8]. По признаку количества участников речевой коммуникации выделяются диалог, полилог и монолог.

В системе вербальной коммуникации различают устную и письменную формы. Устная форма коммуникации отражает взаимообусловленные речевые акты говорящего и слушающего. При помощи говорения как способа отправления речевых акустических сигналов, несущих информацию, и слушания как восприятия речевых акустических сигналов и их понимание осуществляется устное общение в любом контексте. Как правило, в устной коммуникации адресант выступает инициатором общения. Чтение и письмо являются самостоятельными видами письменноречевой коммуникации и речевой деятельности. Чтение и письмо, реализуя письменное общение, служат целям установления контакта или получения информации в данный момент времени и фиксации этой информации для последующей передачи ее через письменные тексты или в устной форме. Вербальная коммуникация в письменной

форме отличается большей подготовленностью, независимостью от времени и условий протекания, употреблением развернутых, литературно оформленных речевых оборотов. Письменная речь (в отличие от устной речи) воспринимается как функция социально-культурного, познавательного общения и чаще воплощается в опосредованном текстом межличностном общении адресанта и адресата. Стилистически

письменная речь тяготеет к литературным, книжно-письменным стилям (научному, официально-деловому, художественному, публицистическому) [6].

Попытка систематизировать данные о средствах и приемах в связях с общественностью, наиболее распространенных в мире и в России, а также используемых в них средствах вербальной и невербальной коммуникации представлена в таблице.

Таблица

**Средства и приемы связей с общественностью
с учетом вербального и невербального компонентов**

ПРЕВАЛИРУЮЩЕЕ СРЕДСТВО ВЕРБАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ	СРЕДСТВА И ПРИЕМЫ СВЯЗЕЙ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ	УЧАСТИЕ НЕВЕРБАЛЬНОГО КОМПОНЕНТА КОММУНИКАЦИИ
1. Устная речь, речевая тактика, речевая стратегия, дискурс	Выступление на радио, телевидении	Наиболее активный элемент (степень активности) паралингвистика, экстралингвистика
	Конференция	жестикуляция, окулесика, хронемика
	Брифинг	жестикуляция, мимика, хронемика
	Презентация	жестикуляция, паралингвистика, хронемика
	Форум	мимика, проксемика, хронемика
	Пресс-тур	проксемика
	Бизнес-семинар	жестикуляция, окулесика
	День открытых дверей	паралингвистика, проксемика, такесика
	Телерепортаж	мимика, паралингвистика
	Радиорепортаж	паралингвистика, экстралингвистика
	Интервью	мимика, окулесика, хронемика
	Выставка	проксемика, системология
	Видеоньюсрелиз	жестикуляция, мимика
	Семинар	жестикуляция, мимика
	Ярмарка	проксемика, аускультация, такесика
	Участие в ток-шоу	мимика, поза, проксемика, жестикуляция, такесика
2. Язык (слово, словосочетание, текст)	Информационное письмо	Отсутствует
	Факт-лист (фактическая справка)	
	Брошюра	
	Пресс-релиз	

ПРЕВАЛИРУЮЩЕЕ СРЕДСТВО ВЕРБАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ	СРЕДСТВА И ПРИЕМЫ СВЯЗЕЙ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ	УЧАСТИЕ НЕВЕРБАЛЬНОГО КОМПОНЕНТА КОММУНИКАЦИИ
2. Язык (слово, словосочетание, текст)	Пресс-релиз	Отсутствует
	Ньюсрелиз	
	Информационная справка	
	Пресс-досье	
	Бэкграундер	
	Пресс-бюллетень	
	Статья в СМИ	
	Наименование, название	
	Слоган	
	Буклет	
	Листовка	
	Открытки (hot cards)	
	Вывеска	
	Штендер	
	Плакат	
3. Письменная речь	Пресс-кит	Отсутствует
	Фирменный журнал	
	Фирменный пропагандистский проспект	
	Электронный журнал (газета)	
	Web-сайт	
	Web-страница	
	Электронная презентация	
	Спонсорский пакет	
4. Письменная речь, речевая тактика, речевая стратегия	Интернет-конференция	жестикация, мимика, аускультация
	Прямая почтовая рассылка (mail-list)	отсутствует

Как видно из данной таблицы, средств и приемов в связях с общественностью существует достаточное количество: сорок шесть описанных и найденных нами в литературе. Абсолютно во всех PR-средствах, PR-приемах и PR-мероприятиях обнаруживается наличие либо определенного доминирующего средства вербальной коммуникации (язык, речь, слово, словосочетание,

предложение, текст, речевая тактика, речевая стратегия), либо их взаимодополняющей совокупности.

Каждый невербальный компонент общения в средствах, приемах и мероприятиях связей с общественностью играет немаловажную роль и гармонично дополняет использованные средства вербальной коммуникации.

Литература

1. Алешина И. В. Паблик Рилейшнз для менеджеров. М.: ИКФ «ЭКМОС», 2006.
2. Скотт М. Катлип, Ален Х. Сентер, Глен М. Брум. Паблик рилейшнз. Теория и практика. М.: Вильямс, 2001.
3. Кондратьев Э. В., Абрамов Р. Н. Связи с общественностью. М.: Академический Проект, 2004.

4. Теория и практика связей с общественностью / А. В. Кочеткова и [др.]. СПб.: Питер, 2006.
5. Морозов А. В. Деловая психология. М.: Союз, 2000.
6. Основы теории коммуникации: учебник / под ред. проф. М. А. Василюка. М.: Гардарики, 2003.
7. Почепцов Г. Г. Паблик рилейшнз, или как успешно управлять общественным мнением. М.: Центр, 2003. 286 с.
8. Рева В. Е. Деловое общение. Пенза: Пенз. гос. ун-т, 2003.
9. Словарь иностранных слов. М.: Издательство Московского университета, 1995.
10. Соколов А. В. Общая теория социальной коммуникации. СПб., 2002.
11. Уткин Э. А. Паблик рилейшнз. Связи с общественностью в сфере бизнеса. М., 2007.

УДК 801/820

К. Э. Штайн, Д. И. Петренко**РУССКИЙ ЯЗЫК В ПОЛИЭТНИЧЕСКОМ РЕГИОНЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ СОЧИНЕНИЙ Я. М. НЕВЕРОВА, ДИРЕКТОРА СТАВРОПОЛЬСКОЙ
ГУБЕРНСКОЙ ГИМНАЗИИ 1850–1860 ГОДОВ)**

Статья посвящена рассмотрению деятельности концепции обучения в Ставропольской губернской гимназии под руководством философа, педагога, литературного критика Я. М. Неверова. Он выработал образовательную модель, которая применима и сейчас на Кавказе, в многонациональном крае. То, что сейчас определяют как

установление мира через диалог культур, через посредничество языков, литературы, искусства, Я. М. Неверов претворял в гимназии еще в середине XIX века.

Ключевые слова: многонациональное государство, диалог языков и культур, деятельностный подход, конкурсные сочинения исследовательского характера.

K. E. Stain, D. I. Petrenko**RUSSIAN IN THE MULTIETHNIC REGION
(ON MATERIAL OF COMPOSITIONS BY YA. M. NEVEROV, DIRECTOR OF STAVROPOL
PROVINCIAL GYMNASIUM 1850–1860)**

The article is devoted to consideration of the activity concept of training in Stavropol provincial gymnasium under the leadership of a philosopher, a teacher, and a literary critic Ya. M. Neverov. He developed an educational model which is applicable nowadays in the multinational region of the Caucasus. What is now defined as peace-making through the di-

alogue of cultures and by means of languages, literature and arts, was put into practice in the gymnasium in the middle of the XIX century by Ya. M. Neverov.

Key words: multinational state, the dialogue of languages and cultures, activity approach, competitive research compositions.

В середине XIX века в Ставрополе действовала мужская гимназия под руководством Я. М. Неверова – выдающегося педагога, философа, литератора, который вывел ее в число лучших в России. Именно Я. М. Неверов выработал замечательную образовательную модель, которая прекрасно применима на Кавказе, в нашем многонациональном крае, да и вообще во всем нашем многонациональном государ-

стве. Он понимал, что жестокие войны, постоянно происходящие на Кавказе, нельзя пресечь с позиции силы. Да это и вообще неверный путь – путь разжигания новых войн. А вот то, что сейчас определяют, как установление мира через диалог культур, через посредничество языков, литературы, искусства, Я. М. Неверов претворял еще в середине XIX века в гимназии, которая по праву считалась одной из лучших в России.

Януарий Михайлович Неверов – член кружка Н. В. Станкевича, друг Т. Н. Грановского и И. С. Тургенева, значительная фигура в литературной жизни России середины XIX века. Его педагогика вытекала из деятельностной философской концепции, формировавшейся в кружке Н. В. Станкевича. Главная проблема – учение о назначении человека. Воспитание, считали члены кружка Станкевича, – преображение души, а в будущем – и целых народов. Развитие разума, воли, чувства человека, постоянно совершенствующего и сознающего себя, – одна из главных целей философского познания. То, что А. И. Герцен, В. Г. Белинский, И. С. Тургенев воплощали в литературном творчестве, Я. М. Неверов претворял в жизнь, реализовал в конкретной деятельности, теоретическим источником которой была немецкая философия, творчески преображенная в философской рефлексии членов кружка Станкевича. В развитии и преобразовании крайне отсталой в то время России главная установка делалась на образование, основанное на реальных достижениях европейской цивилизации. Пример Я. М. Неверова указывает нам на огромные возможности, таящиеся в культуре, науке, образовании. Ведь если человек меняется к лучшему, то только посредством духовного деятельного познания.

Современный просвещенный человек многое почерпнет из биографии Я. М. Неверова, его трудов, «Нравственного кодекса», но, самое главное, из работ его учеников – конкурсных сочинений гимназистов. Они убеждают в подлинной действенности философско-педагогической системы Я. М. Неверова и преподавателей, его сподвижников, дают реальные примеры того, что может сделать образованный, творческий педагог даже в самые неблагоприятные для просвещения времена, в тяжелейших условиях далекой окраины России.

Сочинения пятнадцати-шестнадцатилетних подростков с уверенностью можно причислить к истокам формирования литературы на Ставрополье и Северном Кавказе, ведь в период руководства Я. М. Не-

веровым гимназией складывалась модель образования, объединяющая формирующиеся цивилизации Кавказа и России.

Как утверждает В. М. Головкин: «Я. М. Неверов, вычеркнутый в советский период из истории педагогики и литературы за приверженность официальной доктрине православия, самодержавия и народности, ныне воспринимается как выразитель той концепции культурного развития, которое имеет в виду общечеловеческие, цивилизационные идеалы и стратегию нравственного обеспечения исторического прогресса. <...> В отличие от поколения интеллигенции 1860-х годов («шестидесятников»), идентифицировавшей себя в системе контркультуры, Я. М. Неверов реализовался как творческая личность не в маргинальных слоях носителей культурных ценностей..., а в парадигме национального развития, разрушенной насильственно в XX веке и осмысливаемой обществом во всем ее значении только сейчас» [2, с. 9].

Главной чертой педагогики Неверова была деятельностная концепция, положенная в ее основу. В философии Фихте деятельность рассматривается как субстанция всей культуры и основание всех сфер человеческого бытия. Деятельностная концепция образования в гимназии, нашедшая чрезвычайно яркое выражение в написании гимназистами конкурсных сочинений, характеризовалась общим гармоническим соотношением гуманитарных и точных наук. По крайней мере, этот вопрос постоянно волновал воспитателей. Ф. В. Юхотников отмечал: «Год от году не только улучшалось внутреннее содержание конкурсных сочинений, но значительно увеличивался и самый их объем. Подобные успехи, конечно, требуют и большей начитанности и большего самоуглубления, а вместе с тем также и гораздо большего времени. Это на первый раз может возбудить вопрос: не нарушают ли такого рода занятия общей гармонии гимназического образования и не бывают ли в ущерб другим занятиям?» [14, с. 46].

Известно, что выражались сомнения в подлинности сочинений гимназистов – таков был их удивительно высокий уровень:

«Это умение владеть мыслию и словом существует в Ставропольской гимназии давно и есть результат стечения нескольких счастливых для нее обстоятельств. Первое из них – дух любознательности, постоянно поддерживающийся между учащимися» [5, с. 207]. В числе важных факторов – библиотека, «доступные наставники». «Из сорока горцев, – пишет Я. М. Неверов, – в настоящее время находящихся в гимназии, нет ни одного тупого. Менее способные вознаграждают этот недостаток прилежанием» [5, с. 208]. С гордостью директор гимназии отмечает: «...чтобы достигнуть университета <...> в будущем году отправится первая фаланга этих новых деятелей на умственной арене и чрез них дикий Кавказ выйдет из своего уединения и вступит в духовное общение с Европою. Долг наш – с братской любовью принять их в общечеловеческую семью, и эту любовь они способны оценить вполне» [5, с. 208].

Видя своих воспитанников, в том числе и горцев, встроенными в общеевропейский культурный и научный процесс, Неверов в то же время в преподавании, в организации работы в учебном заведении делает установку на социокультурные особенности края. Ставропольская губернская гимназия, как понятно из ее названия, находилась в провинции: «Только здесь, в провинции, – считал Я. М. Неверов, – можно видеть всю важность и современность этого вопроса», – имея в виду вопросы о воспитании и об образовании [5, с. 207]. Ставрополь был южной окраиной России в середине XIX века, и система образования здесь только начинала складываться.

Семья и общество, которые ставятся во главу угла в деятельностной концепции образования Я. М. Неверова, рассматриваются им с этнокультурной точки зрения, учитывается индивидуальность народа, связь с «местностью, им занимаемой», делается установка на духовную, физическую организацию, историческое развитие и «истекающее оттуда гражданственное устройство». «Дух народа, – пишет Я. М. Неверов, – оставаясь всегда одним и тем же в различ-

ные времена и при различных условиях, изменяет фазисы своего развития, которые и составляют отличие общественной жизни одного и того же народа в различные периоды его исторического быта. Определить все это и указать нравственные и духовные элементы нашего современного общества, показать, какое направление должно им быть дано в нашей народной педагогике, труд важный» [7, с. 416].

Эти послышки во многом повлияли на формирование образовательной модели Ставропольской гимназии. Геополитическое положение Ставрополя и края таково, что, с одной стороны, они связаны с Кавказом и Закавказьем, с другой, – с Центральной Россией. Россия лежит между Востоком и Западом. Кавказ – место перехода между двумя типами культур, формирующихся цивилизацией, религиозных сознаний. Он оказывается местом, на котором Россия ограждает себя от экспансии и, в то же время, противодействует развитию опаснейшего очага воинствующего исламизма. С одной стороны, необходимость защищать рубежи Родины от набегов горцев, способствующая укреплению национального самосознания переселенцев из Центральной России и казаков, с другой, – тесные и все более усиливающие контакты с народами Северного Кавказа (первоначально в бытовом, а позднее и в культурном, языковом планах) повлияли на формирование глубоко своеобразной культуры нашего региона. Неоднократно в печати, в исследованиях по кавказской теме указывалось, что А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, А. А. Бестужев-Марлинский, Л. Н. Толстой стремились отыскать возможность, хотя бы гипотетическую, совмещения чуждых миров, видя в этом выход из трагических ситуаций. Каждый из писателей в определенной степени владел языками горских народов (А. А. Бестужев владел азербайджанским, как родным). Это обусловило и речевое поведение писателей. Несмотря на то, что творчество их пришлось на время Кавказской войны, они, с уважением относясь к культуре и языку горцев, использовали знание об их язы-

ках не только в жизни, но и в творчестве. В письме к С. А. Раевскому М. Ю. Лермонтов писал: «Начал учиться по-татарски, язык, который здесь, и вообще в Азии, необходим, как французский в Европе, – да жаль, теперь не доучусь, а впоследствии могло бы пригодиться» [4, с. 598].

Я. М. Неверов воспринимал Кавказ как единую этносферу, где взаимовлияние культур приводит к особому состоянию их плодотворной дополнительной. Н. И. Воронов, преподаватель гимназии, указывал, что «на счет населения Ставрополя можно сделать следующие замечания: оно наплывное, собравшееся сюда из разных концов России и потому разнохарактерное, не успевшее еще обзавестись местными преданиями, обычаями, порядками, не рассчитывающее на оседлость, часто меняющееся, большею частью одиночное, редко проявляющееся в большой родне или в сплошных семействах. Далее, Ставрополь, как город военный и, вместе с тем, губернский, представляет смесь чиновничества гражданского с военным, которое опять дробится на армейское, казачье, горское, со всеми принадлежащими сюда штабами, комиссариатскими, провиантскими, гошпитальными и т. п. чиновниками. Наконец, принимая во внимание положение Ставрополя как преддверия Кавказа, известного своею разноплеменностью, которая дробится до невероятной мелочности, легко объясняешь себе пестроту его населения, проявляющуюся на каждом шагу, мимо разномастного городского племени, в лицах армян, грузин, калмыков, татар, ногайцев и всякого рода прикавказских инородцев» [1, с. 266].

Отмечается, что «большую напряженную работу провел Неверов, чтобы применить программу «Положения о Кавказском учебном округе от 29 октября 1853 года» к воспитанию детей горцев Северного Кавказа, находившихся в пансионате Ставропольской гимназии. Энергичная, кропотливая работа его принесла замечательнейшие плоды. В гимназии постоянно учились представители горских и кочевых народов Кавказа. Из стен Ставропольской гимназии

вышел свет горской интеллигенции: первый светский учитель Карачая Ильяс Байрамуков и знаменитый карачаевский педагог Саид Халилов, выдающийся адыгский просветитель Адиль Гирей-Кешев, основоположник осетинской литературы Коста Хетагуров, который писал о Я. М. Неверове: «Он нас любил, и к родине суровой // Он завещал иную нам любовь». Долг, честь, свобода, любовь, а не девиз «кровь за кровь» – стали основой просвещения гимназистов.

В Ставропольской губернской гимназии преподавались языки народов Кавказа – армянский, черкесский, татарский (кумыкский, который считался наречием татарского языка). В то же время в Кавказском учебном округе в школах вводился русский язык. «...для инородцев, не имеющих своей грамоты, – писал Я. М. Неверов, – прежде всего нужны хорошие школы, в которых преподавание происходило бы на русском, но с помощью их родного языка, а просвещение или подкрепление их в христианстве делалось устно, конечно, на их языке, для чего прежде всего необходимо из среды инородцев же подготовить наставников и пастырей» [6, с. 132]. Было обращено особенное внимание на правильное устройство начального обучения и подготовку учителей «как фундамента, на котором должно воздвигаться здание религиозно-нравственного и умственного образования здешних разнородных племен, сближение их с Россией не только по языку, но и по духу» [6, с. 132]. Таким образом, проводилась огромная работа по формированию контактов на границе формирующихся цивилизаций.

Я. М. Неверов исходил в своих педагогических действиях из этнопсихологических особенностей горцев. «Их свежая, девственная, но вместе с тем и пламенная натура только любовью и может быть направлена к добру. Если так отрадны их успехи в Ставропольской гимназии, то это именно потому, что в ней дозволено уклоняться от форменности, официальные отношения заменены другими, основанными на взаимной любви и доверии» [5, с. 208].

Он отмечает те черты горцев, которые могли бы позаимствовать цивилизованные нации: «Отдавая детей на воспитание, горцы понятие отца замещают понятием учителя, воспитателя, начальника гимназии, отмечается вера кавказской семьи в принципы воспитания в гимназии, отсутствие влияния семьи горцев на гимназию. Одаренность горцев способностями – это нужно открыть, оценить, а свежесть восприятия не спутать с дикостью» [5, с. 208].

Как глубокий педагог, недостатки учащихся Неверов превращал в достоинства, разгадав особенности нрава горцев, старался их воспитывать строго в соответствии с ним. К сожалению, позднее Я. М. Неверов изменил свое мнение по поводу изучения языков народов Северного Кавказа, считая, что «изобретение для какого-нибудь племени письменного алфавита и введение его в школах равносильно изобретению нового языка. Если народ не имеет не только какой-нибудь письменности, но даже и азбуки, то значит, он не созрел до того, чтобы быть народом, и у него не может быть языка как послушного орудия мысли» [6, с. 128]. Возможно, это было связано с трудностями по освоению языков народов Северного Кавказа или это было просто не под силу тем нескольким учебным заведениям, которые существовали как потенциальные проводники нового для России дела.

Для совершенствования гимназистов во владении русским языком Я. М. Неверов ввел ежегодные конкурсные сочинения, которые были разновидностью творческого соревнования, а ведь, как справедливо отмечал Э. В. Ильенков, «действенная личность обнаруживает себя тогда и там, когда и где индивид в своих действиях и продукте своих действий вдруг производит результат, всех других индивидов волнующий, всех других касающийся, всем другим близкий и понятный, – короче, всеобщий результат, всеобщий эффект» [3, с. 412]. Темы сочинений были связаны с историей, литературой, языком. Обычно перед гимназистами ставилась нерешенная проблема, давался список литературы для подготовки. Обычно

конкурсные сочинения давались на все летние каникулы. Вот некоторые темы: «О русской народной поэзии», «О влиянии изящных искусств на образование нашего духа», «О значении синонимов в связи с вопросом об изучении языка и объяснение синонимов воспитание, учение, просвещение, образование», «Что способствовало в текущем столетии упадку влияния французского классицизма в нашей драме», «О значении комедии», «О тропах вообще и о метафоре в частности», «О сатирах и сатире Кантемира», «Значение Ломоносова в русской литературе», «Об отношении поэзии к прочим изящным искусствам», «Как отразился век Екатерины в сочинениях Державина и Фонвизина», «О Новгородской и Псковской общинах», «Димитрий Донской», «Быт купечества (по сочинениям Островского)» и др. Гимназисты писали также литературные поэтические и прозаические произведения: «Терек и Аракс» (С. Патканов), «Северьян Максимович», «Письмо гимназиста товарищу» (П. Диков) и др.

Важно, что сами гимназисты в теории и на практике вели себя как чрезвычайно деятельные личности: они осваивали знание с древнейших времен до современных им проблем по соответствующему предмету, творчески претворяя их в собственные, весьма оригинальные концепции. Отличительные признаки деятельностного подхода к познанию – установка на «раскодирование», «распредмечивание» знания как результата, продукта деятельности [12, с. 81]. Неверов понимал, что люди в большей степени используют свой творческий потенциал не тогда, когда побуждением к работе является давление извне, а когда они получают от нее удовольствие и удовлетворение, когда испытывают к ней интерес, когда им бросается вызов. Внутренняя мотивация является одним из самых мощных двигателей творчества. Для того чтобы человек стремился к творчеству, необходимо, чтобы окружающая среда подпитывала его внутреннюю мотивацию. В таком взаимоотношении и формировались гимназисты.

Конкурсные сочинения гимназистов постоянно наводят на мысль о деятельностной концепции языка, но самое главное – это репрезентация данной концепции в самой форме изложения: сочинения дышат духом деятельности, они настолько деятельностно целенаправлены, что это воздействие ощущаем и мы спустя почти 170 лет: «Происхождение тропов, – пишет в сочинении «О тропах вообще и о метафоре в особенности» (1854) гимназист А. Трачевский, – заключается в нас самих, в нашем духе. <...> Если таким образом тропы, или фигуральные выражения, составляют достояние нашего духа, из него самого истекают, то они тогда и хороши, когда уместны в речи, когда поставлены там, где само чувство скажет, ибо чувство-то и одушевляет те формы, в которые воображение облекает мысли» [11, с. 253].

Понимание наглядности в поэзии также истекает из деятельностной концепции в языке. Позднее оно было развито А. А. Потебней, метод которого А. Ф. Лосев назвал диалектико-феноменологическим. Действительно, деятельностная концепция языка близка к феноменологической постановке в исследовании, именно эта парадигма связана с рассмотрением деятельности воображения, структурированием в сознании воображаемого мира на основе «переживания предметности». Интересно, как близко к этой идее (идее интенциональности, «сознания о») подошел А. Трачевский: «Так, Жуковский, который именно отличается тем, что каждое ощущение, каждое почти неуловимое движение сердца умеет выразить наглядно, умеет подобрать верные, соответствующие предмету слова, в своем рассказе «Три сестры» так верно и наглядно представил отвлеченные понятия, выраженные словами «настоящее», «прошедшее» и «будущее». Слыша разговор этих дев-сестер, представляя их в своем воображении, близко знакомишься с их характером, и ясно станет, что такое прошедшее, настоящее и будущее. Этот рассказ – та же метафора, то же уподобление, но только метафора слишком распространенная» [11, с. 254].

Здесь фактически развивается положение об изоморфизме тропа (словосочетания, слова) и произведения, близкое к тому, что находим у А. А. Потебни, развивающего идеи В. фон Гумбольдта. Близко это и последующему пониманию отображения действительности в фигурах речи. Важно и то, что наглядной представляется отвлеченная мысль. Это явление в дальнейшем станет важным в феноменологии, в частности, в работах Р. Ингардена. «Таким образом, – пишет гимназист, – самая отвлеченная мысль при помощи воображения может быть так наглядно выражена, может быть так близка нашему сердцу, как будто она уже знакома с нашей душой; но не забудем, что метафора хороша тем, что она именно свежий, только что сорванный цветок нашей фантазии, когда употреблена там, где необходимость и внутреннее чувство этого требуют» [11, с. 254].

Я. М. Неверов ставил задачей воспитание самостоятельной личности, которая формируется в диалоге с ближайшим окружением и, в целом, со всем миром, в котором человек живет. Одно из важных ключевых слов педагогического дискурса Я. М. Неверова и его учеников – гармония. Гармония, ее ощущение и понимание как критерия совершенства во всех областях: жизни, науке, искусстве, – это не только одна из высочайших ступеней самосознания, но и особый способ существования, когда грань между искусством и жизнью практически размывается – идеальное становится реальным, реальное приближается к идеальному. Таково рассуждение А. Трачевского, связанное с концептуальным содержанием слова образование: «...«образовать» означает «дать не какой-либо произвольный образ предмету, но образ возможно лучший, возможно совершеннейший»... Переходя от искусств, в которых «образовать» значит дать совершеннейший идеальный вид или образ предмету и перенося это понятие к человеку как существу нравственному, мы заключаем, что «образование» выражает понятие о таком действии, при помощи ко-

торого дается совершеннейший вид, идеальный образ нашему духу, то есть нашему уму, сердцу, воле...» [10, с. 245].

Я. М. Неверов не только обучал горцев русскому языку для того, чтобы они несли великую культуру нашего народа и нашего языка в свои селения, он понимал, что и русскому человеку полезно знать языки народов Кавказа, что только диалог языков и культур способен заложить прочные основы мира в сложном полиэтническом регионе. Русские гимназисты учили «татарский» (кумыкский) язык, кабардино-черкесский, армянский языки, интересовались культурой горских народов.

Интересен протокол заседания педагогического совета гимназии, обсуждавшего конкурсные сочинения гимназистов, от 18 октября 1857 года, в котором отмечают успехи в изучении русской словесности будущего известного адыгского писателя и просветителя Адиль-Гирея Кешева: «...совет, взяв в соображение, что воспитанник из почетных горцев Адиль-Гирей Кешев, родясь в сфере не только чуждой, но противоположной нашему обществу, нашим стремлениям, интересам, привычке, образу жизни, – умел не только понять, но и почти верно оценить значение лучших типов нашей литературы и показать отношение их к действительной жизни, тем с большею признательностью отдает заслуженную дань хвалы его сочинению, которое написано языком чистым и правильным, нежели сочинения некоторых русских воспитанников старшего, VII класса. Если мелькает иногда у Адиль-Гирея Кешева не вполне русский оборот, зато правильность синтаксическая и грамматическая безукоризненна. Есть описки, но нет ошибок! И понятно: многие из наших воспитанников, привыкнув с детства выражаться неправильным русским языком и употребляя областные слова и речения, с трудом отвыкают от этих привычек в гимназии. Горцы же, поступая в нее без всяких познаний, почерпают их уже в чистом источнике и при замечательной в них любви к чтению приобретают материал языка, практикою и учением образуют свой

слог преимущественно по образцам литературным. Для этого, без сомнения, нужен довольно значительный фазис самоуглубления» [8, с. 517]. Конкурсные сочинения проводились в гимназии ежегодно и воспитывали у гимназистов любовь к своему языку и языку своих соседей. Сочинения характеризовались исследовательским характером, но они же и являют первый опыт зрелой литературы в нашем крае, несмотря на юный возраст авторов.

Успехи в освоении языков гимназистами были для нашего времени невероятными. Вот что написано в «Ставропольских губернских ведомостях» (№ 1, 1854) о выступлении воспитанников гимназии на торжественном акте 27 декабря 1853 года: «Ученики младших классов гимназии декламировали пьесы на русском, французском, немецком, армянском, черкесском и татарском языках. Для этого выбраны были воспитанники, которым языки эти не были природными; несмотря на то, никакая ошибка в произношении не изобличала этого в учениках, из коих один – Атажукин, природный черкес, до того свободно произносил на русском, что казался совершенно русским» [9, с. 474].

Внимание к языкам горских народов было обусловлено государственной политикой. В «Уставе гимназий и училищ уездных и приходских, состоящих в ведомстве университетов: С.-Петербургского, Московского, Казанского и Харьковского» (утвержден 8 декабря 1828 года) отмечалось: «§ 147. В областях, где местный язык не есть российский, назначается учитель для преподавания правил сего языка. Обучающиеся оному могут, с разрешения директора, быть увольняемы от классов немецкого или французского» [2, с. 331].

Впоследствии образовательную модель Ставропольской губернской гимназии в определенной степени реализовал Ставропольский государственный педагогический институт, в котором успешно обучали русскому языку калмыков, карачаевцев, узбеков, таджиков, афганцев. Они же, в свою очередь, знакомили ставропольских

студентов с родной культурой, наукой, искусством. Вероятно, в северокавказском регионе эта модель вскоре снова будет востребована на новом культурном витке. Русскому языку учат во всех республиках Северного Кавказа и Закавказья, но и в вузах Ставрополя следует возобновить тра-

диции обучения молодежи новогреческому, армянскому, карачаево-балкарскому, кабардино-черкесскому и другим языкам Северного Кавказа. От этого только выиграет русский язык: мы будем использовать его во всех его регистрах, в сравнении, развитии поймем его красоту.

Литература

1. Воронов Н. В. Ставрополь // С. Белокоп. Синий магистр. Ставрополь: Юрсит, 1998.
2. Глагол будущего: Философские, педагогические, литературно-критические сочинения Я. М. Неверова и речевое поведение воспитанников Ставропольской губернской гимназии середины XIX века / под ред. К. Э. Штайн. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2006.
3. Ильенков Э. В. Философия и культура. М.: Политиздат, 1991.
4. Лермонтов М. Ю. Письма // Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений: в 4 т. М.: Академия наук СССР, 1958–1959. – Т. 4.
5. Неверов Я. М. Еще об образовании кавказских горцев // Кавказ. 1859. № 59.
6. Неверов Я. М. К вопросу об образовании инородцев // Журнал Министерства народного просвещения. 1869. Часть 146 (октябрь).
7. Неверов Я. М. Что нужно для народного образования в России // Русский педагогический вестник. 1857. № 4.
8. О конкурсе, происходившем 18 октября 1857 года в день открытия Ставропольской губернской гимназии лично Его Императорским Величеством // Глагол будущего: Философские, педагогические, литературно-критические сочинения Я. М. Неверова и речевое поведение воспитанников Ставропольской губернской гимназии середины XIX века / под ред. К. Э. Штайн. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2006.
9. О торжественном акте Ставропольской губернской гимназии 27 декабря 1853 года // Глагол будущего: Философские, педагогические, литературно-критические сочинения Я. М. Неверова и речевое поведение воспитанников Ставропольской губернской гимназии середины XIX века / под ред. К. Э. Штайн. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2006.
10. Трачевский А. О значении синонимов в связи с вопросом об изучении языка и объяснение синонимов воспитание, учение, просвещение, образование // Глагол будущего: Философские, педагогические, литературно-критические сочинения Я. М. Неверова и речевое поведение воспитанников Ставропольской губернской гимназии середины XIX века / под ред. К. Э. Штайн. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2006.
11. Трачевский А. О тропах вообще и о метафоре в частности // Глагол будущего: Философские, педагогические, литературно-критические сочинения Я. М. Неверова и речевое поведение воспитанников Ставропольской губернской гимназии середины XIX века / под ред. К. Э. Штайн. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2006.
12. Швырев В. С. Научное познание как деятельность. М.: Политиздат, 1984.
13. Штайн К. Э. Деятельностная философско педагогическая концепция Я. М. Неверова и *energeia* текстов его учеников // Глагол будущего: Философские, педагогические, литературно-критические сочинения Я. М. Неверова и речевое поведение воспитанников Ставропольской губернской гимназии середины XIX века / под ред. К. Э. Штайн. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2006.
14. Юхотников Ф. В. Ученические конкурсы в Ставропольской гимназии // Русский педагогический вестник. 1858. Т. IV. Год второй.

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

УДК 008+316.42

Е. А. Авдеев

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ ТЕОРЕТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ:
ОТ ПЛЮРАЛИЗМА К МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТИ

В статье рассмотрены различные типы теоретических концепций глобализации. Показано, что все они редуцируют реальное многообразие формы осуществления глобализации к одному или нескольким аспектам. Автором делается вывод о пер-

спективности интерпретации глобализации в рамках неклассического социального познания.

Ключевые слова: глобализация, мир-система, междисциплинарность, современный мир, эпистемологический поворот.

Е. А. Avdeev

GLOBALIZATION IN THE MODERN THEORETICAL DISCOURSE:
FROM PLURALISM TO INTERDISCIPLINARITY

The article deals with different types of theoretical concepts of globalization. It is argued that all theories reduce real diversity of globalization forms to one or more aspects. The author concludes that interpretation of

globalization as part of the non-classical social cognition has methodological prospects.

Key words: globalization, world-system, interdisciplinarity, modern world, epistemological turn.

Амбивалентность, противоречивость нынешней фазы глобализационных процессов, характеризующихся сочетанием, с одной стороны унификации, всеобщей взаимосвязи всех компонентов мироустройства (государств, культур, экономик, этносов), с другой стороны, усилением различий, актуализацией гетерогенности, усложнением социальной жизни, актуализирует проблему адекватного теоретического осмысления социальной реальности в целом и ее компонентов. Теоретическое изучение столь сложного объекта, как мир-система предполагает использование междисциплинарных подходов, соединяющих экономические, политические, социологические и культурологические знания. Более фундаментальный уровень освоения реальности предполагает разработку «совокупного знания», соединяющего логику научного познания, творческое воображение и опыт жизненных практик.

1. Глобализация, рассматриваемая как универсальный тренд современности, в теоретическом дискурсе получает зачастую

противоречивые интерпретации. Так, экономический (социальноэкономический) подход акцентирует внимание на изучении мирохозяйственных связей, когда «на смену старой местной и национальной замкнутости и существованию за счет продуктов собственного производства приходит всесторонняя связь и всесторонняя зависимость наций друг от друга» [7, с. 427–428]. В современном мире влияние наднациональных финансовых и экономических институтов и глобальных рынков на национальную экономику увеличивается. Более фундаментальное, экономикоцентричное понимание универсальности мира как «мировой капиталистической системы» с ее вечным разделением на «центр», «полупериферию» и «периферию» (И. Валлерстайн) противоречит новой реальности, в частности, все большему воздействию полупериферии и периферии на центр и на мир-систему в целом.

Интерпретация отношений компонентов мир-системы в контексте взаимодействия культур (Р. Робертсон) позволяет увидеть

влияние незападных культур на западный «центр». Это обуславливает поворот от евроцентрической модели исторического развития к полицентрической, понимание истории как «интернационального» процесса, универсализирующего истории локальных обществ в процессе их включения в глобальный контекст [6, с.33–34]. Здесь на первый план выступает понятие «мироцелостность», снимающее противоречия холистского и партикулярного подходов к интерпретации динамики социальной жизни.

Социология связывает глобализацию со становлением мировой капиталистической системы и имманентной ей модернизации. Здесь история рассматривается как универсальный процесс модернизации традиционных обществ. Развитие задается вектором «традиционное общество» «индустриальное» «постиндустриальное» (модернистский подход). Так, Э. Гидденс интерпретирует глобализацию как «период высшей модернити», повсеместное распространение западных политических и экономических институтов. При этом, на современном этапе глобализации, наряду с глобализирующими действуют и локализирующие тенденции, которые, однако, не снимают общего универсализирующего вектора [3, с. 352].

В политологическом дискурсе глобализация интерпретируется как процесс качественного изменения характера международных отношений, когда на смену упорядоченной мировой системе, представляющей собой совокупность «локальных порядков» национальных (территориальных) государств, обладающих всей полнотой военного, экономического и культурного суверенитета, приходит «агломерация систем» национальных государств и интересующих субъектов [2, с. 419–436].

Культурология акцентирует внимание на изменениях характера диалога локальных культур в условиях глобального коммуникационного пространства, противоречивости процесса взаимовлияния различных культур [1, с.120–124]. Глобализация культуры рассматривается как ее унификация посредством замещения ее традиционных

компонентов стандартами массовой культуры. Соответственно, понятия «глобальная культура» и «массовая культура», часто рассматриваются как синонимы. Но, применительно к нашему контексту, целесообразно подчеркнуть различие между процессами глобализации конкретных культур, массовой культурой и собственно глобальной культурой, понимаемой в качестве своего рода общечеловеческой культуры, включающей в себя все разнообразие локальных культур.

Наиболее общая характеристика глобализации, выявляемая в рамках различных дисциплинарных подходов неопределенность ее нынешней фазы. Базовые тенденции, конституирующие глобализацию, выражаются в ее разнонаправленности (глобализация локального и локализация глобального). Для определения двух разнонаправленных тенденций Р. Робертсоном вводится понятие глокализация взаимодополнительность и взаимопроникаемость глобальных и локальных тенденций [13, с. 41]. Глобализация как мегатренд современности амбивалентна: ее очевидные, прежде всего экономические, преимущества для развитых стран первого мира, оборачиваются потерями для периферии. При этом, экономические выгоды глобализации сочетаются с рисками и вызовами. Применительно к развитым странам речь идет о фактическом провале политики мультикультурализма и, как следствие, кризисе национальных идентичностей. Его суть заключается в следующем: прозрачность границ и рост миграционных потоков способствуют образованию в некогда гомогенной социальной общности нации большого числа инокультурных диаспор. По словам С. Хантингтона, это приводит к практически повсеместной «фрагментации национальной идентичности» [10, с. 36]. Неслучайно, реакцией на глобализацию в развитых странах является антиглобализм, рост популярности идеологии консерватизма и традиционализма, призывы возврата назад к международному обществу, основными субъектами которого были бы не «транс», «интер» и «над»-национальные институты

политической, экономической и культурной сфер жизни, а, как и прежде, национальные, суверенные государства [4, с. 5–24].

Для цивилизационных теорий характерна интерпретация взаимодействия между локальными компонентами глобальной общности в парадигме конфликта. Так, одна из наиболее известных интерпретаций истории концепция «столкновения цивилизаций» С. Хантингтона предполагает «мировой порядок, основанный на цивилизациях: общества, имеющие культурные сходства, сотрудничают друг с другом... страны группируются вокруг ведущих или стержневых государств своей цивилизации. Универсалистские претензии запада все чаще приводят к конфликтам с другими цивилизациями» [10, с. 15]. В рамках данной парадигмы сценарии будущего мира могут представлять собой три варианта: вестернизацию, гибридизацию или фрагментаризацию, в зависимости от характера взаимодействия [12, с. 1389–1395]. В целом, в рамках социокультурного подхода глобализация интерпретируется как новое состояние мира, которое обусловлено увеличением скорости и масштаба культурно-цивилизационного взаимодействия, которое становится в современном мире действительно глобальным.

2. Вышеприведенные экспликации глобализации в теоретическом дискурсе показывают методологический и концептуальный плюрализм, полицентризм и ограниченность традиционных парадигм, каждая из которых опирается на различной концептуализации социально-исторического бытия человечества. Традиционные теории, так или иначе, редуцируют реальное многообразие (многомерность) социально-исторического бытия к какой-либо одной или нескольким сторонам.

Говоря о глобализации, следует акцентировать внимание на неизбежной идейно-политической нагруженности ее интерпретаций. Следует подчеркнуть, что любые попытки ее интерпретации в рамках традиционных социально-философских и исторических парадигм приведут к редуцированию многообразия и многомерно-

сти глобализации и истории (глобализация как универсальная тенденция истории) к какой-либо одной или нескольким ее сторонам. Перспективы преодоления ограниченности возможностей классических социальных теорий связываются, прежде всего, с интерпретацией глобализации в рамках неклассической социальной теории. Такой методологический подход предполагает включение субъекта, его сознания и предметно-практической деятельности в историю. Это снимает ее безличность, включает любое социальное явление в конкретный социокультурный контекст.

В этой связи перспективными для теоретического осознания и методологического конструирования глобализации и шире мира как целостности, представляются их интерпретации посредством таких концептов, как «миробытие» и «мироцелостность». Методологическая реконструкция социального развития на основе принципа сочетания философского, научного и образного знания. В этой связи представляется целесообразным рассмотрение теоретико-методологического потенциала теории «эпистемологического поворота» и ряда узловых концептов, сформированных в ее рамках.

3. Понятие «эпистема» было введено М. Фуко, который подразумевал под ним своего рода «историческое априори», определяющее условия возможности мнений, теорий и наук в конкретный исторический период. Так, по его словам, «в культуре в данный момент всегда имеется лишь одна эпистема, определяющая условия возможности любого знания, проявляется ли оно в теории или незримо присутствует в практике» [8, с. 195]. Использование понятия эпистемы (сверхпарадигмальный подход) в социогуманитарном познании предполагает соединение философского и научного знания. Понятие эпистемы шире понятия парадигмы (Т. Кун), задающей направление развития научного знания.

Идея эпистемологического поворота была разработана в рамках «деколониального дискурса», представленного в трудах ряда латиноамериканских исследовате-

лей (Р. Гроссфогель, А. Кихано, Г. Анзалдуа, Э. Дуссель, В. Миньоло) [11, с. 100; 5]. В отечественных социальных исследованиях рассмотрение антиглобалистского сознания и методологическая реконструкция теории эпистемологического поворота приводится в трудах И.Н. Ионова и М.А. Чешкова. Разрабатываемое в рамках этих подходов новое направление социально-научной мысли (мироцелостность), стремится к теоретическому осмыслению мира как целостного. Идеологической основой мироцелостности выступает критика современной модели глобализации, являющейся превращенной формой колониализма (неоколониализм) и вестернизации.

В рамках теории эпистемологического поворота отношения зависимости народов и культур периферии от центра существующей «структурно-исторической системы» аналога мировой капиталистической системы И. Валлерстайна, рассматриваются как заданные рамками современной эпистемы. Понятие эпистемы в данном контексте трактуется максимально широко и включает в себя все виды знания философское, научное и образное. Соответственно, эпистемологический поворот рассматривается как смена эпистемы. Это позволяет провести осмысление глобализации как мегатенденции к универсальности на новом теоретическом уровне.

Другим методологическим основанием теории эпистемологического поворота является рассмотрение субъекта не абстрактно, а ситуационно. Другими словами, субъект всегда принадлежит конкретному пространству (локусу) во всех его параметрах этнических, этических и эпистемологических [11, с. 101]. Практическим следствием этого подхода становится возможность взгляда на мир с позиции «периферии» (взгляд на целое из его периферийной части). При этом «периферия» понимается как совокупность множества различных структурных многообразий («подчиненных» локусов). Эпистемологическое измерение приближает данную позицию к европейскому деконструктивизму и постмодернизму идея

множественности миров, ситуационный подход к познанию, взгляд на целое из его периферии. Однако, что нам представляет весьма существенным, базовый концепт теории «миробытия» задает более последовательный взгляд на мир как на целое, признавая при этом множественность и различимость. Миробытие понимается как одна из форм организации пространственного бытия человечества (наряду с индивидуальной, групповой, страновой, региональной формой).

Не останавливаясь подробно на реконструкции этой теории, подчеркнем ряд следствий, важных для нашего контекста. Так, современное воплощение компонентов миробытия представляет собой две фундаменталистские конструкции европоцентристского модерна (национально-государственным модели организации незападных обществ рассматриваются как копирование западного модерна) и его антимодернистских толкований в духе традиционализма «третьемирских фундаментализмов», являющихся отрицанием модерна. Из такого понимания следует системное толкование его компонентов. Отношения между ними задаются в духе культурно-цивилизационной несовместимости, вечного разделения миросистемы на центр полупериферию и периферию, на Запад и Восток. Рассмотрение эпистемологических оснований компонентов миробытия, напротив, задает их видение как более сложных, многомерных миров. Преодоление бинарности мышления становится возможным посредством творческих «ответов» «подчиненных» эпистемологий «рождения альтернативных миров» на уровне компонентов. Эпистемологический поворот на уровне миробытия рождение «нового универсума смыслов или нового воображения». На этой ступени предполагается переход к новой универсальности, включающей в себя идеи различности и многозначности, что концептуализируется в понятии «новой формы универсальности».

Вышеприведенный краткий обзор базовых понятий и уровней теории эпистемологического поворота, разумеется,

не является исчерпывающим. Однако, такой обзор, применительно к цели нашей статьи рассмотрения глобализации, как наиболее общей тенденции к универсализации в поле неклассического социального познания, является оправданным. Следствием введения в социальную теорию понятий «эпистемы» и «локуса» является возможность рассмотрения глобализации в единстве субъективного и объективного, как тенденции к универсализации миробытия, которая осуществляется в контексте конкретнo-исторического цивилизационного и культурного многообразия.

Изучение глобализации в рамках цивилизационных, геополитических, геоэкономических, социокультурных, социэкономических и других подходов, редуцирует данное явление до какой-либо одной/нескольких сторон, что не отражает ее реального многообразия и диалектической смены форм осуществления. В современном

социальном дискурсе глобализация рассматривается как универсальная тенденция к интеграции, которая имманентно присуща истории. Такая интерпретация глобализации позволяет выявить ее единство, независимо от исторического многообразия форм осуществления. Так, на современном этапе социально-исторического развития преобладают тенденции, противоположные интеграции. В этой связи обоснованным представляется использование концептов и методологии неклассической социальной философии. К примеру, использование ряда концепций и методологических конструкций теории эпистемологического поворота позволяет лучше описывать многомерность и противоречивость современной социальной реальности. Введение понятий «эпистемы» и «локуса» в неклассическую социальную теорию позволяет интерпретировать феномен глобализации без отрыва от форм сознания, мировоззрений и форм практики его субъектов – различных социокультурных общностей.

Литература

1. Авдеев Е.А. Социокультурная динамика в эпоху глобализации: унификация или гетерогенность // Гуманитарные и юридические исследования. 2014. № 2.
2. Бауман З. Национальное государство что дальше? // Отечественные записки. 2002. № 6.
3. Гидденс Э. Последствия современности. М.: Праксис, 2011.
4. Гранин Ю.Д. Глобализация и национализм // Философские науки. 2006. № 7.
5. Гроссфогель Р. Деколонизация политической экономики и постколониальных исследований: транс-модерность, деколониальное мышление и глобальная колониальность // Неприкосновенный запас. 2013. № 5(91). [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2013/5/7g.html> (Дата обращения: 23.03.2015).
6. Ионов И.Н. Новая глобальная история и постколониальный дискурс // История и современность. 2009. № 2.
7. Маркс К. Энгельс Ф. Сочинения. Т.4. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955.
8. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: A-cademia, 1994.
Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М.: АСТ; Транзиткнига. 2004.
9. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: ООО Изд-во АСТ, 2003.
10. Чешков М.А. Современный мир как целое (идея эпистемологического поворота) // Мировая экономика и международные отношения. 2008. № 11.
11. Pieterse J.N. Globalization and culture. Three paradigms // Economic and political weekly. 1996. Vol. 31. № 23.
12. Robertson R. Glocalization: Time-Space and Homogeneity-Heterogeneity // Global Modernities. L.: SAGE, 1995.

УДК 141.2

Е. О. Бурчикова

ВИРТУАЛИЗАЦИЯ КАК ТЕНДЕНЦИЯ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

В статье рассматривается процесс виртуализации в современной общественной жизни, актуализируется социокультурное значение процесса виртуализации и его влияние на развитие современных процессов в жизни общества. Анализируются инфокоммуникативные технологии как фактор формирования социальных практик в информационном обществе. Виртуализация социальной жизни представляется как

особая форма пространства жизнедеятельности человека, где форма взаимоотношений между людьми детерминирована принципиально новыми знаками и символами, рожденными в рамках техногенного глобализирующегося социума.

Ключевые слова: виртуализация, инфокоммуникативные технологии, информационное общество, Интернет-реальность, виртуальная реальность.

Е. О. Burchikova

VIRTUALIZATION AS A TENDENCY OF THE INFORMATION SOCIETY

The article deals with the process of virtualization in contemporary social life with the emphasis on social and cultural significance of the process of virtualization and its impact on the development of modern processes in society. The author analyzes the information and communication technologies as a factor of social practices in the Information Society. Virtualization of social life

is presented as a special form of the space of human life, where the type of relationship between people is determined by fundamentally new signs and symbols which originated within the framework of technogenic globalizing society.

Key words: virtualization, information and communication technologies, information society, the Internet reality, virtual reality.

Информационное общество демонстрирует высокий уровень внедрения виртуальности в социальную, политическую, экономическую стороны жизни социума, это свидетельствует о тенденции виртуализации общества в целом. Что касается самого концепта информационного общества, то его классическая мысль разрабатывается в теориях Э. Тоффлера, Дж. К. Гэлбрейта, Д. Белла и т. д., которые фиксируют его особенности, прибегая к приставке «пост» (в частности, постиндустриальное общество). Как отмечает Е.А. Сергодеева: «Критика теории модерна в конце XX века привела к появлению целого спектра новых концептуальных моделей современности. Наиболее распространенной характеристикой общества и культуры становится

их обозначение с приставкой «пост-», что предполагает преодоление в современной социальной ситуации предыдущих трендов развития» [4, с. 44]. Современность в этом смысле непрерывно диктует человеку свои собственные нормы коммуникативного взаимодействия, модифицированные под влиянием новейших тенденций в инфокоммуникативных технологиях.

Подобные факты демонстрируют выход проблематики виртуальности за пределы специальных, технических наук, и переориентацию вопросов виртуальности в область социальной и философской мысли. Философы обращаются к этим вопросам для того, «чтобы ответить на новые культурные вызовы и суметь встроиться в новые конфигурации социальных практик» [5, с. 138]. Поэто-

му сегодня термин виртуализация все чаще употребляется не только применительно к компьютерным технологиям, но и в более широком, социокультурном контексте.

При обращении к вопросу виртуализации общественных процессов на первый план выходят показатели информатизации современного социума, его зависимости от уровня научно-технологического прогресса со всеми вытекающими особенностями подобной динамики. Виртуальная реальность, став крупнейшим достижением современности, и своеобразной визитной карточкой информационного общества, является одним из ведущих факторов развития научной, технической, социальной, экономической, культурной и других областях общественного уклада жизни. Именно о тех явлениях, к которым применимы критерии виртуализации, можно говорить, как о прогрессирующих модулях, отражающих современное устройство мировых общественных процессов.

Важно отметить, одним из результатов процесса технологизации является использование единой мировой информационной системы – Internet. При сложившейся ситуации, отличающейся внедрением инфокоммуникативных технологий в повседневный оборот взаимодействий: формируется единое информационное пространство, возрастает потребность человека в виртуальном общении, и получении доступа к общим информационным ресурсам, осмыслении и переработке большого объема информации. Компьютеризация, и как следствие, информатизация, воздействуя на человеческую мысль, культуру, жизнь, становятся новыми объектами изучения, применения и использования, они охватывают все сферы деятельности процессов коммуникативных взаимодействий, что дает возможность выйти на создание совершенно иной системы – системы социокультурной виртуальной реальности.

Предпосылки возникновения феномена виртуальной реальности, а также результата активного продвижения «виртуального» в рамках различных сфер социальной, экономической и политической жизни общества,

берут начало с момента становления информационного общества. Классическая мысль исследования в вопросе тотального влияния распространения информации на процессы и явления общественного развития, отсылает нас к таким авторам как Э. Тоффлер, Дж. К. Гэлбрейт, П. Дракер, Д. Белл. Наступление эры электронно насыщенной цивилизации предсказывали многие ученые, работающие над закономерным развитием общества посредством влияния НТП.

В ракурсе виртуализации социальной реальности наибольший интерес среди классических исследований информационного общества представляет работа Д. Белла «Грядущее постиндустриальное общество». Автор, исследуя различные аспекты становления информационного общества, приходит к выводу, о том, что «в наступающем столетии решающее значение для экономической и социальной жизни, для способов производства знания, а также для характера трудовой деятельности человека приобретет актуальность становление нового социального уклада, зиждущегося на телекоммуникациях» [1, с. 265]. Действительно, сталкиваясь с современными характеристиками, влияющими на развитие общества сегодня, мы видим насколько четко и уместно отправка причин подобного становления социума к повсеместному влиянию и воздействию инфокоммуникативных технологий со всеми видимыми и невидимыми последствиями развития.

Нужно отметить также работы М. Кастельса, которые стали новым этапом в философском исследовании информационного общества. Он придает информации особую роль в качестве ресурса, наиболее легкого для проникновения через границы времени и пространства. Благодаря этим характеристикам инфокоммуникационные технологии способствуют созданию сетевых структур, характерных для современного общества. Раскрывая значение сетевых структур, М. Кастельс отмечает: «Именно сети составляют новую социальную морфологию наших сообществ, а распространение «сетевой» логики в значительной мере ска-

зывается на ходе и результате процессов, связанных с производством, повседневной жизнью, культурой и властью» [2, с. 106]. Философ обосновывает тезис о том, что сетевые структуры оказывают воздействие, равное воздействию властных элементов в целом, а имея возможность принадлежать к той или иной сетевой «команде», индивидуальная личность приобретает статус властного элемента, что по Кастельсу, выступает в качестве нового источника власти.

Одной из особенностей процесса виртуализации – является способность расширять возможности человека. Виртуальная реальность выступает как катализатор и активизирующий фактор по отношению к потенциальным возможностям человека. «Она не есть просто механическое отображение объективной действительности, она способ построения и реализации новых параметров реальности на основе системного моделирования человеческой деятельности и возможной реальности бытия» [7, с. 143]. Данная особенность виртуализации общественных процессов спровоцировала толчок к возникновению таких явлений, как «виртуальная экономика», «электронное правительство», «виртуальный офис», «электронная биржа», «интернет-магазин», «дистанционное обучение» и ряд многих других подобных явлений.

Именно виртуализированный процесс в общественной жизни, вне зависимости от сферы действия, может свидетельствовать об актуальном и далеко идущем векторе развития. Сейчас виртуальная реальность, в виде процесса виртуализации действительности, заявляет о себе, как о средстве преобразования объективной реальности. Она вполне может стать соратником и помощником в модернизации экономических, социальных, технических, проектных и других важных сторон объективной реальности. Однако, негативным фактором, способным перекрыть положительное «сальдо» виртуализации реальности, может стать ее бескомпромиссное воздействие на духовно-психологический мир человека, а в совокупности на весь комплекс человеческой культуры.

Интересно в этом смысле обратить внимание на виртуализацию экономической сферы, поскольку при всей, казалось бы, зависимости развития экономических процессов от стандартных форм обмена ресурсами, благами, важно отметить принципиально новую форму развития товарно-денежных отношений, реализуемую путем повсеместного введения в обиход так называемых виртуальных взаимодействий. Феномен виртуализации экономической сферы общества связан с рассмотрением такой предметной и проблемной области, которая определяется современными исследователями как «виртуальная экономика».

В отечественной мысли можно выделить два основных подхода к трактовке этого явления. В первом случае «виртуальная экономика» приобретает статус комплекса параметров (цен, платежей, зарплат), основанных на влиянии лжи и обмана, на иллюзии и притворстве всех элементов экономической системы [3]. Этот подход представляется архаичным, отражающим реалии индустриального общества и не имеющим эвристической ценности для изучения информационного социума. Второй подход основан на характеристике «виртуальной экономики» как результата динамического процесса виртуализации, связанного с формированием глобальной сети Internet и тотального проникновения во все сферы жизни инфокоммуникативных технологий [6].

Таким образом, информатизация общественной жизни переводит часть социокультурных процессов в виртуальное пространство, в котором именно информация выступает основным товаром, своеобразным продуктом массового производства и потребления. Производство информации в этом обществе не вытесняет материальное производство, а развивается параллельно с ним, стимулируя его развитие. При этом производимые знаки и символы становятся симулякрами, виртуальными образами, которые конструируют гиперреальность, трансформируя её под элементы виртуальной экономики. Экономика

информационного общества берет в качестве основы своего функционирования отрасли инфокоммуникативной индустрии, которые отражают такие процессы как технологическая конвергенция и корпоративное слияние. Инфокоммуникативные технологии, оказывая воздействие на все отрасли экономики, а также в значительной мере влияя на конкурентоспособность стран в мировом масштабе, формируют своеобразный показатель развития современной экономики. Выбор основного направления развития экономического компонента общества, таким образом, попадает в прямую зависимость от степени и скорости развития информатизации и виртуализации общества.

Виртуализацию социальной жизни можно представить как особую форму пространства жизнедеятельности человека – киберпространства, где форма взаимоотношений между людьми не просто теря-

ет свою заурядную суть, обезличиваясь в результате процессов обобществления и отчуждения, а в важной степени детерминруется принципиально новыми знаками и символами, рожденными в рамках техногенного глобализирующегося социума. В свою очередь, классические социальные институты трансформируются и теряют непосредственную власть над индивидом, а сама социальная реальность, попадая в виртуальное пространство, служит носителем тенденции перехода в иные формы деятельности. Система социальной виртуальной среды встраивается в сетевой мир взаимодействий, где прочно заняли свое место средства массовой информации, рекламная агентура, банковская система, торговый сектор и т.п. Поэтому можно сказать, что современные элементы социума приобретают совершенно иные формы, подстраиваемые под соответствующий уровень технологических преобразований.

Литература

1. Бел Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 1999.
2. Кастельс М. Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. М.: Academia, 1999.
3. Потемкин А.П. Виртуальная экономика и сюрреалистическое бытие: Россия. Порог XXI века. М.: ИНФРА-М, 2000.
4. Сергодеева Е.А. Подозрение как феномен современной культуры // Философские науки. 2013. № 6.
5. Сергодеева Е.А. Рациональность современного философского дискурса // Гуманитарные и юридические исследования. 2014. № 2.
6. Схалыхо З.Ч. Особенности виртуализации экономической сферы современного общества (социально-философский анализ): дис. ... канд. филос. наук. –айкоп, 2008. 155 с.
7. Хайм М. Метафизика виртуальной реальности // Исследования по философии современного понимания мира. 1995. № 1.

УДК 141.2

Е. Ю. Мищенко

СМИ КАК МЕХАНИЗМ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ РЕАЛЬНОСТИ
ОБЩЕСТВА ПОТРЕБЛЕНИЯ: ВЗГЛЯД Ж. БОДРИЙЯРА

В статье проведен философский анализ СМИ как одной из форм репрезентации окружающей действительности в обществе потребления. Особое внимание уделено анализу «среды» как таковой в обществе такого типа. Автор основывает свою точку зрения на данный феномен через призму взглядов Ж. Бодрийяра, досконально занимавшегося исследованиями этого во-

проса. Разнообразие аспектов в формировании «среды» общества потребления (особенно роль СМИ) говорит о сложности данного феномена и дальнейшей необходимости более глубокого его рассмотрения и изучения.

Ключевые слова: общество потребления, современность, постмодернизм, идеология, реальность, репрезентация, СМИ.

E. Y. Mishchenko

MASS MEDIA AS A MECHANISM FOR THE REPRESENTATION
OF REALITY OF «THE CONSUMER SOCIETY»: A VIEW OF JEAN BAUDRILLARD

The article offers philosophical analysis of the media as a form of representation of reality in the consumer society. Particular attention is paid to the analysis of «environment» in such a society. The author bases his view on this phenomenon through the prism of views of Jean Baudrillard, who thoroughly examined this issue. A variety of as-

pects in the formation of the «environment» of the consumer society, especially the role of the media, indicates the complexity of this phenomenon and the need for its further studies.

Key words: the consumer society, modernity, postmodernism, ideology, reality, representation, mass media.

В настоящее время многие ученые и мыслители определяют переживаемую обществом эпоху как «общество потребления», а систему определенных принципов, концептов, идей и ценностных ориентиров, присущих ей, как «идеологию потребления». Характерным для данного типа общества является, то, что индивиды потребляют сверх своих обыденных потребностей, а также стараются выбирать из всего большего (часто искусственно созданного) разнообразия предметы и услуги для удовлетворения своих растущих потребностей. Желание потреблять и сама, как таковая, потребность в постоянно «обновляемом обладании» становятся искусственно созданными и представляют собой объекты появившееся вследствие потребительских практик [2].

В современном обществе имеют место изобилие и потребление, основанные на увеличении богатств, материальных благ

и приводящие к изменениям «экологии» человеческого вида [1]. Индивиды общества потребления (изобилия) находятся не столько в обществе других представителями своего рода, сколько в обществе объектов потребления. Коммуникация людей состоит не в общении с подобными себе людьми, а во владении благ и манипуляций с ними. Это приводит к формированию особой среды потребления.

Понятие «среда», «окружение» достаточно популярны не только с того момента как индивиды стали жить в близости с другими индивидами, но и в последствии влиянии предметов, которые несут своим обладателям могущество, изобилие, а также говорят об отсутствии людей себе подобным [1, с. 5]. Общество живет в ритме этих вещей, основывается на их не прерывающейся последовательности. Индивиды видят, как вещи «возникают», «совершенствуются» и

«умирают», хотя в предыдущих цивилизациях вещи и инструменты проявляли свою долговечность и жили намного дольше, в отличие от людей [1]. Вещи не конструируют флору и фауну, но они создают своим присутствием эффект разрастающейся растительности, где индивид «нового» типа ищет проявления цивилизации. Эта флора и фауна – детище человека и возникли для того, чтобы окружить его и проникнуть в него.

Специфичной чертой городов нового типа выступает разнообразие предметов. Гигантские магазины с их разнообразием одежды и товаров первой необходимости выступают как первичный дизайн и место изобилия. Присутствует что-то более важное в этом нагромождении, чем простая последовательность продуктов: излишек, магическое уничтожение нужды. Кажется, что всего этого достаточно, даже слишком много для этого мира.

При всей видимости нагромождения, все предметы формируются в наборы или коллекции. Многие магазины продают серийные предметы, которые отправляют от одних предметов к другим, отличные друг от друга или соответствуют. В настоящее время мало какие предметы продаются по одному, без контекста, о котором говорят другие предметы. Отношение потребителя к этому предмету меняется: он рассматривает на каждую вещь в отдельности, а в целом, как ансамбль [1, с. 7]. Потребитель будет проходить от предмета к предмету постепенно, вовлекаясь таким образом в своеобразный подсчет предметов.

Подсчет и изобилие в совокупности представляет собой дрогстор (новый коммерческий центр), который открывает возможность для связи разнообразных форм деятельности потребителя (флирт с предметами, шопинг, игровое блуждание и комбинирование возможностей). В таком представлении дрогстор выступает более подходящим и необходимым для потребления современного типа нежели чем обычные магазины, где количественное нахождение продуктов дают меньше места для игрового исследования. Дрогстор пока-

зывает не различные категории товаров, а сочетание форм всех категорий благ. Культурный центр в данном случае выступает одной из составных частей коммерческого центра. Товар там культурализован и преобразован в игровую и отличительную массу, в один из компонентов общей коллекции благ, потребляемых людьми. Современная повседневность – это навык сделать из шопинга максимально приятное действие, в одном и том же центре покупая за раз все необходимое. В современных коммерческих центрах есть все, начиная от кафе и кино и заканчивая безделушками [1, с. 8].

Своеобразным механизмом, конструирующим реальность общества потребления, выступают СМИ. Для СМИ в обществе потребления присуще преподнесение фактов в виде «универсального «происшествия». Любая культурная, политическая, историческая информация доводится до масс в одном и том же формате безобидного и чудотворного происшествия. Вся она актуализирована (представлена в форме зрелища), т. е. взята дистанционно ввиду посредничества коммуникации и сведена к простым знакам. Происшествия не выступают одной из немногих категорий, а являются кардинальной категорией «мифологии», «магической мысли». Мифология такого типа основывается на постоянной необходимости в «объективности», реальности. Повсеместно мы встречаем прямой репортаж, документальное кино, экстренное сообщение. Повсюду пытаются найти «основу события», стараясь испытать целостное присутствие в событии, показанного по телевизору, не присутствуя на месте происшествия.

Транслируемые сообщения претендуют на достижение компромисса между сообщением и экспертным знанием, поскольку только последнее, благодаря заложенному в нем властному потенциалу способно репрезентовать реальность как «настоящую» [8, с. 137]. При этом ситуация «находится там, не присутствуя там», выступает как фантазм. СМИ предоставляют обществу нереальность и действительность, а головокружение от этой действительности.

Аллегорический знак события и сами знаки являются для общества успокоительными. Индивиды живут под «прикрытием» знаков и отказываются от «настоящей» действительности. Знак, образ или послание, которые люди потребляют, представляют собой спокойствие души, подкрепленное дистанцированностью от окружающего мира. Содержание посланий и смысл знаков индифферентны. Индивиды не включаются туда, а СМИ не направляют их к миру, они дают им возможность потреблять знаки в качестве знаков. Отношение потребителя к окружающему миру, к истории, к политике и культуре не выступает проявлением интереса или участия, а проявляется как любопытство. Общество потребления выступает как отказ от действительности, основанный на принципе постоянного и растущего изучения ее знаков.

Потребление трансформирует полное исключение из мира в максимально полный знак безопасности, оно дает ощущение счастья посредством размыwania напряженности. Но, в свою очередь, такое потребление ведет к пассивности, которая является характерной для системы ценностей нового типа, и противоречит прежней морали «действия и эффективности». В силу этого возникает чувство виновности, основывающееся на новом типе гедонистическом поведении. Именно потребностью освобождения пассивности от виновности обусловлено возникновение зрелищной драматизации, формируемой СМИ. Чтобы разрешить несоответствие между пуританской моделью и моралью гедонистической, необходимо, чтобы душевное спокойствие частной сферы стал проявляться как высшая ценность, пребывающая в постоянной угрозе. Бездушные и насилие внешнего мира необходимы для того, чтобы безопасность ощущалась намного глубже, и каждый имел право ее выбирать. Повсеместно должна предлагаться фатальность, что бы на ее фоне банальность была оправдана [1, с.15]. Большой спрос на новости об автомобильных катастрофах в СМИ показывает,

что выражение «повседневной фатальности» выполняет важную коллективную функцию. Репортажи об автомобильных смертях испытывают конкуренцию лишь с прогнозами погоды. Повседневность выступает как совокупность эйфории от комфорта и пассивности и «мрачного наслаждения» от осознания возможности жертв, приносимых судьбе. Общество потребления хочет быть охваченным в кольцо, быть богатым и находящимся под угрозой. В этом и состоит его идеология [1].

Таким образом, современное общество находится на такой стадии развития, когда «потребление» пронизывает всю его жизнь, когда практически все виды деятельности пересекаются одним и тем же способом, когда удовольствие расписано заранее, когда «среда» выступает сформированной субстанцией, с присущим ей микроклиматом, культурализована. Микроклимат благ, жизни, поведения, услуг и социальных отношений в феноменологии потребления выступают как конечная стадия эволюции, которая стартует с обычного изобилия товаров и через возникновение цепи объектов потребления заканчивается всеобщим координированием времени и действий, возникновением окружающей среды вписанной в будущее города, которые состоят из современных коммерческих торговых центров. Своеобразную роль в конструировании реальности общества такого типа (общества потребления) играют СМИ. СМИ выступают как некий комплекс формирующий восприятие окружающей действительности у индивидов, позволяя человеку в какой-то мере быть вовлеченным в происходящие события, но при этом, и находится за кадром. Благодаря СМИ индивиды видят специально созданную, оформленную картину происходящих событий и, соответственно, на основе увиденного они и формируют свое отношение к ним. СМИ создает «искусственную реальность», которая в значительной мере может отличаться от действительности.

Литература

1. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. М.: Культурная революция, Республика, 2006.
2. Бодрийяр Ж. Система вещей. М.: Рудомино, 2001.
3. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. М.: РИПОЛ Классик, 2015.
4. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального. Екатеринбург, 2000.
5. Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. М.: Добросвет, 2000.
6. Гопкало О.О. Теория общества потребления в современной социологии: дис. ... канд социол. наук. СПб, 2006. 155 с.
7. Овруцкий А. В. Феноменология общества потребления // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2011. № 1.
8. Сергодеева Е.А. Рациональность современного философского дискурса // Гуманитарные и юридические исследования. 2014. № 2.
9. Чадаева А.Г. Мифогенез и роль мифа в культуре общества потребления: Дис. ... канд. культ. наук. М, 2006. 162 с.

УДК 316.3

М. Е. Попов
**КОНФЛИКТЫ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ VERSUS СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ:
РОССИЙСКАЯ СПЕЦИФИКА**

Статья посвящена исследованию особенностей конфликтов идентичностей как угрозы социокультурной интеграции современного российского общества. Автор рассматривает основные факторы конфликтов идентичностей и подчеркивает дестабилизирующую роль политизации этничности. Среди системных условий эскалации конфликтов идентичностей автор называет:

модернизационные риски, традиционализацию, кризис идентичности, этническую напряженность.

Ключевые слова: конфликты идентичностей, социокультурная интеграция, российское общество, модернизационные риски, традиционализация, кризис идентичности, политизации этничности, этническая напряженность.

М. Е. Popov
**IDENTITY-BASED CONFLICTS VERSUS SOCIAL
AND CULTURAL INTEGRATION: RUSSIAN SPECIFICITY**

The article is devoted to features of identity-based conflicts as a threat to the social and cultural integration in modern Russian society. The author considers the principle factors of the identity-based conflicts and emphasizes destabilizing role of the politicization of ethnicity. Among the systemic conditions of the escalation of the identity-based

conflicts the author points out the following: modernization risks, traditionalization, identity crisis, ethnic tensions.

Key words: identity-based conflicts, sociocultural integration, Russian society, modernization risks, traditionalization, identity crisis, politicization of ethnicity, ethnic tensions.

Конфликты идентичностей как специфическая форма современных социокультурных конфликтов отражают мировоззренческие противоречия в коллективных (макросоциальных и культурно-цивилизационных) ценностях. Конфликты идентичностей сложнее поддаются конструктивному урегулированию, так как социокультурные общности не могут пойти на компромиссы в отношении собственной идентичности

конфликтов идентичностей сложнее поддаются конструктивному урегулированию, так как социокультурные общности не могут пойти на компромиссы в отношении собственной идентичности

и фундаментальных групповых ценностей. В этой связи возникает необходимость в применении методов конфликтного урегулирования, построенных на демократическом фундаменте социокультурной интеграции на основе правовых институтов, социальной включенности и справедливости, гражданской идентификации, взаимного морального признания социально-правового и экзистенциального равенства базовых потребностей и ценностей каждой из сторон конфликта. По словам И. С. Семененко, «многомерный конфликт идентичностей – между автохтонными и инокультурными группами, между национальными сообществами в составе современных политических наций, между Центром и регионами, между носителями разных групповых идентификаций и культурных норм – оказывается сегодня препятствием на пути консолидации гражданской нации» [6, с. 114].

В мозаичном, культурно гетерогенном «обществе риска», явившемся порождением атрибутивных «текущей современности» противоборствующих тенденций модернизации и традиционализации, социальная дезинтеграция становится источником эскалации этноконфликтной напряженности, принимающей форму конфликтов идентичностей. В посткоммунистической России угрозы социокультурной интеграции связаны с этнополитической регионализацией и политизацией этничности как следствием противостояния модернизационного и традиционалистского проектов социального развития. В постсоветские десятилетия идеологии этнорелигиозного фундаментализма и политического традиционализма как реакция на незрелость гражданского общества и деконструкцию правовой демократии выступают основными факторами эскалации конфликтов идентичностей.

На теоретическом уровне социокультурная интеграция указывает на базовые рационально-коммуникативные принципы, консолидирующие субъектов в метакультурном пространстве в форме взаимного признания и принятия социальных норм. Интеграция полиэтнического общества означает

рациональное взаимное взаимодействие этнокультурных сегментов в рамках социальной структуры. Концепции социокультурной интеграции являются теоретической частью символического интеракционизма и структурного функционализма, определяющих интеграцию в качестве важнейшего механизма поддержания коллективной идентичности, целостности, функциональности, стабильности социальной системы. Парсонсианство актуализирует внимание на нормативно-ценностной интеграции в процессе социальной консолидации: фундаментальными качествами социокультурной интеграции становятся способность субъектов к ценностно-идентификационной унификации, а также возможность трансформации деструктивных, «нереалистических» конфликтов идентичностей в конструктивные, «реалистические» конфликты интересов как источники социального творчества.

Анализируя «теорию взаимопроникновения» Р. Мюнха, В. Г. Николаев отмечает, что «уникальность современного западного порядка, в отличие от других его типов, состоит не в высокой степени дифференциации и рационализации сфер действия, а в высокой степени их интеграции. Взаимопроникновение есть один из возможных механизмов создания порядка, сочетающий дифференциацию и интеграцию сфер действия. Благодаря этому механизму преодолевается раскол общества, поскольку в противном случае автономные процессы рационализации в разных сферах действия неизбежно создавали бы, в условиях высокой степени дифференциации современного общества, острые (возможно, непримиримые) конфликты между этими сферами. Именно взаимопроникновение поддерживает характерное для современных обществ «единство в многообразии» [5, с. 25–57].

Концепции социокультурной интеграции тесно связаны с теориями идентичности и конфликта, где интеграция интерпретируется как фундаментальная антиконфликтная форма конструирования гражданской идентичности и способ разрешения

этнических противоречий в их наиболее деструктивной форме конфликтов идентичностей на основе социального равенства, гражданского консенсуса и межгрупповой солидарности. При анализе современных этнических процессов социокультурная интеграция рассматривается как результат социализации, адаптации, аккультурации, при этом позитивная интеграции представляет собой антиконфликтальный инструмент социально-правового включения этничности в социокультурное пространство общегражданской идентичности.

На протяжении двух последних десятилетий в мировой науке значительное внимание уделяется изучению конфликтов идентичностей в аспекте социокультурной интеграции. В теоретических построениях, лежащих в основе данных исследований, авторы исходят из того, что конфликты идентичностей (*identity-based conflicts*) – это конфликты, источником которых выступает принадлежность к определенной социокультурной группе. По мнению В.А. Тишкова, факторы социокультурной идентичности и группового статуса являются фундаментальными в современных конфликтах: отказ в признании и дискриминация вызывают неизбежный и непреодолимый протест, по причине огромной значимости социокультурной целостности конфликты идентичностей являются особенно трудными для переговоров и компромисса [7, с. 77].

Понятие «конфликты идентичностей» отражает системный характер ценностно-мировоззренческих противоречий как новых модернизационных рисков «текущей современности» (З. Бауман). В ситуации модернизационных рисков, связанных с посттрадиционными изменениями, этнополитические конфликты трансформируются в ценностно-мировоззренческие конфликты идентичностей – «цивилизационную борьбу за правильный путь в будущее» (У. Бек). В концепциях, лежащих в основании рефлексии взаимосвязи конфликтности и идентичности в посттрадиционной культуре, формируется мысль о том, что идентификационные противоречия тради-

ционалистских и модернизационных ценностных систем конституируются базовыми потребностями в социальной справедливости и этнокультурной безопасности. В этнополитической сфере эскалация конфликтов идентичностей происходит в том случае, когда замкнутая социокультурная общность посредством инструментального пропагандистского воздействия склонна воспринимать себя как «жертву» модернизационных притязаний более успешных открытых социокультурных систем.

Впервые термин «конфликты идентичностей» появляется в работах Дж. Бертон и Дж. Ротмана в 1990-е годы. Дж. Бертон рассматривает коллективную идентичность как одну из базовых потребностей человека, при этом угроза культурной идентичности воспринимается группой как одна из основных угроз безопасности. Более того, Дж. Бертон в качестве ключевых выделяет две потребности: потребность в идентичности и потребность в безопасности. По мнению Дж. Ротмана, важнейшими деструктивными атрибутами конфликтов идентичностей являются их иррациональность, стереотипизация, неуправляемость. Ценностно-идеологические мотивы участия этнических групп в конфликтах идентичностей будут во многом влиять на перспективы их исхода: ради удовлетворения материальных интересов человек не станет сознательно рисковать жизнью, жертвовать собой [1, 2, 3].

Конфликты идентичностей представляют собой социокультурные конфликты, фундаментом которых являются ценностно-мировоззренческие различия и противоречия, обусловленные кризисами и трансформациями культурных идентичностей; эти конфликты детерминированы дихотомией традиционалистских и посттрадиционных ценностных систем и являются атрибутивной частью рефлексивно-модернизационных процессов в мировой культуре. Понятие «конфликты идентичностей» отражает системный характер ценностно-мировоззренческих противоречий как модернизационных рисков глобального мира: интерак-

ция и сближение ранее «чужих» культурных общностей и их идентичностей является неисчерпаемым источником интеграции и конфликтов. Посттрадиционные трансформации как основания конфликтов идентичностей изменяют ранее гомогенное ценностно-мировоззренческое содержание и традиционалистский статус коллективных идентичностей в иерархической оппозиции «мы – они» посредством универсализации интеграционных ценностей. Изменения в иерархии традиционалистских ценностей и посттрадиционный призыв к интеграции и унификации культурных идентичностей в процессе модернизации и глобализации становятся факторами традиционалистского сопротивления. Сосуществование в посттрадиционной культуре разных мировоззрений и ценностей не приводит к неизбежным конфликтам идентичностей, формируя предпосылки к культурному диалогу и гражданской интеграции; однако, когда модернизационные риски и ценностные противоречия в процессе унификации и стирания культурных различий воспринимаются как угрозы безопасности и автономности традиционалистских идентичностей – возникают конфликты идентичностей.

Лежащая в основании социокультурных конфликтов в российском обществе амбивалентность коллективных идентичностей характеризуется противоречием, с одной стороны, традиционалистской (изоляционистской) модели, с другой – интеграционной модели на основе политической открытости, социальной солидарности, гражданской идентификации, рационально-секулярных ценностей. Конфликтность традиционалистских идентичностей обусловлена стереотипизацией образа врага в процессе идеологического конструирования непроницаемых культурных и этнических границ: позитивная идентичность как коллективное тождество (позитивные автостереотипы) формируется посредством конфронтации и отталкивания от «негативной» идентичности «чужих» (негативные гетеростереотипы).

Напротив, в культурно-антропологической модели посттрадиционной идентичности обнаруживается возможность

социокультурной интеграции на основе межэтнического сотрудничества и надэтнического диалога, согласования общих целей и ценностей, установления оптимальных связей между автономными социокультурными общностями и их идентичностями.

Имеющие исторические корни противоречия между модернизационным потенциалом гражданской интеграции и слабой восприимчивостью носителей традиционалистских идентичностей к демократизации и культурному диалогу являются ценностным основанием конфликтов идентичностей. В российском обществе усиливаются традиционалистские черты советскости (изоляциялизм, патернализм, авторитаризм) и политизированной этничности (этнонационализм, фундаментализм, партикуляризм), что ведет к эскалации конфликтов идентичностей и указывает на глубокий кризис в конструировании антиконфликтогенной модели социокультурной интеграции. Традиционалистская мобилизация и политизация этничности как реакция на утрату «советского интернационализма», с одной стороны, и политически незрелые попытки формирования интегрированной в либерально-демократическую цивилизацию посттрадиционной идентичности – с другой, выступает в качестве мировоззренческого основания конфликтов идентичностей.

Содержание конфликтов идентичностей заключается в противоречии между паллиативными попытками конструирования российской гражданской идентичности, с одной стороны, и политической индифферентностью к радикальной мобилизации этнорелигиозного традиционализма – с другой. Конфликты идентичностей в российском обществе характеризуются помимо острого противоречия традиционализации и модернизации также отсутствием общественного метанарратива, интегрирующего социальных субъектов в системное единство. Пространство социально-нормативной унификации в процессе конструирования гражданской идентичности оказывается кризисным: совокупность интересов этнических общностей «институционализи-

руется» в форме взаимоисключающих идеологических стереотипов, генерирующих новые конфликты идентичностей. Т. Гарр в предисловии к российскому изданию монографии «Почему люди бунтуют» обращает внимание читателей на фундаментальные вопросы, касающиеся «причин народного недовольства»: «Начинайте с исследования групповых идентичностей людей, оказавшихся в невыгодном положении, включая бедняков и представителей этнических, национальных и религиозных меньшинств. Задайтесь вопросом, почему групповые идентичности и невыгоды сделали их членов восприимчивыми к различного рода политическим призывам и идеологиям, которые оправдывают протест или мятеж» [4, с. 36].

В заключение отметим, что в современной российской науке возрастает интерес к

концепциям конфликтов идентичностей. На эмпирическом уровне этническая напряжённость, незавершенные социально-политические и экономические трансформации, разрыв между модернизационными вызовами глобализации и российским традиционализмом служат факторами эскалации конфликтов идентичностей, угрожающих социальной безопасности страны, выбравшей более 20 лет назад демократический вектор развития. Системные детерминанты конфликтов идентичностей – эскалация этнонационализма, кризис гражданской идентификации, антимодернизационные экономические процессы в поляризованном социуме – становятся основными факторами деструктивного воздействия на социокультурную интеграцию российского общества.

Литература

1. *Burton J. Conflict Resolution: Its Language and Processes. London, 1996.*
2. *Rothman J. Resolving Identity-Based Conflicts. San Francisco, 1997.*
3. Авксентьев В.А. Этническая конфликтология: в поисках научной парадигмы. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2001.
4. Гарр Т.Р. Почему люди бунтуют. СПб.: Питер, 2005.
5. Николаев В.Г. Непарсонсианство 80-х годов XX века: Рихард Мюнх // *Личность. Культура. Общество*. 2007. Том IX. Вып. 2 (38).
6. Семененко И.С. Социокультурная модернизация и конфликт идентичностей // *Россия реформирующаяся*. Вып. 12: ежегодник / отв. ред. М.К. Горшков. М.: Новый хронограф, 2013.
7. Тишков В.А. Конфликт в сложных обществах. Введение к русскому изданию // *Этнополитический конфликт: пути трансформации: настольная книга Бергхофского центра*. М.: Наука, 2007.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 327.7(8)

А. П. Нелина

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЕКЦИИ АЛЬТЕРГЛОБАЛИЗМА В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ

В статье на примере УНАСУР и АЛБА рассматриваются предлагаемые правительствами «левого поворота» альтернативные модели интеграции, основанные на приори-

тете политического сотрудничества для решения социальных проблем региона.

Ключевые слова: интеграция, альтерглобализм, «левый поворот», УНАСУР, АЛБА.

L. P. Nelina

THE FOREIGN POLITICAL PROJECTIONS OF ALTER GLOBALIZATION IN LATIN AMERICA

The author analyses the cases of UNASUR and ALBA in order to examine alternative models of integration that were offered by the governments of the «left turn». These models are based on the priority of political

cooperation to solve the social problems of the region.

Key words: integration, alter globalization, «left turn», UNASUR, ALBA.

Определяющей тенденцией общественного развития в конце XX – начале XXI вв. является глобализация, затрагивающая наряду с культурной, политическую и экономическую сферы. Среди глобализационных процессов в экономике приоритетным стал процесс повсеместного внедрения неолиберальных стратегий, результатом реализации которых является формирование моделей зависимого развития. По сути, реализация неолиберальных экономических стратегий является вызовом глобализации для государств, не входящих в число стран центра мировой экономической системы. С конца прошлого века попытка поиска ответов на этот вызов осуществляется на уровне глобального гражданского общества и выражается в появлении феномена альтерглобализма. Выдвигая общее требование «справедливой глобализации», это движение имеет свои особенности в каждом из регионов мира. Специфика латиноамериканского альтерглобалистского движения обусловлена тем, что обострение социального вопроса в Латинской Америке

на рубеже веков с одной стороны способствовало зарождению и развитию альтерглобалистского движения в этом регионе, с другой – возрождению популярности «левых» политических партий и движений, многие из которых восприняли альтерглобалистские лозунги.

Разворачивание «левого поворота» в регионе на волне массового разочарования неолиберальным курсом предопределило характер внешне- и внутривнутриполитических инициатив его акторов. Осознание субъективности и управляемости доминирующих в регионе процессов глобализации в первую очередь поставило вопрос об альтернативных формах интеграции, катализатором которых стала интенсификация курса США на создание Зоны свободной торговли для Америк, АЛКА (Área de Libre Comercio de las Américas, ALCA).

В 1989 г. в США был разработан План Американская инициатива (Enterprise for the Americas Initiative, EAI) по формированию зоны свободной торговли в Западном полушарии к 2000г. Но, после подписания

соглашения НАФТА этот план претерпел изменения, и вместо Инициативы для Америки появился проект АЛКА подписание которого было отложено до 2005г. [2, с. 11]. Данный проект, созданный на базе соглашений ВТО, выходит за их рамки, поэтому его называют проектом ВТО-Плюс, также как и НАФТА-Плюс, поскольку он охватывает все Западное полушарие. Существует также мнение, что ВТО, НАФТА и АЛКА формируют глобальную конституцию, которая нивелирует нормы национальных конституций [7, с. 518–519]. Стремление навязать новый неолиберальный проект вызвало волну выступлений против него по всему субконтиненту. Центральным событием борьбы против АЛКА стал I Социальный Форум Америк (FSA) в Кито 29–30 июля 2004 г. Активное выражение мнения общественности, которая оказывала давление на правительства, содействовало отказу южноамериканских правительств подписать договор в 2005г. на саммите в Мар-дель-Плата (Аргентина).

Отказ от подписания АЛКА, тем не менее, не снял повестку интеграции в регионе, он изменил ее характер и приоритеты. Выдвигаемые в регионе инициативы в глобальном масштабе отстаивают концепцию «многостороннего» мироустройства и демонтаж современного глобального диктата США. Кроме того, доминирующая в 1990–2005 гг. концепция «открытого регионализма», постулирующая либерализацию всех секторов экономики и «взаимность» в открытии рынков, в соответствии с требованиями ВТО [8, р. 5], продемонстрировала свою несостоятельность. Подобные, основанные на либерализации экономики и торговли, модели в литературе получили название «негативной интеграции», в то время как «позитивная интеграция» рассматривается как процесс, сосредоточенный на государственной политике и институциональном строительстве [10, р. 14], имеющий целью построение «постлиберальных» моделей, которые в литературе также предлагается рассматривать как модели «альтернативной интеграции» [5, с. 111]. На современном этапе в Латинской

Америке выдвигаются два альтернативных «постлиберальных» проекта интеграции, в значительной мере конкурирующих между собой.

Первый из них, являющийся, по сути, бразильской альтернативой интеграционной модели в регионе, реализуется в рамках создания УНАСУР. В 2000 г. на первом саммите президентов 12 стран Южной Америки Бразилией была выдвинута инициатива создания Южноамериканской зоны свободной торговли. В 2004 г. на третьем по счету саммите президентов стран Южной Америки было принято решение о формировании Южноамериканского сообщества наций в составе 12 стран, входящих в МЕРКОСУР, Андское сообщество наций, а также Суринама, Чили и Гайаны. Наблюдателями стали Мексика и Панама. Правовое оформление Сообщества произошло с подписанием Декларации Куско от 8 декабря 2004 г. В этой декларации были заявлены намерения сократить бедность и нестабильность. В целом же концепция Сообщества во многом перекликается с известной идеей С.Боливара, выступавшего за объединение стран Южной Америки на основе федерации народов в целях роста благосостояния и сохранения безопасности. В апреле 2007 г. на очередной встрече президентов стран Южной Америки на о. Маргарита (Венесуэла) первоначальная концепция формирования Южноамериканского сообщества наций была трансформирована в идею создания Союза Южноамериканских наций, УНАСУР (Unión de Naciones Suramericanas, UNASUR). Учредительный договор УНАСУР был подписан в Бразилиа 23 мая 2008 г. лидерами Аргентины, Бразилии, Боливии, Чили, Эквадора, Венесуэлы, Колумбии, Перу, Парагвая, Уругвая, Гайаны и Суринама.

Причиной изменения походов к процессу интеграции в регионе стало изменение их акцентов. Если в рамках Сообщества главный из них делался на экономическую интеграцию и создание экономического союза по европейской модели, то в рамках Союза акцент сместился на политическое сотрудничество, отодвинув экономические вопросы на второй план [2, с. 15].

С целью снижения давления на страны региона глобальных финансовых институтов одновременно с договором об УНАСУР был подписан договор о создании регионального кредитного института – Банка Юга (Banco del Sur). Его учредителями стали Венесуэла, Аргентина, Бразилия, Боливия, Парагвай, Уругвай, Эквадор. Совокупный капитал Банка составляет 7 млрд. долл., уставной капитал достигает 20 млрд долл. Размеры вкладов стран-участниц определяются с учетом возможностей их экономик. Банк находится в Каракасе и имеет представительства в Аргентине (Буэнос-Айрес) и в Боливии (Ла Пас). Цель Банка – финансирование проектов экономического развития стран-членов по повышению уровня конкурентоспособности, содействию научному и технологическому развитию, стимулированию реализации интеграционных проектов, сокращению дифференциации между экономиками стран-членов, содействию более равномерному и справедливому распределению инвестиций.

Другой важной инициативой в рамках УНАСУР стал запуск регионального телеканала «Telesur», призванного стать альтернативой доминирующим в регионе новостным испаноязычным СМИ США. Его учредителями стали Венесуэла, Аргентина, Куба, Уругвай, вложившие 2,5 млн долл. [1, с. 101]. Канал начал вещание 26 июля 2005 г. под лозунгом «Наш Север – Юг». Миссией «Telesur» была провозглашена «ведущая роль и содействие процессу объединения народов Юга», который понимается не в географическом, а геополитическом значении – концепция, способствующая борьбе народов за мир, самоопределение, уважение к правам человека и социальной справедливости [11].

Таким образом, выдвигаемая Бразилией модель региональной интеграции в рамках УНАСУР, базирующаяся на усилении экономического взаимодействия стран Южной Америки при отведении значительной роли политической и культурной сферам, ставит главной целью создание регионального центра силы в системе международных от-

ношений, обладающего достаточной субъектностью для выбора путей собственного развития и отражает амбиции бразильского руководства на лидерство в этом регионе.

Венесуэльской альтернативой АЛКА является «Боливарианский альянс для народов нашей Америки – Договор о торговле народов», АЛБА-ТКП (Alianza Bolivariana para los Pueblos de Nuestra América – Tratado de Comercio de los Pueblos, ALBA-TCP). Идея АЛБА была выдвинута У. Чавесом в 2001 г. Начало ее осуществлению было положено в декабре 2004 г. заключением первого соглашения в его рамках между Венесуэлой и Кубой. Проект АЛБА предполагает комплексный характер интеграции, затрагивающей все сферы общественных отношений: политическую, экономическую, социальную, культурную, выступающих как единое целое. Это позволяет исследователям расценивать проект не просто как очередной, но как принципиально новый [4, с. 62]. Рассматривая идеологические основы АЛБА в рамках концепции «социализма XXI века» выделяют два основных принципа:

- принцип «кооперативных преимуществ», который предполагает устранение неравенства в развитии и введение неэквивалентного обмена между богатыми и бедными странами посредством применения различных компенсационных механизмов в противовес принципу «сравнительных преимуществ», предполагающему получение высокой и быстрой прибыли [6, с. 52];
- принцип солидарной ответственности за энергетическую безопасность входящих в объединение стран, реализующийся в облегчении бремени закупок энергоресурсов для развивающихся стран [3].

В 2005 г. с подписанием Договора о торговле народов к блоку присоединилась Боливия, внося свой вклад в идеологические основы объединения. Положения ТКП достаточно сходны с принципами АЛБА, но основной акцент в нем сделан на критике неолиберальной модели, разрушающей

механизмы кооперации и производства коренных народов. Согласно ТКП торговля должна служить «укреплению мелких производителей, предпринимателей, кооперативов и общественных предприятий». Договор также содержит ряд требований, направленных на сохранение культуры коренных народов [8, р.10]. Указанные принципы с подписанием трехстороннего соглашения были перенесены на АЛБА в целом.

В политическом плане проект предусматривает создание конфедерации латиноамериканских государств, в экономическом – намечает создание в регионе единого комплекса на основе государственного сектора. В основе интеграции лежит создание альянса государственных нефтяных и газовых компаний «Петроамерика». Сегодня этот проект реализуется государственной нефтяной компанией Венесуэлы PDVSA в рамках трех инициатив: «Петрокарибе», «Петроандина» и «Петросур», хотя охваченные этими инициативами страны и не являются членами АЛБА. Внутри АЛБА предусмотрены механизмы, когда в качестве частичной оплаты поставок венесуэльских энергоносителей страны-участники будут предоставлять продукты питания.

АЛБА также предлагает практиковавшуюся в Латинской Америке на протяжении многих десятилетий стратегию национальной диверсификации на базе импортозамещения заменить стратегией межнациональной диверсификации, основанной на взаимодополняющем развитии [4, с. 59]. В своей деятельности АЛБА-ТКП руководствуется 14 принципами, главными из которых являются утверждения, что «инвестиции должны быть инструментом достижения справедливого и устойчивого развития», а заключаемые между государствами соглашения должны учитывать «уровень развития» и «объемы экономики» каждого из них [9].

В настоящий момент в состав альянса входят Венесуэла, Куба, Боливия, Никарагуа, Эквадор, Антигуа и Барбуда, Сент-Винсент и Гренадины, Доминика, Санта Лусия. Чтобы включить в проект АЛБА большее количество государств, венесуэльское правительство предлагает прежде всего сделать

ставку на сотрудничество государственных компаний или создание новых совместных предприятий. Примерами служит активное участие Венесуэлы в инициативах УНАСУР – Банке Юга и учреждении «Telesur», оказывая тем самым влияние на бразильские инициативы. По данным венесуэльского Центра экономических исследований (СИЕКА), с момента создания АЛБА до середины 2008 г. Венесуэла вложила в этот проект 32,95 млрд долл., или 23,5 % доходов бюджета за указанный период [3].

В целом же представляется возможным рассматривать АЛБА с одной стороны, как торгово-инвестиционный инструмент, который Каракас использует для продвижения собственного видения региональной интеграции, а с другой – как внешнеполитическое продолжение внутренней стратегии боливарианской трансформации национальной экономики.

Суммируя выше сказанное, можно сделать следующие выводы:

- процесс имплементации неолиберальных экономических стратегий и основанных на них моделей интеграции, призванных к сокращению возможностей национальных экономик противостоять рискам глобализированной мировой экономики в Латинской Америке наталкивается на противодействие гражданского общества и пришедших к власти на волне антинеолиберальных настроений «левых» правительств;
- в регионе выдвигаются два альтернативных проекта интеграции (УНАСУР и АЛБА), которые на современном этапе доказывают свою жизнеспособность;
- приоритетом предлагаемых альтернативных интеграционных проектов является политическое сотрудничество во имя решения социальных проблем региона, а экономическая интеграция рассматривается в качестве средства достижения этой цели;
- опыт функционирования АЛБА и УНАСУР ставит вопрос о правомерности утверждения о безальтернативности неолиберальной повестки интеграции.

Литература

1. Белов Д., Старостина Е. Интеграционные процессы в Латинской Америке // *Международная жизнь*. 2006. № 3.
2. Костюнина Г.М., Пронина Н.К. Эволюция концепции формирования общерегиональной зоны свободной торговли в Латинской Америке / Г.М. Костюнина, Н.К. Пронина // *Российский внешнеэкономический вестник*. 2008. № 7.
3. Лезгинцев Ю. «Боливарианская альтернатива для Америк» как новая форма интеграционных объединений в странах Латинской Америки и Карибского бассейна // *Экономические стратегии*. 2009. № 5-6. [Электронный ресурс] URL: http://www.inesnet.ru/magazine/mag_archive/free/2009_05_06/lezgintsev.htm (Дата обращения: 31.10.2014).
4. Пятаков А. Латиноамериканская грань мирового альтерглобализма: итоги и перспективы развития // *Свободная мысль*. 2007. № 7.
5. Пятаков А.Н. Модели альтернативной интеграции Латинской Америки в начале XXI в. // *Ибероамериканские тетради*. Вып 3(5) – МГИМО-Университет, 2014.
6. Строганова Е.Д. Идеи социализма в Латинской Америке // *Латинская Америка*. 2009. № 12.
7. Суліма Є.М., Шепелєв М.А. Глобалістика: підручник. К.: Вища школа, 2010.
8. Fritz T. ALBA contra ALCA : La Alternativa Bolivariana para las Americas: una nueva via para la interacion regional en Latinoamerica / Thomas Fritz; Centro de Investigacion y Documentacion Chile Latinoamerica (FDCL). Berlin, 2007.
9. Fundamental Principles of the Peoples' Trade Treaty (TCP) [Internet resource]. URL: <http://www.alba-tcp.org/en/contenido/governing-principles-tcp> (fecha de recurso visitada: 16.03.2015).
10. Sanahuja J.A. Del «regionalismo abierto» al «regionalismo post-liberal». Crisis y cambio en la integracion regional en America Latina / Jose Antonio Sanahuja // *Anuario de la Integracion Regional de America Latina y el Gran Caribe 2008-2009*. Buenos Aires. 2008. № 7.
11. Sobre teleSUR [Recurso de Internet]. URL: <http://www.telesur.tv.net/pages/sobrenosotros.html> (fecha de recurso visitada: 16.03.2015).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Авдеев Евгений Александрович – аспирант кафедры социальной философии Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь) / ewg.avdeev@yandex.ru

Билевич Ольга Ивановна – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры социально-политических и исторических наук Брестского государственного технического университета (г. Брест, Республика Беларусь) / olga.bilevich@mail.ru

Бондаренко Ольга Васильевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры культуры русской речи Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь) / BOVbondarenko@yandex.ru

Булыгина Тамара Александровна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь) / bul.tamara2011@yandex.ru

Бурчикова Елена Олеговна – аспирант кафедры философии Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь) / madam.elen@inbox.ru

Галачиева Мадина Маратовна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса Северо-Кавказского горно-металлургического института (государственного технологического университета) (г. Владикавказ) / gala_madina@rambler.ru

Дудайти Альберт Константинович – доктор исторических наук, профессор кафедры новой, новейшей истории и исторической политологии Северо-Осетинского государственного университета (г. Владикавказ) / adudaiti@mail.ru

Ежова Елена Николаевна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой средств массовой информации Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь) / ezhova.elena1@gmail.com

Зверева Людмила Алексеевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь) / istorirossii@yandex.ru

Золоева Зарина Тамерлановна – старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Северо-Кавказского горно-металлургического института (государственного технологического университета) (г. Владикавказ) / 4noiabria@mail.ru

Ивонин Юрий Евгеньевич – доктор исторических наук, заведующий кафедрой всеобщей истории Смоленского государственного университета, Заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Смоленск) / juri_ivonin@rambler.ru

Ивонина Людмила Ивановна – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Смоленского государственного университета (г. Смоленск) / ivonins@rambler.ru

Ким Игорь Константинович – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Волгоградского государственного социально-педагогического университета (г. Волгоград) / kokes@mail.ru

Койбаев Бори Георгиевич – доктор политических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Северо-Кавказского горно-металлургического института (государственного технологического университета) (г. Владикавказ) / koibaevbg@mail.ru

Кукоба Лена Ивановна – аспирант кафедры истории древнего мира и средних веков Киевского национального университета имени Тараса Шевченко (г. Киев, Украина) / lienakukoba@gmail.com

- Лохова Ирина Владимировна** – аспирант кафедры истории древнего мира и средних веков Северо-Осетинского государственного университета (г. Владикавказ) / irchik148@rambler.ru
- Луговая Екатерина Александровна** – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Ставропольского государственного педагогического института университета (г. Ставрополь) / ek.lugovaya@yandex.ru
- Магомедов Магомед Магомедсултанович** – магистрант факультета истории, философии и искусств Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь) / antixtremstav@yandex.ru
- Мищенко Елена Юрьевна** – аспирант кафедры философии Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь) / madam.elen@inbox.ru
- Муртазин Марат Фахрисламович** – кандидат философских наук, доцент Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Москва) / mmurtazin@mail.ru
- Нелина Лариса Павловна** – кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры истории, страноведения и правоведческих дисциплин с методикой преподавания Гуманитарно-педагогической академии (филиал) Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского (г. Ялта) / larisanelina@gmail.com
- Пантюхина Татьяна Викторовна** – кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и всеобщей истории Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь) / pantyukhina@rambler.ru
- Петренко Денис Иванович** – доктор филологических наук, доцент кафедры русского языка Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь) / petrenko2045@yandex.ru
- Польская Светлана Анатольевна** – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры археологии и всеобщей истории Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь) / polskaya-sa@yandex.ru
- Попов Максим Евгеньевич** – доктор философских наук, профессор кафедры социальной философии и этнологии Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь) / maximus.porov@gmail.com
- Попова Елена Павловна** – кандидат педагогических наук, доцент кафедры культуры русской речи Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь) / Popova.helen@gmail.com
- Рокина Галина Викторовна** – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Марийского государственного университета (г. Йошкар-Ола) / galina@rokina.ru
- Стрелец Михаил Васильевич** – доктор исторических наук, профессор кафедры социально-политических и исторических наук Брестского государственного технического университета (г. Брест, Республика Беларусь) / mstrelez@mail.ru
- Стыкалин Александр Сергеевич** – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН, зам. главного редактора журнала РАН «Славяноведение» (г. Москва) / zhurslav@gmail.com
- Штайн Клара Эрновна** – доктор филологических наук, доцент кафедры русского языка Гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь) / textus@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

- Avdeev E. A.** – Post Graduate of Chair of Social Philosophy and Ethnology of Institute of Humanities of North Caucasus Federal University (Stavropol) / ewg.avdeev@yandex.ru
- Bilevich O. I.** – PhD in Historical Sciences, Senior Lecturer of Chair of Social and Political and Historical Sciences of Brest State Technical University (Brest, the Republic of Belarus) / olga.bilevich@mail.ru
- Bondarenko O. V.** – PhD in Pedagogical Sciences, Associate Professor of Chair of Culture of Russian Speech of Institute of Humanities of North Caucasus Federal University (Stavropol) / BOVBondarenko@yandex.ru
- Bulygina T. A.** – Dr. of Historical sciences, Professor of Chair of Russian History of Institute of Humanities of North Caucasus Federal University (Stavropol) / bul.tamara2011@yandex.ru
- Burchikova E. O.** – Post Graduate of Chair of Philosophy of Institute of Humanities of North Caucasus Federal University (Stavropol) / mad-am.elen@inbox.ru
- Dudayti A. K.** – Dr. of Historical sciences, Professor of Chair of Modern, Contemporary History and Historical Political Sciences of Ossetian State University (Vladikavkaz) / adudaiti@mail.ru
- Ezhova E. N.** – Dr. of Philology Sciences, Professor, Head of Chair of Mass Media of Institute of Humanities of North Caucasus Federal University (Stavropol) / ezhova.elena1@gmail.com
- Galachieva M. M.** – PhD in Jurisprudence, Professor Chair of Criminal Law and Criminal Procedure Law of North Caucasian Institute of Mining and Metallurgy (State Technological University) (Vladikavkaz) / ga-la_madina@rambler.ru
- Ivonin Y. E.** – Dr. of Historical sciences, Head of Chair of General History of Smolensk State University, Honored Scientist of the Russian Federation (Smolensk) / juri_ivonin@rambler.ru
- Ivonina L. I.** – Dr. of Historical sciences, Professor of Chair of General History of Smolensk State University (Smolensk) / ivonins@rambler.ru
- Kim I. K.** – PhD in Historical Sciences, Associate Professor of Chair of General History of Volgograd State Pedagogical University (Volgograd) / kokes@mail.ru
- Koybaev B. G.** – Dr. of Political sciences, Professor of Theory and History of State and Law, North Caucasian Institute of Mining and Metallurgy (State Technological University) (Vladikavkaz) / koibaevbg@mail.ru
- Kukoba L. I.** – Post Graduate of Chair of Ancient History and Middle Ages of Taras Shevchenko National University of Kyiv (Kyiv, Ukraine) / lien-akukoba@gmail.com
- Lokhova I. V.** – Post Graduate of Chair of Ancient History and Middle Ages of Ossetian State University (Vladikavkaz) / irchik148@rambler.ru
- Lugovaya E. A.** – PhD in Philology Sciences, Associate Professor of Chair of Russian Language of Stavropol State Pedagogical Institute (Stavropol) / ek.lugovaya@yandex.ru
- Magomedov M. M.** – Graduate student of the Faculty of History, Philosophy and Arts of Institute of Humanities of North Caucasus Federal University (Stavropol) / antixtremstav@yandex.ru
- Mishchenko E. Y.** – Post Graduate of Chair of Philosophy of Institute of Humanities of North Caucasus Federal University (Stavropol) / madam.elen@inbox.ru
- Murtazin M. F.** – PhD in Philosophical Sciences, Associate Professor of the National Research University «Higher School of Economics» (Moscow) / mmurtazin@mail.ru
- Nelina L. P.** – PhD in Political Sciences, Senior Lecturer of Chair of History, Geography and Jurisprudential Disciplines with Teaching Methodology Humanitarian and Pedagogical Academy (branch) of V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Yalta) / larisanelina@gmail.com

- Pantyukhina T. V.** – PhD in Historical Sciences, Associate Professor of Chair of Archaeology and General History of Institute of Humanities of North Caucasus Federal University (Stavropol) / pantyukhina@rambler.ru
- Petrenko D. I.** – Dr. of Philology Sciences, Associate Professor of Chair of Russian language of Institute of Humanities of North Caucasus Federal University (Stavropol) / petrenko2045@yandex.ru
- Polskaya S. A.** – PhD in Historical Sciences, Associate Professor of Chair of Archaeology and General History of Institute of Humanities of North Caucasus Federal University (Stavropol) / polskaya-sa@yandex.ru
- Popov M. E.** – Dr. of Philosophical Sciences, Professor of Chair of Chair of Social Philosophy and Ethnology of Institute of Humanities of North Caucasus Federal University (Stavropol) / maximus.popov@gmail.com
- Popova H. P.** – PhD in Pedagogical Sciences, Associate Professor of Chair of Culture of Russian Speech of Institute of Humanities of North Caucasus Federal University (Stavropol) / Popova.helen@gmail.com
- Rokina G. V.** – Dr. of Historical sciences, Professor of Chair of of General History of the Mari State University (Yoshkar-Ola) / galina@rokina.ru
- Stain K. E.** – Dr. of Philology Sciences, Professor of Chair of Russian language of Institute of Humanities of North Caucasus Federal University (Stavropol) / textus@mail.ru
- Strelez M. V.** – Dr. of Historical sciences, Professor of Chair of of Social and Political and Historical Sciences of Brest State Technical University (Brest, the Republic of Belarus) / mstrelez@mail.ru
- Stykalin A. S.** – PhD in Historical Sciences, a leading scientific worker of the Institute of Slavic Studies, Deputy of Chief Editor of the RAS «Slavic» (Moscow) / zhurslav@gmail.com
- Zoloeva Z. T.** – Senior Teacher of Chair of Theory and History of State and Law, North Caucasian Institute of Mining and Metallurgy (State Technological University) (Vladikavkaz) / 4noiabria@mail.ru
- Zvereva L. A.** – PhD in Historical Sciences, Associate Professor of Chair of Russian History of Institute of Humanities of North Caucasus Federal University (Stavropol) / istoriirossii@yandex.ru

Научное издание

ГУМАНИТАРНЫЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научно-теоретический журнал

2015. № 1(5)

Редактор, технические редактор А. Р. Хасанова
Компьютерная верстка И. В. Бушманова
Дизайн обложки С. Ю. Томицкая

Подписано к печати 20.05.2015

Формат 60x84 1/8
Бумага офсетная

Усл. п. л. 18,14
Заказ 147

Уч.-изд. л. 17,33
Тираж 100 экз.

Отпечатано в Издательско-полиграфическом комплексе
ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет»
355009, г. Ставрополь, пр-т Кулакова, 2.

